

Федеральное агентство по образованию Российской Федерации
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Учреждение Российской академии наук «Удмуртский институт
истории, языка и литературы Уральского отделения РАН»

На правах рукописи

ИВШИН ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ
И ОРФОГРАФИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор В. К. Кельмаков

Ижевск 2009

Оглавление

Введение	6
0.1. Общая характеристика работы	6
0.2. Социально-политические предпосылки появления памятников удмуртской письменности	11
0.3. Из истории изучения и выявления памятников удмуртской письменности	14
1. Памятники удмуртской письменности XVIII века, написанные на основе латиницы	17
1.1. Возникновение удмуртской письменности	18
1.2. История изучения удмуртской графики	20
1.3. История изучения удмуртской орфографии	26
1.4. Памятники удмуртской письменности на основе латинской графики	28
1.4.1. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта	28
1.4.1.1. Графика языковых данных Д. Г. Мессершмидта	30
1.4.1.2. Элементы орфографии в материалах Д. Г. Мессершмидта	32
1.4.2. Словник Ф. Й. Страленберга	33
1.4.3. Удмуртский материал в словаре Г. Ф. Миллера	35
1.4.3.1. Особенности графики миллеровских записей	37
1.4.3.2. Элементы орфографии в удмуртском лексическом материале Г. Ф. Миллера	40
1.4.4. Лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку ..	41
1.4.4.1. Особенности графики удмуртских материалов Й. Э. Фишера ...	41
1.4.4.2. Элементы орфографии в языковых данных Й. Э. Фишера	44
1.4.5. Удмуртский перевод молитвы «Отче наш»	45
1.4.6. Обозначение специфических удмуртских звуков средствами латиницы (таблица 1)	46

2. Памятники удмуртской письменности на основе кириллицы (XVIII – первая половина XIX века)	49
2.1. Словари Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и первые стихотворения на удмуртском языке	52
2.1.1. Графические особенности	53
2.1.2. Элементы орфографии	57
2.1.3. Обозначение удмуртских звуков средствами кириллицы в лексических материалах Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и первых стихотворениях (таблица 2)	59
2.2. «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»	60
2.2.1. Графические особенности первой грамматики	62
2.2.2. Элементы орфографии в первой грамматике	68
2.3. Удмуртско-русский словарь Захарии Кротова	70
2.3.1. О графике словаря	71
2.3.2. Элементы орфографии в словаре З. Кротова	77
2.4. Грамматика Михаила Могилина	78
2.4.1. Особенности графики грамматики М. Могилина	80
2.4.2. Элементы орфографии в грамматике М. Могилина	84
2.5. Графическая система грамматик и словаря З. Кротова (таблица 3) ..	85
2.6. Памятники удмуртской письменности первой половины XIX века ..	87
2.6.1. Рукописные словари	87
2.6.1.1. Словарь языка вотяков 1816 года	87
2.6.1.2. Словарь языка вотского 1820 года	89
2.6.1.3. Свод некоторых слов ... 1833 года	91
2.6.1.4. Графические особенности рукописных словарей первой половины XIX века	92
2.6.1.5. Элементы орфографии в рукописных словарях первой половины XIX века	97
2.6.1.6. Обозначение удмуртских звуков в рукописных словарях первой половины XIX века (таблица 4)	98

2.6.2. Текстовые памятники	99
2.6.2.1. Переводы Евангелия	100
2.6.2.2. Азбуки	104
2.6.2.3. Графические особенности Евангелий и Азбук 1847 года	105
2.6.2.4. Элементы орфографии в Евангелиях и Азбуках 1847 года	112
2.6.2.5. Обозначение удмуртских звуков в текстовых памятниках первой половины XIX века (таблица 5)	118
3. Некоторые особенности языка памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века	120
3.1. Становление и развитие удмуртской графики в XVIII – первой половине XIX века.	120
3.2. Становление и развитие удмуртской «орфографии» в XVIII – первой половине XIX века.	125
3.3. Диалектные особенности письменных памятников XVIII – первой половины XIX века	127
3.3.1. Диалектная принадлежность письменных памятников	127
3.3.2. Некоторые диалектные явления, зафиксированные в письменных памятниках	134
3.3.2.1. Некоторые фонетические особенности	135
3.3.2.1.1. В области вокализма	135
3.3.2.1.2. В области консонантизма	138
3.3.2.2. Фонетические явления на морфологическом уровне	144
3.3.2.3. Наддиалектность в текстовых памятниках 1847 года	148
3.4. Характеристика лексического состава памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века	150
3.4.1. Общая характеристика лексики письменных памятников	150
3.4.2. Диалектная лексика	159
3.4.3. Этнографическая лексика	160
3.4.4. Редкие и устарелые (забытые) слова	160
3.4.5. Религиозная лексика	161
Заключение	163

Сокращения	168
Условные сокращения языков и диалектов	168
Условные сокращения населенных пунктов	169
Прочие сокращения	169
Источники	170
Библиография	172
Приложение 1	187
Приложения 2	188
Приложение 3	189

Введение

0.1. Общая характеристика работы

Изучение ранних письменных памятников удмуртского, а также любого другого языка представляет собой один из важнейших моментов языковедческой деятельности. Без знания прошлого, без подробного изучения начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы современного литературного языка.

В последнее время лингвисты стали уделять больше внимания изучению истории языка, возникновению и развитию письменности и литературного языка. Исследование этих проблем требует широкого вовлечения в научный оборот рукописных и опубликованных памятников, которые для многих языков, в том числе и удмуртского, являются важнейшими источниками, воссоздающими более или менее полную картину развития языка на определенном этапе его развития.

Настоящая работа посвящена изучению графики и орфографии памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века. На основе этого делается попытка проанализировать становление и развитие графической системы и орфографии удмуртского языка в указанный исторический период.

Актуальность темы исследования. Источниковедческие проблемы всегда представляли и представляют огромный интерес как для общей, так и для частных лингвистик, поскольку исследование вопросов формирования и развития литературного языка невозможно без анализа всех известных письменных памятников дореволюционного периода, которых насчитывается свыше 400 наименований [Каракулов 2004: 530; 2006: 14]. Для многих языков, в том числе и удмуртского, памятники письменности являются одними из важнейших источников, которые сохранили особенности языка более чем двухвековой давности и содержат в себе уникальный лингвистический материал.

Памятники удмуртской письменности XVIII века (10 названий) в свое время были проанализированы, а их материалы изданы отдельной книгой Т. И. Тепляшиной [1965а]. Но если вопросы, касающиеся их графики, в какой-то мере и рассматривались попутно с диалектными и лексическими особенностями письменных памятников, то орфографические особенности не были объектом исследования ученых. Объективная картина становления современной удмуртской графики и орфографии может быть достигнута лишь при аналитическом исследовании каждого из изданий на удмуртском языке. Небольшие работы обобщающего характера, основанные на рассмотрении графических особенностей отдельных книг, заранее обречены на неполноту и разного рода неточности. В этой связи следует заметить, что данная диссертационная работа, посвященная анализу 21 памятника удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века, является весьма актуальной.

Объектом исследования являются рукописные и печатные памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века.

Предмет исследования – графика и орфография удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века.

Выбор темы исследования продиктован отсутствием специальных работ обобщающего характера, посвященных изучению становления и развития графической и орфографической систем удмуртского языка начального периода его развития. Исследователи бóльшее внимание всегда уделяли выявлению диалектных особенностей памятников письменности, поверхностному изучению их графики. Однако динамику становления удмуртского алфавита и обозначения различными буквами специфических звуков удмуртского языка невозможно исследовать попутно в работах на другую либо общую тему. Объективная картина становления современной удмуртской графики и орфографии может быть достигнута лишь при аналитическом исследовании каждого из изданий на удмуртском языке.

Целью настоящей диссертационной работы является изучение становления и развития графики и орфографии памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века.

Цель исследования предопределила постановку следующих **задач**:

- описание исторических причин и условий появления удмуртских письменных памятников;
- подробный графический анализ каждого письменного памятника удмуртского языка периода XVIII – первой половины XIX века и установление принципов правописания в них;
- выявление динамики развития удмуртской графики и орфографии в обозначенные в теме временные рамки;
- рассмотрение языковых особенностей памятников удмуртской письменности указанного периода, а именно диалектных (на уровне фонетики и морфологии) и лексических.

Теоретической и методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных: ученых В. И. Алатырева, И. В. Тараканова, А. С. Бабинцева, Т. И. Тепляшиной, С. А. Токарева, Г. И. Лаврентьева, В. М. Вахрушева, В. К. Кельмакова, В. Ф. Ивановой, А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой, Б. И. Осипова, Ш. Чуча, Б. И. Каракулова, Я. Гуи, О. А. Сергеева, В. В. Напольских и др.

Основным методом исследования является описательный. В необходимых случаях используются сравнительно-сопоставительный и статистический методы.

Источником исследования явились печатные и рукописные памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века (лингвистические материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. Фалька, первая грамматика удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка», грамматика М. Могилина, удмуртско-русский словарь З. Кротова, рукописные удмуртско-русские и русско-удмуртские словари, первые переводы Евангелий на удмуртский язык и Азбуки на глазовском и сарапульском диалектах) – всего 21 название.

В нашей работе мы также опираемся на материалы, представленные в трудах ученых, ранее изучавших материалы письменных памятников удмуртского языка исследуемого периода: на монографию Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I» [1965а], статью Ш. Чуча

«Egy 18. századi votják nyelvemlék» («Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века») [Csúcs 1883: 311–320], издание венгерского финно-угроведа Яноша Гуи «Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil» («Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть») [Gulya 1995] и книгу В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта» [2001].

На защиту выносятся следующие положения:

– удмуртская письменность возникла (зародилась) в первой трети XVIII столетия на основе латиницы, а кириллица впервые была использована для записи удмуртского стихотворения в 1769 году;

– графическая система, использованная в первой грамматике удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года, послужила основой при составлении рукописных и печатных работ конца XVIII и первой половины XIX века;

– элементы орфографии, полученные от русской письменности XVIII века и заложенные в удмуртской грамматике 1775 года, повторяются в последующих рукописных или изданных работах. Однако с началом издания больших текстовых памятников на удмуртском языке, ненормированная «орфография» развивается в сторону ухудшения;

– в памятниках письменности исследуемого периода отражены диалектные особенности как южноудмуртского, так и северноудмуртского наречий;

– язык переводных изданий 1847 года наддиалектен;

– письменные памятники удмуртского языка XVIII и первой половины XIX века, кроме общеупотребительных слов, отразили узкодиалектную, этнографическую, устаревшую и религиозную лексику.

Степень изученности темы. 10 памятников удмуртской письменности XVIII века (списки удмуртских слов Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа, 2 стихотворения, перевод молитвы «Отче наш», первая грамматика удмуртского языка и грамматика М. Могилина) в свое время были проанализированы, а их материал издан Т. И. Тепляшиной отдельной книгой [1965а]. В монографии им дана всесторонняя характеристика: сведения

об объеме, месте хранения, дате создания; на основе исследования графических, фонетических, морфологических и лексических особенностей каждого памятника определена принадлежность их к тому или иному диалекту удмуртского языка. Т. И. Тепляшиной же были описаны графические [Тепляшина 1971: 129–139] и некоторые морфологические [Тепляшина 1973: 224–226] особенности удмуртско-русского словаря З. Кротова. Лингвистические материалы Й. Э. Фишера по удмуртскому языку были проанализированы в работах венгерских ученых-финно-угроведов Шандора Чуча [Csúcs 1983: 311–320, 1984: 63–80] и Яноша Гуи [Gulya 1995]. Исследованию языковых данных Д. Г. Мессершмидта посвящена монография В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта», изданная в 2001 году. В ней автор приводит текст дневника Мессершмидта на немецком языке, перевод текста на русский язык, примечания к нему, сводный список зафиксированных удмуртских лексем и лингвистические комментарии к ним. Графическое отображение удмуртских аффрикат в лексических материалах Г. Ф. Миллера исследовано в работе Е. Б. Беловой [2001: 54–55].

Памятники первой половины XIX столетия в монографическом плане не изучались. Частным вопросам удмуртской письменности этого периода посвящено несколько работ, среди которых можно отметить публикации Т. И. Тепляшиной [1965б; 1969]; Б. И. Каракулова [1987а; 1999: 71–74]; А. Ф. Шутова [1997]; Е. Б. Беловой [2000]; В. К. Кельмакова [2004а; 2007; 2008: 37–49].

Научная новизна. Настоящая работа является первым опытом детального изучения графики и орфографии памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века. Некоторые из рукописных сочинений, в частности, словари 1816, 1820 и 1833 года, впервые вводятся нами в научный оборот и подвергаются соответствующему языковому анализу. Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– впервые делается попытка подробного анализа графических и орфографических особенностей каждого памятника письменности рассматриваемого периода;

- прослеживается становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века;
- в науку вводятся и анализируются материалы малоисследованных памятников удмуртской письменности;
- исследуются языковые особенности письменных памятников, в частности, диалектные (на уровне фонетики и морфологии) и лексические.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что она послужит основой для написания истории удмуртской графики и орфографии. Фактический материал будет полезен для авторов словарей, вузовских и школьных учебников и учебных пособий, писателей, поэтов, журналистов. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и практических курсах по графике и орфографии современного удмуртского языка и истории удмуртского литературного языка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации апробировались на различных научных совещаниях, в частности, республиканских (Глазов 2003), региональных (Ижевск 2001; Кудымкар 2006; Пермь 2008), всероссийских (Ижевск 2001; Сыктывкар 2008) и международных (Кудымкар 2001; Москва 2001, 2007; Ижевск 2002, 2005, 2008; Пермь 2005; Чебоксары 2006; Глазов 2009) конференциях и симпозиумах. По теме диссертации опубликовано 30 научных работ, в том числе одна статья – в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографии и приложений. В качестве приложений включены ксерокопии (по одной странице) рукописных памятников удмуртской письменности первой трети XIX века. Общий объем работы составляет 189 страниц.

0.2. Социально-политические предпосылки появления памятников удмуртской письменности

В масштабах мировой истории XVIII век был временем нарастающего конфликта между феодально-абсолютистским строем и поднимавшейся

буржуазией. В странах Европы, особенно во Франции, которая стояла на переднем крае общественного развития, развернулось мощное революционизирующее движение, известное под названием Просвещения. Постепенно эпоха Просвещения охватила всю Европу, в том числе и Россию. Для России этот период был необычайно противоречивым временем. В области экономики впервые наблюдалась острая борьба между старыми, феодальными, способами производства и новыми – капиталистическими. Наряду с экономическими преобразованиями, получило начало и культурное развитие страны, рост которого «прежде всего, стимулировала сама абсолютная монархия» [Майер 1975: 28]. В сложившейся обстановке (быстрое экономическое развитие страны, обострение классовых противоречий) власть нуждалась в более образованных кадрах, на которых можно было бы возложить исполнительные функции государственного управления и работу в учебных заведениях. Потребность в изучении природных и людских ресурсов огромной страны и образованных специалистах наметила этнографические экспедиции в различные уголки России и дала толчок для основания научных учреждений самого различного характера – Петербургской Академии наук (1725 год), Московского университета (1755 год) и др. (см. также [Кельмаков 2001а: 9; 2001б: 15]). В течение XVIII века Академия наук снаряжала и отправляла в Поволжье, на Урал и в Сибирь целый ряд экспедиций, которым, наряду с другими заданиями, было предложено собирать языковые данные по всем народам, населяющим необъятные просторы Российской империи. Во все эти процессы в определенной степени была втянута и территория Поволжья, в том числе удмуртское Прикамье. Зарождение и развертывание в России капиталистических отношений сопровождалось не только усилением эксплуатации крестьян и рабочих, но и такими явлениями, которые имели положительные последствия и для периферии, Удмуртского края в том числе – развитие науки и образования с целью подготовки грамотных людей, способных управлять современным капиталистическим производством.

Появление первых удмуртских памятников, а вместе с тем и создание удмуртской письменности, было вызвано, в первую очередь, намерением

изучать окраинные территории России: народы, их быт и языки. Первые попытки собирания лингвистического материала разных народов России, как отмечают некоторые ученые [Тепляшина 1965а: 7], связано с деятельностью Петра I. В 1719 году для изучения страны, ее природных ресурсов, истории и этнографии в Сибирь был направлен немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт, который в течение семилетнего путешествия (1720–1726 годы) собрал богатые материалы различного характера по народам Поволжья и Сибири, в том числе по удмуртам. В 1733–1743 гг. была организована Камчатская экспедиция, среди участников которой были крупные ученые Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер. Им предстояло описать верования, быт, физические данные различных народов, населяющих Россию. В 1768 году по воле императрицы Екатерины II Академией наук была снаряжена другая экспедиция, в которой участвовали П. С. Паллас, П. Фальк и другие ученые. В числе собранных этими исследователями богатейших материалов имеются лексические данные по удмуртскому языку. Лексические материалы этих экспедиций легли в основу крупнейшего лингвистического труда той эпохи под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» [Миллеръ 1791], который включает в себя 273 наименования понятий на двухстах языках Азии и Европы. В нем под номером 65 фигурируют и удмуртские слова.

Таким образом, одной из причин составления (появления) рукописных словарей и тематических словников удмуртского языка является идея составления «Словаря всех языков и наречий...» под редакцией П. С. Палласа.

В истории России XVIII столетие примечательно не только своими великими преобразованиями, но и мрачными политическими коллизиями русского самодержавия, проявившимися, в первую очередь, в деятельности церквей по христианизации нерусских народностей, которая на Руси на первых порах проводилась посредством насилия и принуждения, жестоких преследований инаковерующих. Однако одни лишь принудительные меры не давали желаемых результатов. Поэтому правительство стало уделять внимание вопросам обучения новокрещенных в школах и подготовке квалифицированных миссионеров из их же среды. В связи с этим, у миссионеров возникла необхо-

димось в овладении языком народа, с которым они работали. Не случайно митрополит Вениамин Пуцек-Григорович изучал инородческие языки Поволжья. Неудачный опыт прошлого заставил пересмотреть методы обучения нерусских детей в школах, натолкнул на мысль о необходимости обучения учащихся на их родном языке. Учитывая необходимость использования родного языка в школьном обучении, правительство в 1775 году разрешило напечатать первую удмуртскую грамматику под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочиненія 1775].

В XIX веке политика правительства и Синода была направлена на укрепление и развитие христианской религии и христианской культуры среди нерусского населения России. Для достижения этой цели «создавались небольшие словарики и учебные пособия» (см. подробнее [Кузнецова 2000: 97]), на языки инородцев переводилась клерикальная литература, издавались богослужебные книги. Надо признать, что в процессе христианизации был накоплен большой опыт переводческой деятельности, а в переводах текстов Евангелий и Азбуках, изданных в 1847 году в Казани, выработана основа для удмуртского литературного языка. Таким образом, создание книг на удмуртском языке в первой половине XIX века в основном было обусловлено миссионерской деятельностью православной церкви.

Во второй половине XIX века количество переводных изданий становится намного больше, так как переводным делом стали заведовать Переводческая Комиссия и Братство св. Гурия.

Итак, возникновение письменных памятников удмуртского языка обусловлено следующими факторами: 1) политикой культурного развития страны; 2) идеей составления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» под редакцией П. С. Палласа и 3) деятельностью христианской церкви.

0.3. Из истории изучения и выявления памятников удмуртской письменности

Лингвистическому анализу 10 памятников удмуртской письменности XVIII века разного объема и характера (списков слов, словарей и грамматик

удмуртского языка) посвящена книга «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965а]. Сюда вошли лексические материалы по удмуртскому языку, собранные учеными-путешественниками Ф. Й. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, И. Э. Фишером, П. С. Палласом, которые при Петре I и Екатерине II были направлены к народам Поволжья, Сибири и Дальнего Востока для исследования их природных богатств, истории, этнографии, а также языковых данных. В книге проведен анализ первой грамматики удмуртского языка [Сочинения 1775], рукописной грамматики М. Могилина [Могилин 1786], удмуртского перевода молитвы «Отче наш» и двух удмуртских стихотворений. Памятникам дана всесторонняя характеристика: сведения об объеме, месте хранения, дате создания; исследованы графические, фонетические, морфологические и лексические особенности каждого памятника.

Отдельные работы ученых ограничиваются краткой аннотацией некоторых ранних памятников удмуртского языка, например, исследования В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной [ГСUY 1962: 52–55; 1976: 115–121]; Т. И. Тепляшиной [1965а: 61]; В. И. Алатырева [1970: 4–5, 11]; И. В. Тараканова [1971: 82–85; 1992: 118–120; 1998: 330–338]; В. М. Вахрушева [1988: 8–14], Б. И. Каракулова [1991: 115–118]; О. А. Сергеева [1997: 152]; О. П. Аксеновой [2000: 16]; В. К. Кельмакова [2001а: 10–14; 2001б: 102–114; 2002б: 19–21] и др.

Другие исследования посвящены лингвистической характеристике какого-нибудь одного памятника удмуртской письменности, в частности, языковых данных данцигского врача-путешественника Д. Г. Мессершмидта – В. В. Напольских [1998: 146–156; 2001]; списка слов Ф. Й. Страленберга – В. В. Напольских [2002: 33–49]; В. К. Кельмакова [2008: 14–15]; первой грамматики удмуртского языка 1775 года – И. В. Тараканова [1959: 149–166, 1965: 229–230]; В. И. Алатырева [1975а: 3–15; 1975б: 1–16; 1976: 21–23; 1977: 208–215]; В. М. Вахрушева [1975: 3–23; 1976: 36–43]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114]; Е. Б. Беловой [2002: 99–100]; рукописного удмуртско-русского словаря З. Кротова – Т. И. Тепляшиной [1971: 129–139; 1973: 224–226; 1995: VII–XX]; первых переводов Евангелий на удмуртский язык и Азбук на

глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка – Б. И. Каракулова [1987а: 103–107; 1987б: 184–191; 1997: 3–8; 2000: 467–469]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114–115], А. Ф. Шутова [1997: 215–217]; В. К. Кельмакова [2004: 537–546; 2007: 17–24; 2008: 49–105]; и др.

Некоторые сведения о ранних памятниках письменности удмуртского языка содержатся в трудах таких исследователей, как В. К. Кельмаков [1992а: 55–60; 1992б: 25; 2008: 13–28]; Б. И. Каракулов [1994: 313–315; 2006: 118–132]; О. А. Сергеев [2002: 22, 30, 43, 46, 47]; И. В. Тараканов [1998: 330–338]. Хотя вышеуказанные работы не содержат подробной характеристики письменных памятников, это совсем не означает, что эти авторы ограничились лишь перечислением названий словарей; исследователи в той или иной мере подвергали их языковому анализу.

Некоторые орфографические особенности Евангелия от Матфея на сарапульском наречии нашли отражение в работе «Очерки истории удмуртского литературного языка» [Кельмаков 2008: 97–105].

Таким образом, опираясь на вышеизложенные работы, можно констатировать, что памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века анализировались исследователями все же недостаточно. В своих работах они, специально или попутно рассматривая ранние издания на удмуртском языке, ограничивались краткой аннотацией письменных памятников или большее внимание уделяли их диалектным и графическим особенностям.

1. Памятники удмуртской письменности XVIII века, написанные на основе латиницы

Для исследования истории, культуры и языка любого народа чрезвычайно важное значение имеет, с одной стороны, появление первых письменных источников о нем, с другой – начало его научного изучения. Согласно данным исследователей, удмурты поздно попали на страницы письменных источников: первое упоминание о Вотяцкой земле, подвластной казанскому хану, в русском летописном рассказе о походе Ивана III на Казань в 1469 году не имело продолжения в течение полувека, только с 1520-х годов удмурты (отяки, затем вотяки) более или менее регулярно фигурируют в русских документах [Сысоева 1967: 302–303]. Большее значение приобретают сведения начала XVIII века, появляющиеся во время царствования Петра I: записки и сочинения пленных офицеров шведской армии, совершивших после Полтавской битвы вынужденные путешествия по России, и первые научные описания России, созданные учеными Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Фактически именно в этих источниках появляются первые описания удмуртов, их традиционной культуры и первые списки слов удмуртского языка. В этот период в политической и культурной жизни России отмечается заметное оживление. Зарождение и развертывание в России капиталистической формации сопровождаются увеличением числа мануфактур. Растущие экономические потребности страны выдвигают новые задачи, для решения которых правительство предпринимает целый ряд мер, например, создание Российской академии наук. Академия приступает к изучению окраинных земель Русского государства. Возникает интерес к языкам и этнографии народностей, населяющих огромные просторы России. В поле зрения исследователей и путешественников попадают и удмурты со своим языком и богатой духовной культурой. В первой половине XVIII века в различных этнографических и географических описа-

ниях появляются отдельные удмуртские слова, записанные на основе латинской графики.

1.1. Возникновение удмуртской письменности

Понятие письменности в литературе трактуется «1) совокупность письменных памятников какой-либо эпохи и 2) система графических знаков, потребляемых для фиксации речи на письме» [Розенталь, Теленкова 2000: 323]. Таким образом, письменность в нашем понимании – это совокупность письменных средств общения, включающих понятия системы графики, алфавита и орфографии конкретного языка или же древние (ранние) письменные памятники. Когда же возникла удмуртская письменность?

Просматривая этнографическую литературу, посвященную изучению жизни, быта, культуры удмуртов, нельзя не заметить, что удмурты с давних времен пользовались определенными знаками – тамгами, которые изображались на камнях, палках, бересте и т. д. Они были нужны для сохранения памяти о количестве каких-либо необходимых в жизни предметов и явлений, обозначения принадлежности тех или иных предметов определенным родам и семьям. О наличии у удмуртов таких знаков мы находим указания в преданиях. Так, например, в одном из преданий, записанном во второй половине XIX века в деревне Гулеково Глазовского уезда Вятской губернии Б. Гавриловым [1880: 150–151], говорится о существовании у удмуртов в древнее время своей книги, которую они сами же сжигают, чтобы та не попала в руки представителей христианской церкви.

По мнению М. Г. Атаманова [1999: 78], первый памятник удмуртской письменности относится к 1557 году, когда в историческом документе под названием «Жалованная грамота того же князя удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы в платеже податей и отбывании натуральных повинностей с освобождением их на это время суда вятских наместников, слободских волостителей, их тиунов и о передаче всех судебных дел на рассмотрение выбранных ими двух жителей города Слободского» были

записаны имена 17 удмуртских семей. Автор отмечает, что 5 из этих имен, а именно, *Изнек*, *Муй*, *Ожмек*, *Чужек* и *Юмиан*, образованы от удмуртских слов путем прибавления аффиксов или без таковых. Однако сомнительно, насколько приемлемо угадывать в личных именах и фамилиях удмуртские слова.

В первом томе «Истории Удмуртии» написано: «первые попытки фиксации удмуртских слов кириллицей были сделаны в 20-е годы XVIII века Ф. Й. Страленбергом» [История Удмуртии I: 212]. Конечно, до недавнего времени возникновение удмуртской письменности связывали с именем Ф. Й. Страленберга, но у него удмуртские слова были записаны не с помощью кириллицы, а латиницей.

В монографии венгерского ученого П. Домокоша «История удмуртской литературы» [1993: 133] начало удмуртской письменности датируется временем опубликования первого стихотворения на удмуртском языке в честь приезда в Казань императрицы Екатерины II – 1769 годом.

Многие исследователи зарождение удмуртской письменности связывают непосредственно с изданием в 1775 году первой грамматики удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»: «появление грамматики 1775 года ознаменовало собой не только возникновение письменности...» [Пономарев 1976: 6]; «выход в свет «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка» – это начало удмуртского языкознания, начало удмуртской письменности» [Алатырев 1976: 21]; «началом удмуртской письменности мы считаем 1775 год – год издания «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка»» [Ермаков 1976: 83]; «в 1775 г. в Санкт-Петербурге была издана первая научная грамматика удмуртского языка, созданная под руководством В. Г. Пуцек-Григоровича, которая положила начало удмуртской письменности и сыграла значительную роль в формировании национального литературного языка» [Ванюшев 1993: 295].

По мнению Д. М. Сахарных [1998: 12], зарождение письменности определяется наличием больших связных текстов с некоторой системой графики и связано с изданием Евангелий и Азбук на удмуртском языке.

Некоторые ученые временем возникновения удмуртской письменности считают начало XVIII века [Тараканов 2000: 539; Кельмаков 2001а: 6; 2001б: 12; 2002а: 115; 2008: 30].

Если не считать первым памятником удмуртской письменности «Жалованную грамоту...» 1557 года, выявленную М. Г. Атамановым, мы полностью придерживаемся вышеназванного мнения И. В. Тараканова и В. К. Кельмакова, потому что, если под словом письменность понимать систему графических знаков, употребляемых для фиксации речи на письме, то можно считать, что памятники письменности на удмуртском языке восходят к первой трети XVIII столетия, когда удмуртские слова впервые были зафиксированы в исследованиях путешественников-естествоиспытателей Д. Г. Мессершмидта и Ф. Й. Страленберга на основе латинской графики, причем удмуртские материалы последнего в количестве 29 слов в печатном виде увидели свет уже в 1730 году в Стокгольме в книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» [Strahlenberg 1730].

1.2. История изучения удмуртской графики

Ранние памятники удмуртской письменности, как печатные, так и рукописные, до сих пор не подвергались всестороннему лингвистическому анализу. Отдельные сведения о них, встречающиеся в литературе, не могут удовлетворить возросший за последние годы теоретический и практический интерес к письменным памятникам удмуртского языка.

Проблема истории удмуртской графики не совсем нова. Она рассматривалась специально или попутно при разработке вопросов удмуртской ОРФОграфии или изучении памятников ранней удмуртской письменности в работах ряда удмуртских лингвистов. По справедливому утверждению И. В. Тараканова, «сама динамика становления алфавита и обозначения различными буквами специфических звуков удмуртского языка в разных изданиях и в различные годы в них (изданиях – *Л. И.*) не описывались» [Тараканов 2001: 297]. Мы полностью поддерживаем мнение В. К. Кельмакова [2008: 126] о том, что

невозможно выполнить эту работу попутно в исследованиях на другую либо общую тему или даже в отдельных небольших статьях, потому что только до революции на удмуртском языке было издано свыше 400 наименований книг [Каракулов 2006: 14]. Поскольку почти в каждом издании нередко использовалась собственная графическая система, объективная картина истории становления современной удмуртской графики может быть достигнута лишь при аналитическом исследовании в этом аспекте каждого памятника письменности удмуртского языка.

Специальным исследованием в отечественной лингвистике, посвященным изучению 10 самых ранних письменных памятников удмуртского языка, является работа Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965a], в которой опубликованы списки слов и словарики Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера, П. С. Палласа, П. Фалька, исследованы две грамматики удмуртского языка – «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года и грамматика М. Могилы под названием «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» – и первые удмуртские переводные стихотворения.

Исследованию языковых данных Д. Г. Мессершмидта посвящена монография В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта», изданная в 2001 году. В данной книге особенности передачи удмуртских звуков средствами латиницы приведены в виде таблицы [Напольских 2001: 147–155].

Рукописный словарь удмуртского языка Й. Э. Фишера был объектом исследования венгерских финно-угроведов Ш. Чуча и Я. Гуи.

В статье «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311–320] Ш. Чуч в алфавитном порядке, сохраняя транскрипцию оригинала и этимологические замечания Й. Э. Фишера, приводит список слов, собранных путешественником предположительно в 30-е годы XVIII столетия (около 295 удмуртских лексем). Анализ транскрипции материала Й. Э. Фишера и извлеченные из него данные для изучения вопросов истории языка, заключение и оценка этимологических замечаний находят освещение в другой работе «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63–80] этого же ученого.

В 1995 году языковые материалы Й. Э. Фишера были изданы на немецком языке в Германии Яношем Гуей отдельной книгой под названием «Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть» [Gulya 1995]. В книге дается краткое описание содержания рукописи Й. Э. Фишера, приводится 316 словарных статей (по оригиналу), из которых 128 содержат удмуртские слова. На первом месте стоит латинское слово, затем немецкое. Этимологии слов приводятся по языковым семьям: на первом месте – уральская, на втором – индогерманская, на третьем – тюркская и т. д. Вот, к примеру, этимологическая параллель к слову *лымы* 'снег': NIX 'снег': фин. *lumi*, мар. *lum*, удм. *lümih*, кз. *ljüm*, кп. *lüm*, нен. *jum* *©e* [Gulya: 1995: 59]. Надо заметить, что приведенные Й. Э. Фишером этимологические параллели, за редкими исключениями, вполне приемлемы и в наши дни. В конце книги в алфавитном порядке дается список латинских и немецких слов и этимологии по различным языкам.

Вопросам графики памятников последней четверти XVIII века посвящено несколько работ отечественных исследователей [Алатырев 1956; 1975а; 1975б; Тараканов 1965; Тепляшина 1965а; 1965б; 1971; Вахрушев 1975]. Однако в указанных исследованиях отсутствует подробный графический анализ. Наиболее ценные сведения по удмуртским письменным памятникам последней четверти XVIII века содержатся в монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века», изданной в Москве в 1965 году. Следует, однако, указать на то, что и в этом исследовании автор не дает полного представления об их графической системе, а проблемы орфографии анализируемых письменных памятников не затрагиваются.

Наиболее основательному лингвистическому анализу подвергнуты «Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка». По вопросу авторства данного памятника письменности до сих пор не установилось единое мнение: С. К. Булич [1904: 431], Т. И. Тепляшина [1965а: 121], И. В. Тараканов [1965: 229], П. К. Поздеев [1991: 26], К. И. Куликов [2000: 22] считают, что составителем этой грамматики является один человек – Вениамин Пуцек-Григорович. В. Т. Терентьев [1959: 139], говоря о чувашской грамматике, пишет, что все три грамматики (чувашскую, марийскую и удмуртскую) следует

приписать одному и тому же автору, а именно Вениамину Пуцек-Григоровичу. По мнению чувашского языковеда В. Г. Егорова [1951: 87], грамматики были составлены духовными лицами Казанской епархии по предложению и настоянию архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича. В. И. Алатырев [1975: 8] уже отрицает авторство Пуцек-Григоровича: «...удмуртская грамматика представляет собой плод коллективного труда; в составе коллектива могли быть учителя-филологи Казанской духовной семинарии, служители культа, владеющие удмуртским языком, а также наиболее способные учащиеся-удмурты...». В. М. Вахрушев в статье «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» [1975: 3–23] только рассматривает научные предположения об авторстве грамматики, а своих умозаключений не делает.

По нашему мнению, Вениамин Пуцек-Григорович руководил составлением грамматики, а ему, в свою очередь, существенную помощь оказали удмуртские ученики Казанской новокрещенной школы и духовной семинарии.

Некоторые графические и орфографические особенности первой грамматики удмуртского языка 1775 года нашли отражение в работе В. И. Алатырева «Когда возникла удмуртская письменность» [1956: 58–62]. Так, им приводится алфавит, использованный в вышеназванной грамматике, заимствованный из русского языка и приспособленный для передачи удмуртских звуков, некоторые особенности написания слов (орфографические нормы). Однако в своей статье автор бóльшее внимание уделяет трактовке терминов «письмо» и «письменность», использованию удмуртами особых знаков – тамга и значению первой грамматики для последующих изданий на удмуртском языке.

Анализируя графические особенности первой удмуртской грамматики, Т. И. Тепляшина [1965а: 136] отмечает, что удмуртские аффрикаты обозначаются одним знаком (*ч – ц, ċ – ч*) или буквосочетанием (*ċis – дж, ċ – дз*). Однако она ничего не говорит об исключениях (а их довольно много), например, удмуртская *ċ* (ʘ), кроме буквосочетания *дз*, также обозначается графемой *з*: *кырзясько* [*k+rʁas'ko*] 'я пою' [Тепляшина 1965а: 144], *Кеньзяль* [*kenʁal'i*] 'ящерица' (там же: 161), *небзисько* [*n'ebʁis'ko*] 'мякну' (там же: 202). Автор не

отмечает также то, что при написании удмуртских слов, кроме русских букв, использованы латинские (**g**) и буквы кириллицы с диакритическими знаками (**û**, **ê**): *Геру* [ger+] 'плугъ', *Эгыръ* [eg+rr] 'уголь', *Югытъ* [jug+tt] 'свѣтлый' [Сочиненія 1775: 22, 31, 37], *Iê* [j2 ~ je] 'градъ или мерзлой дождь', *Iûръ* [j+rr] 'голова', *Iûды* [j+d+] 'ячмень' [Там же: 14, 18, 22] и др.

Исследование И. В. Тараканова «Первой грамматике удмуртского языка 190 лет» [Тараканов 1965: 229–230] поверхностно касается вопросов графики первой удмуртской грамматики. Вызывает сомнение следующее утверждение ученого: «Удмуртские слова написаны русскими буквами с добавлением двух латинских графем – **I** и **g**...» [Тараканов 1965: 229]. Возможно, знак **I** здесь является опечаткой (вместо **i** или **ï**), так как слов, написанных при помощи буквы **I** нами обнаружено не было, но, тем не менее, автор не указывает на наличие кириллических букв с диакритическими знаками – **û**, **ê**, которые в единичных написаниях встречаются в грамматике.

Работа В. М. Вахрушева «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» [Вахрушев 1975: 3–23] также посвящена характеристике грамматики 1775 года, в которой дается более или менее подробный анализ графической системы исследуемого памятника. Автор ошибочно отмечает, что удмуртский звук *г* передается только латинской графемой **g**, тогда как в единичных случаях используется и русская **г**, например, *зюцьгуби* [ʎiCgubi] 'гриб' [Сочиненія 1775: 21].

В 1975 году, в связи с 200-летием со дня выхода в свет, первая грамматика удмуртского языка была переиздана. Во введении, написанном В. И. Алатыревым [1975: 3–15], раскрывается история составления, содержание и краткий графический анализ удмуртской грамматики. Автор не ставит своей целью глубоко проанализировать графическую сторону памятника, но те особенности, которые отсутствуют в монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века», им вкратце описываются. Об орфографии удмуртских слов в первой грамматике им написано следующее: «Орфографические

особенности в основе своей базируются на принципах русской орфографии» [Алатырев 1975: 9].

Краткое описание алфавита, использованного в грамматике 1775 года, находит отражение в учебнике удмуртского языка В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114]. Однако и здесь авторы не отмечают, что, кроме русских букв, в первой грамматике употребляются и латинские графемы.

Удмуртско-русский словарь Захарии Кротова. До недавнего времени этот словарь, содержащий около 5000 слов и выражений и являющийся самым большим из сохранившихся памятников XVIII века, лежал в рукописи, и благодаря Т. И. Тепляшиной и Удмуртскому институту истории, языка и литературы УрО РАН (ранее Удмуртский научно-исследовательский институт), мы имеем возможность держать в руках этот редчайший ценный лексикографический труд. Сделав копию с рукописи словаря, хранящегося в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ранее Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), Т. И. Тепляшина предоставила ее Удмуртскому ИИЯЛ УрО РАН, где этот памятник был издан отдельной книгой [Кротовъ 1785] в 1995 году.

Исследованию графической системы данного словаря посвящена работа Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова» [Тепляшина 1971: 129–139; 1995: VII–XX]. В своей статье автор бóльшее внимание уделяет фонетическим и лексическим особенностям памятника, нежели графическим. Ею не отмечается передача удмуртского инициального *й* перед гласной *ы* латинской графемой *j* или *i*: *голикъ iуръ* [gol'+k j+r] 'безволосый' [Кротовъ 1785: 40], *жилонъ* [j+lɔn] 'умноженіе' [там же: 71]. Также, на наш взгляд, ошибочно ее утверждение о том, что знак *i* «...употребляется для подчеркивания твердости предшествующего согласного...» [Тепляшина 1971: 130]. В данном случае эта буква используется З. Кротовым для обозначения инлаутного звуко сочетания *-ий-*, например, *віемъ* [vijem] 'убіеніе, убійство' – но здесь же *вуть* [vit'] 'пять' [Кротовъ 1785: 26] (подробнее об этом см. также [Кельмаков 1999: 21–22]).

Грамматика М. Могилына. Эта грамматика удмуртского языка, написанная в 1786 году, является второй после грамматики 1775 года, хотя, возможно, она написана несколько раньше. На эту мысль наводит высказывание самого автора: «Грамматики обычно начинаются о[ть] показанія и исчисленія литеръ, но здѣсь сіе вовсе не нужно: потому что у отяковъ не тол[ь]ко оныхъ прежде не изобрѣтено, но ниже и языкъ ихъ въ свѣтѣ был извѣстенъ, кромѣ тол[ь]ко по имени» (цитируется по: [Могилын 1998: 25]).

Довольно глубокий графический анализ исследуемого памятника письменности, как было отмечено выше, был проведен Т. И. Тепляшиной [1965а: 237–240]. Однако в ее исследовании встречаются некоторые неточности и недостатки. Автор монографии отмечает, что М. Могилын специфический удмуртский гласный *ö* (2) впервые пытается передать в русской графике буквосочетанием *ье*. Да, это действительно так. Но этот диграф в некоторых случаях употребляется также для обозначения велярности согласных фонем перед гласной *э* (*e*), например: *ульемь* [*ulem*] 'житіе, жизнь', *пальеть* [*palet*] 'рой пчелной [точнее: пчелиный – Л. И.]' [Могилын 1998: 41] – но: *нель* [*n'2l* ~ ? *n'el*] 'стрѣла' [Там же: 40], *селько* [*s'2l+ko* ~ ? *s'el+ko*] 'грѣшный, беззаконный' [Там же: 72]. Далее Т. И. Тепляшина не обратила внимания на то, что палатальная аффриката *з* (>) может быть обозначена, кроме буквосочетания *дз*, также графемой *з* (плюс йотированный гласный): *зюкыртыско* [*ɣik+rt+s'ko*] 'скрыплю', *зеленикъ* [*ɣel'e n'ik*] 'стекло' [Там же: 101, 120]. В некоторых случаях удмуртский согласный *г* передается русской буквой *г*, что также не отмечается автором. Она пишет: «Для обозначения удмуртского согласного *g* (орфографически *г*) Могилын употребляет латинскую *g*...» [Тепляшина 1965а: 237] – но: *киргамь* [*kirgam*] 'потеря' [Могилын 1998: 23], *гужемь* [*gužem*] 'лѣто' [там же: 25] и др.

1.3. Из истории изучения удмуртской орфографии

Если графика устанавливает набор графических знаков и соотносит их со звуковыми значениями, то орфография определяет обязательные правила и нормы сочетания этих графем в морфемах и словах.

В русской орфографии функционируют три основных принципа: морфологический, который является ведущим, фонетический и традиционный [Кайдалова, Калинина 1983: 4–5]. Удмуртская орфография «построена в основном на фонемно-слоговом и морфологическом или фонемно-морфологическом принципах» [СУЯ 1992: 103]. Некоторые ученые выделяют еще и традиционный принцип в удмуртской орфографии [Ушаков 1982: 32], который представлен, например, написанием **е** после твердых согласных, таких как **б, в, г, к** и др.

Вопросы изучения орфографии ранних письменных памятников удмуртского языка были в некоторой степени освещены в работах многих ученых (В. И. Алатырев, А. С. Бабинцев, Г. И. Лаврентьев, Т. И. Тепляшина, И. В. Тараканов и др.). Но исследователи обращали большее внимание лишь на графические и отчасти фонетические и лексические особенности того или иного памятника удмуртской письменности, чем на орфографические.

Наиболее полное отражение, на наш взгляд, орфографическая система письменных памятников удмуртского языка нашла в работе В. И. Алатырева «Когда возникла удмуртская письменность?» [Алатырев 1956]. В данной статье автор рассматривает графику и способы написания удмуртских слов в первой грамматике удмуртского языка 1775 года. Он справедливо отмечает, что «орфография (в ней – *Л. И.*) уже налична. Правда, сформулированных правил в этой грамматике нет, но определенная система написания слов уже имеется» [Алатырев 1956: 60].

Действительно, в первой удмуртской грамматике 1775 года кириллическая графическая система была впервые более или менее приемлемо приспособлена для письменной фиксации удмуртских слов. Решающее значение «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» имели также в формировании основ удмуртской орфографии. Конечно, орфографические правила в ней не сформулированы, но, тем не менее, предложены образцы написания слов и отдельных морфем, основанные на фонетическом принципе. Это написание

сохраняется и в последующих изданиях или рукописных работах на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х гг.) XIX века.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что исследование орфографических особенностей ранних памятников удмуртской письменности не было предметом специального изучения. Ученые ссылались только на заимствование русской системы правописания XVIII века для удмуртского языка, а сама орфография почти не рассматривалась.

1.4. Памятники удмуртской письменности на основе латинской графики

В данном разделе диссертации мы намерены рассмотреть материалы по удмуртскому языку исследователей Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера и перевод молитвы «Отче наш» на удмуртский язык (хотя этот памятник письменности относится к началу XIX века, мы его анализируем вместе с письменными памятниками XVIII века, составленными на основе латиницы), то есть те памятники ранней удмуртской письменности, которые были составлены на основе латинской графической системы. В монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» удмуртские языковые данные этих ученых, за исключением словаря Д. Г. Мессершмидта, рассмотрены, дан их графический, диалектный и лексический анализ. Однако со времени выхода данной монографии прошло уже почти полвека, поэтому ее исследование требует некоторых уточнений и дополнений.

1.4.1. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта

По поводу первого исследователя удмуртского языка, Даниэля Готтлиба Мессершмидта (1685–1735), направленного в Сибирь для изучения географии страны, ее природных богатств, истории, этнографии, Т. И. Тепляшина пишет следующее: «С. К. Булич отмечает, что Д. Г. Мессершмидтом были представлены лингвистические материалы и по удмуртскому языку. Однако эти материалы нам обнаружить не удалось. Приходится сожалеть, что они остались неопубликованными и не дошли до нас. Возможно, что часть коллекций

Мессершмидта погибла при пожаре Академии наук в 1874 году» (цитируется по: [Тепляшина 1965: 7]). Примерно такое же суждение встречается и у других исследователей [Тараканов 1992: 118]).

Материалы Д. Г. Мессершмидта, как отмечает В. В. Напольских [2001: 25], неоднократно готовились к изданию, но все время по каким-то причинам не доходили до издательства. «Лишь в 1960 году Берлинская Академия наук (ГДР) совместно с Институтом истории и естествознания и техники АН СССР приступила к изданию дневников Мессершмидта. В течение 1962–1977 гг. вышло пять томов [Messerschmidt I–V], и, таким образом, имя Мессершмидта было впервые реально возвращено науке после более чем двухвекового забвения» (цитируется по: [Напольских 2001: 25]).

Имя Д. Г. Мессершмидта как первого исследователя удмуртского языка и культуры, оставившего свое лингвистическое наследие, появляется в статье историка В. Н. Напольских, из которой мы узнаем, что в открытом фонде Санкт-Петербургского филиала Архива РАН имеется в двух экземплярах удмуртский словарь Мессершмидта (около 400 слов) [Напольских 1998: 155]. Автор статьи в недоумении, как Т. И. Тепляшиной не удалось обнаружить лингвистические материалы Д. Г. Мессершмидта, хранящиеся в двух экземплярах в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН, которые были вновь открыты для удмуртской науки в 1996 году благодаря младшему научному сотруднику Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН Н. В. Борлуковой. В 2001 году материалы «забытого» ученого были опубликованы исследователем В. В. Напольских в виде полного комментированного издания под названием «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта» [Напольских 2001].

Дневники Д. Г. Мессершмидта содержат любопытные и достаточно подробные сведения о жилище, одежде (в частности рисунок, изображающий удмуртку в высоком головном уборе – *ашкон* или по-другому *айшон*), укладе жизни, религии удмуртов, а также удмуртский словарь. Помимо этого, материалы Д. Г. Мессершмидта особенно ценны еще и потому, что они строго документированы во временном и пространственном отношении: точно известно время (декабрь 1726 года) и место (удмуртские деревни по реке Чепца

– Глазовка, Балезина, Юска и др.) сбора. Таким образом, Д. Г. Мессершмидт исследовал северных (верхне- и среднечепецких) удмуртов, а значит его материалы успешно дополняют несколько позднее собранные материалы Г. Ф. Миллера по южным удмуртам, что позволяет представить более цельную картину состояния удмуртского языка и народа в первой трети XVIII века. Именно Д. Г. Мессершмидтом составлен первый известный на сегодня словарь (или список слов) удмуртского языка.

1.4.1.1. Графика языковых данных Д. Г. Мессершмидта

Многие удмуртские звуки ученый передал соответствующими буквами латинского (немецкого) алфавита: *a – a (á), b – b, v – w, z – g, d – d, e – e (æ), z – ss (s), u – i (ï), ÿ – j, k – k (ck), l – l, m – m, n – n, o – o (ò, ó, ô), n – p, p – r, c – ss (s), t – t, y – u (ú, û)*. Другие звуки, отсутствующие в немецком языке, обозначаются близкими по звучанию буквами немецкого или латинского алфавита или различного рода буквосочетаниями. Для наглядности приведем некоторые из них:

1. Звук, соответствующий *ы* (+) литературного удмуртского языка (в ин- и ауслауте), передается несколькими способами:

а) *y* (в большинстве примеров): *Kyr [k+r]* 'большой черный дятел' (207) (страницы приводятся по монографии В. В. Напольских [Напольских 2001]); *Liudüdyck [ludd+d+k]* 'дикий голубь, вяхирь', *Tschynu [Cun'+]* 'жеребенок' (208); *Yrgon [+rgon]* 'медь', *Nyr [n+r]* 'нос' (209); *Lyse [l+z]* 'синий' (210); *Ssækydt [s'ek+t]* 'тяжело', *Kyl [k+l]* 'язык' (211) и др.;

б) *yï*: *Kyik-Schu [k+ks'u]* 'двести' (208), *Tyi [t+]* 'озеро' (209);

в) *i*: *Næbidt [n'eb+t]* 'мягкий', *Willin [v+l+n]* 'небо' (209); *Wyshi [v+ž+]* 'род', *Jugith [jug+t]* 'светлый', *Pushim-Pu [puž+m pu]* 'сосна' (210);

г) *e*: *Töde [t2d' ”]* 'белый', *Tjæmess [t'am ”s]* 'восемь' (207), *Dass-ogkmes [das ukt ”s]* 'девятнадцать' (208), *Qvâten [kvam ”n]* 'тридцать' (211). В данных примерах буквой *e*, возможно, зафиксирован заднерядный вариант гласной *ы – ь* (”);

д) **u** – в 14 словах: *Kyku* [kik+ ~ kuk+] 'кукушка', *Mumu* [mumu ~ mum+] 'мать', *Kuïsh* [k+z' ~ kδz'] 'моча' (209), *Buhsh* [b+z̥] 'хвост' (211);

е) **ö**: *Jödé* [j+d+] 'ячень' (211).

2. Для передачи своеобразного звука *ö* (Z) Д. Г. Мессершмидт применил:

а) **ö** (в большинстве примеров): *Köshy* [kZž+] 'горох' (297); *Wöigh* [vZj] 'масло' (209); *Töd-Ushwess* [tZd'uzves'] 'олово', *Söd-Ushwess* [s'Zduzves'] 'свинец' (210); *Tschösch* [CZž] 'утка' (211);

б) **y**: *Kyth* [kZt] 'живот' (208); *wysháischkinu* [vZs'as'k+n+] 'молиться' (209); *Kyi* [kZj] 'сало' (210);

в) буквосочетание **öe**: *Töel* [tZl] 'ветер' (207), *Jöel* [jZl] 'молоко' (209).

3. Удмуртский *э* (*e*) в большинстве случаев обозначается буквой **e** (*é*): *Dugkes(s)* [dukes] 'верхний распашной зипун', *Shiress* [s'ires] 'воротник' (207); *Muress* [mures] 'грудь', *Deerém* ~ *Derém* [derem] 'женская рубашка, платье' (208); *Ssosér* [suzer] 'сестра' (210). Однако встречается немало примеров, где он воплощен знаком **æ**: *Thæi* [tej] 'вошь' (207); *Sæp* [sep] 'желчь', *Kæpack* [kenak] 'жена', *Kætsch* [keC] 'коза домашняя' (208).

4. Свойственные удмуртскому языку аффрикаты Д. Г. Мессершмидтом передаются следующим способом:

а) аффрикаты **ц** (©) и **ч** (C) – буквосочетанием **tsch**: *Puitsch* [p+©] 'блоха', *Tshanáh* [©ana] 'галка' (207), *Kætsch* [keC] 'коза домашняя', *Tschush* [©už] 'желтый' (208), *Tschynu* [Cin'+ ~ C"n'+] 'палец' (210);

б) аффриката **шь** (ʎ) – буквосочетаниями **dsh, ds, sh, ss**: *Shadsheik* [ʎaz'eg ~ ? z'az'eg] 'гусь' (208); *Dshytschi* [ʎiC+ ~ ʎ+C+] 'лиса' (209); *Dsög* [ʎeg] 'рожь', *Ssüytsch-murt* ~ *Ssuytsch-murt* [ʎiC murt ~ ʎiC murt] 'русский' (210).

5. Глухая шипящая **ш** (*š*) обозначена в основном буквосочетанием **sch**: *Tuhsch* [tuš] 'борода', *Osch* [oš] 'бык', *Wu-schir* [vuš+r] 'водяная крыса', *Aschkon* [aškon] 'высокий женский головной убор' (207); *Kyschna* [k+šno] 'жена, супруга', *Schui-pu* [šupu] 'калина' (208); *Puysch* [p+š] 'конопля',

Puyschnær [pušn'er] 'крапива' (209); *Kyschét* [k+šet] 'платок (покрывало на волосы у девушек)', *Miûsch* [muš] 'пчела', *Schuindy* [šund+] 'солнце' (210) и др.

6. Звонкая шипящая *ж* (*ž*) передается **sh**: *Söd-bushe* [s'Zdb+ž] 'горноста́й', *Köshy* [kZž+] 'горох' (207); *Tschush* [Cuž] 'жёлтый', *Wóôshe* [vož] 'зелёный' (208); *Gyshi* [giž+ ~ g+ž+] 'ноготь' (209); *Wyshi* [v+ž+] 'род', *Pushim-pu* [puž+m pu] 'сосна' (210).

7. Звук *d* (^o) обозначен буквосочетаниями **hw** или **wu**: *Wuad* ~ *Hwad* [°ad] 'выдра' (207), *Hwar* [°ar] 'раб' (210).

8. Есть основания предполагать употребление в нескольких словах звука *ŋ*, который передается буквосочетаниями **ng** или **hn**: *Ning-goron* [n'ingoron] 'женщина' (208), *Gurpuhn* [ʔ gurpuŋ] 'цапля' (211).

9. Д. Г. Мессершмидт никак не обозначил на письме такую важную для удмуртской фонетики черту, как палатальность согласных. Имеются лишь единичные появления буквы **i** перед следующим за палатальным согласным гласным заднего ряда, например: *Ssior* [s'or] 'куница', *Niûless* [n'uless] 'лес' (209), *Ssiála* [s'ala] 'рябчик' (210) и др. Эти случаи, однако, не исчерпываются именно такой позицией. Например, **i** нередко появляется и после непалатальных согласных: *Niülka* [n+ika] 'девушка, девочка; дочь' (208), *Liünschur* [lunšur] 'юг' (211).

1.4.1.2. Элементы орфографии в материалах Д. Г. Мессершмидта

Отдельные специалисты по истории языков серьезно сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» [Зиндер, Строева 1965: 26]. Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не

было. Не было ее, возможно, и в ранних памятниках удмуртской письменности. Но, несмотря на это, определенная система написания слов уже налична, а значит, имеются несформулированные правила (элементы) орфографии.

В конце многих слов, оканчивающихся на гласный звук, очень четко обнаруживается знак **h**, который, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного: *Pulòh* [pul'o] 'белка-летяга', *Tschana**h*** [ʦana] 'галка' (207); *Guduriá**h*** [gudurja] 'гром', *Tagkia**h*** [takja] 'девичий головной убор, шапочка', *Urbó**h*** [urbo] 'клоп' (208); *Unò**h*** [uno] 'много(численный)', *Tschelékija**h*** [ʦilekja] 'молния' (209); *Burdò**h*** [burdo] 'птица', *Kodtscho**h*** [koʦo] 'сорока' (210) и др.

Из приведенного материала видно, что записи Д. Г. Мессершмидта имеют определенную системность. Чтобы максимально точно передать услышанные им специфические звуки, отсутствующие в его родном (немецком) языке, исследователь использовал разные способы (диакритические знаки, сочетания букв в соответствии с латинской (точнее немецкой) орфографической нормой того времени).

1.4.2. Словник Ф. Й. Страленберга

Другой исследователь, Филипп Йоганн фон Страленберг (Штраленберг) (1676–1747), 13 лет пробыл в Сибири. Будучи пленным офицером шведской армии, с лета 1711 года находился в ссылке в Тобольске, а с начала 1721 до конца 1722 года официально работал помощником первого исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта, сопровождал его в путешествии, вел дневник экспедиции, собирал и обрабатывал материалы.

Лингвистические материалы Ф. Й. Страленберга были опубликованы в 1730 году в г. Стокгольме на немецком языке отдельной книгой «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» [Strahlenberg 1730]. Как отмечает Т. И. Тепляшина [1965а: 8], эта книга была издана в русском переводе в 1797 году под названием «Историческое и географическое описание северной

и восточной частей Европы и Азии». В немецкоязычном варианте приведено около шестидесяти немецких слов с переводом их на различные языки народов Азии и Европы, в том числе на удмуртский. В небольшой список удмуртских слов (29 слов) вошли количественные числительные (от 1 до 10 включительно), названия некоторых частей тела и отдельные названия природных явлений. Вот они – первые печатные удмуртские слова: *Attik* 'Eins [один]', *Kyk* 'Zwei [два]', *Kyn* 'Drey [три]', *Nell* 'Vier [четыре]', *Witt* 'Fünff [пять]', *Katt* 'Sechs [шесть]', *Zsesem* 'Sieben [семь]', *Ssemet* 'Acht [восемь]' (< марийское слово [Тепляшина 1965а: 26]), *Alnmans* 'Neun [девять]' («первая часть непонятна, возможно, перепутаны буквы, вторая часть напоминает *-m +s*» [Тепляшина 1965а: там же]), *Däss* 'Zehen [десять]', *Mador* 'Gott [икона]', *Girr* 'Haupt, Korff [голова]', *Girssu* 'Haar [волосы]', *Sin* ~ *Schi* 'Auge [глаз]', *Till* 'Feuer [огонь]', *Woe* 'Wasser [вода]', *Ma* 'Erde oder Land [земля]', *Teel* 'Wind [ветер]', *Soor* 'Regen [дождь]', *Kill* 'Zunge [язык]', *Tous* 'Bart [борода]', *Ihm* 'Mund [рот]', *Birila* 'Lippe [губы]', *Pele* 'Ohr [ухо]', *Sui* 'Arm [рука]', *Pinn* 'Zahn [зуб]', *Kiöt* 'Bauch [живот]', *Thëi* 'Hals [вошь]', *Plem* 'Himmel [облако]'.

Небольшой по объему удмуртский словник был восстановлен Ф. Й. Страленбергом практически по памяти после потери записных книжек, и качество его, к сожалению, не высоко. В силу этого ряд исследователей даже ошибочно интерпретировали его материалы как южноудмуртские (на самом деле Ф. Й. Страленберг собрал свой материал, по-видимому, в низовьях реки Чепцы еще в 1711 году [Напольских 2002: 48]).

В своей монографии, посвященной изучению письменных памятников XVIII века, Т. И. Тепляшина приводит все 29 слов, зафиксированных Ф. Й. Страленбергом, и каждое слово подвергает лингвистической интерпретации [Тепляшина 1965а: 25–29]. Тем не менее, мы попытаемся представить графику удмуртских материалов исследователя (Ф. Й. Страленберга) более системно.

1. Среди слов, записанных этим исследователем, в двух встречается своеобразный гласный среднего подъема среднего ряда *ö* (2), который обозначен в одном случае буквосочетанием *ee*: *Teel* [*t2l* ~ ? *tel*] 'Wind [ветер]'

(27) (страницы приводятся по: [Тепляшина 1965а]), в другом – сочетанием **iö**: *Kiöt* [*kʒt ~ kët*] 'Bauch [живот]' (28). В последнем примере *ö* скорее всего является огубленным – *ö^o* (*ë*), который употребляется в большинстве говоров периферийно-южного диалекта: кукморском, шошминском, бавлинском, татышлинском и красноуфимском [Кельмаков 1998: 55].

2. Удмуртский гласный *ы* (+) Ф. Й. Страленберг передает следующими буквами:

а) **i** (в большинстве случаев): *Girr* [*j+r*] 'Haupt, Kopff [голова]', *Girssu* [*j+r+s'i*] 'Haar [волос]', *Till* [*t+l*] 'Feuer [огонь]' (27); *Kill* [*k+l*] 'Zunge [язык]' *Ihm* [*+m*] 'Mund [рот]', *Birila* [*b+rila*] 'Lippe [губа]' (28);

б) **e**: *Nell* [*n'+l'*] 'Vier [четыре]', *Zsesem* [*s'iz' "m*] 'Sieben [семь]' (26);

в) **y**: *Kyk* [*k+k*] 'Zwey [два]' (25).

3. Согласные *с* (*s*) и *з* (*z*), а также *ш* (*š*) (в одном слове) обозначаются буквой **s**: *Sui* [*suj*] 'Arm [локоть]', *Soor* [*zor*] 'Regen [дождь]'; *Tous* [*tuš*] 'Bart [борода]'.

4. Удмуртский согласный *в* (*v*) передается буквой **w**: *Witt* [*vit'*] 'Fünff [пять]', *Woe* [*vu*] 'Wasser [вода]'.

Из приведенных примеров видно, что какой-либо четкой системы в передаче удмуртских букв латиницей у Ф. Й. Страленберга нет. Однако нужно отметить, что даже такая частичная фиксация материала для изучения истории языка представляет большую ценность.

1.4.3. Удмуртский материал в словаре Г. Ф. Миллера

В 1733 году Сенатом и Императорской Санкт-Петербургской Академией наук была организована так называемая «Камчатская» экспедиция под предводительством капитан-командора В. Беринга. Члены данной экспедиции занимались в основном изучением природы и исследованием местных памятников древней культуры. В их задачу также, по-видимому, входило подробное изучение и описание жизни и быта народов Камчатки, Сибири и Поволжья. В научных материалах Камчатской экспедиции, хранящихся в Архиве

Академии наук в Санкт-Петербурге, содержатся различные сведения, собранные членами экспедиции.

В состав указанной экспедиции входил также член Петербургской Академии наук, немец по происхождению Герард Фридрих Миллер (1705–1783). За время пребывания в поездках (1733–1743) академик Г. Ф. Миллер, наряду с собиранием исторических и географических данных, интенсивно занимался фиксацией словарного материала разных народов Сибири и Поволжья. В рукописи путешественника-естествоиспытателя, которая хранится в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге, изложены исторические наблюдения и описания народов. В ней имеется также упоминание об удмуртах. По мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 31], рукопись Г. Ф. Миллера составлена на одном из южных диалектов, о чем свидетельствует запись исследователя в собственной книге «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»: «Въ бытность мою въ Казани помощію данныхъ мнѣ изъ тамошней губернской канцелярїи толмачей Черемисскаго, Чувашскаго и Вотяцкаго языковъ, какъ по близости отъ Казани оными языками говорятъ, собралъ я нѣсколько словъ, къ которымъ присовокупилъ еще званія на Мордовскомъ и Казанскихъ Татаръ языкахъ» [Миллеръ 1791: 28]. Из данного указания лингвиста мы узнаем, что удмуртский материал Г. Ф. Миллер собирал у удмуртов, проживающих в окрестностях Казани. В этой же работе, наряду с этнографическим описанием жизни и быта удмуртов, есть утверждение, что в удмуртском языке существуют различные диалекты. Г. Ф. Миллер отмечает наличие диалектов «верхних» (т. е. северных) и «нижних» (т. е. южных) удмуртов. Следовательно, при собирании удмуртских материалов, исследователь заметил отличие диалекта удмуртов северных районов от диалекта удмуртов южных районов. Это указание, впервые отмеченное исследователем, является очень ценным для истории удмуртского языкознания.

В опубликованной Г. Д. Миллером работе «Sammlung russischer Geschichte» [Miller 1758] на страницах 382–409 приведен «Словарь немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотско-мордовско-пермяцко-зырянский». В нем содержится около 250 удмуртских слов, из них 28 – количественные

числительные. В 1791 году в Санкт-Петербурге на русском языке была издана книга Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ...» [Миллеръ 1791], в которую была включена часть вышеназванного словаря. В этой книге русские слова даны в переводе на чувашский, татарский, марийский, удмуртский, мордовский, коми-пермяцкий и коми-зырянский языки. Словарь представляет собой буквальный перевод из «Sammlung russischer Geschichte». Немецкие слова в нем переведены на русский язык, а удмуртские слова транслитерированы буквами кириллического алфавита.

1.4.3.1. Особенности графики миллеровских записей

Некоторые графические особенности удмуртского лексического материала Г. Ф. Миллера были отражены в монографии Т. И. Тепляшиной, посвященной исследованию удмуртских письменных памятников XVIII века [Тепляшина 1965а]. Однако в ней отсутствует подробный графический анализ зафиксированных удмуртских слов, а об орфографии ничего не говорится.

Большинство звуков удмуртского языка в записях Г. Ф. Миллера передаются соответствующими буквами латинского алфавита: *a* – **a**, *b* – **b**, *v* – **w**, *g* – **g**, *ð* – **d**, *i* – **i**, *ÿ* – **j**, *k* – **k**, *l* – **l**, *m* – **m**, *n* – **n**, *o* – **o**, *p* – **p**, *r* – **r**, *s* – **s**, *t* – **t**, *y* – **u**. Однако некоторые специфические удмуртские звуки, особенно те, которые отсутствуют в немецком языке, довольно часто передаются несколькими способами. Это, прежде всего, гласные *ö* (2) и *ы* (+), а также согласные *ш* (š) и *ж* (ž), *с* (s) и *з* (z), *η*, аффрикаты *џ* (č), *ѣ* (č), *ч* (č), *ч* (C). Рассмотрим подробнее способы их воплощения с помощью латинской графики.

1. Удмуртский звук *ы* (+) передается:

а) немецкой буквой **ü** (**û** – в единичных случаях): *Lümschir* [*l+mšor*] 'Полдень' (37) (здесь и далее в этом разделе страницы приводятся по книге [Тепляшина 1965а]), *Tüll* [*t+l*] 'Огонь' (39), *Nüll* ~ *Nüll* [*n+l*] 'Дочь, Девочка' (41, 42), *Nürr* [*n+r*] 'Нос', *Ümdor* [*+mdor*] 'Губы', *Küll* [*k+l*] 'Язык' (43) и др.;

б) немецкой буквой **i**: *Schundi* [šund+] 'Солнце' (37), *Irgon* [+rgon] 'Медь красная' (40), *Jir* [j+r] 'Голова' (43), *Gogi* [gog+] 'Пуп' (44), *Isch* [+ž] 'Овца' (49), *Koschisch* [ko©+š] 'Кошка' (50), *Jedi* [j+d+] 'Ячмень' (52), *Lis* [l+z] 'Синий' (57), *Kezit* [kez'+t] 'Студеной' (58) и т. д.;

в) буквой **e**: *Sustel* [s'us't(l)] 'Восковая свеча' (47); *Isene* [iz'(n'')] 'Спать', *Weräne* [veran''] 'Говорить' (54); *Penmet* [pen'm''i] 'Темной' (58);

г) сочетанием букв **ui**: *Puis* [p+z'] 'Мука', *Muis* [m+z'] 'Икра' (52), *Wuischi* [v+ž+] 'Корень', *Buisch* [b+ž] 'Хвост' (53).

2. Специфический огубленный гласный передне-среднего ряда среднего подъема $\ddot{o}$ З(ö) Г. Ф. Миллером обозначается:

а) через **ü**: *Küss-nunal* [kòsnunal] 'Суббота' (38), *Bürdem* [bòrdem] 'Плач' (56), *Küss* [kòs] 'Сухой' (59);

б) через немецкое **ö**: *Öss* [òs] 'Дверь' (46).

3. Неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема $\ddot{o}$ (2) передается через **e**: *Tedi-Tui* [t2d'+tuj ~ ? ted'+tuj] 'Медь зеленая' (40), *Ssed-uswess* [s'2d uzves' ~ ? s'ed uzves'] 'Свинец' (41), *Deddi* [d2d'+ ~ ? ded'+] 'Сани' (48), *Jell* [j2l ~ ? jel] 'Молоко' (51).

4. Удмуртский диалектный гласный средне-заднего ряда среднего подъема $\ddot{y}$ (") обозначен:

а) через **e**: *Kuseli* [kuz'""i] 'Звезда' (37) (перевод неверный, должно быть 'муравей' – Л. И.), *Jedi* [j""d+] 'Ячмень' (52), *Isene* [iz'(n(] 'Спать' (54);

б) через **o**: *Monsko* [m(nsko] 'Иду' (55), *Turon* [tur(n] 'Трава, Сено' (53);

в) через **y**: *Mynnine* [m(n+n(] 'Ехать' (55), *Wyllon* [v(l(n] 'Высоко' (58);

г) через **a**: *Tibar* [t+b(r] 'Спина' (45), *Pukasch* [puk(š] 'Лук' (47), *Araka* [arak(] 'Вино' (53).

5. Гласный $\ddot{e}$ (e) Г. Ф. Миллер в большинстве случаев передает буквой **e** или **ê**: *Pillem* [pil'em] 'Облака' (36), *Tolêš* [tolez' ~ ? tol+z'] 'Луна' (37), *Muzjem* [muzjem] 'Земля' (39), *Oschmes* [ošmes] 'Источник' (40), *Sundes* [zundes]

'Кольцо' (47), *Sermet* [s'ermet] 'Узда' (48), *Lûd-Ketsch* [ludkeC] 'Заяц' (49), *Bekra* [bekra] 'Осетр' (50), *Sesi* [s'ez'+] 'Овес' (52), *Sutem* [s'utem] 'Голодной' (54) и др. Однако встречается несколько примеров, где этот звук обозначен следующими нижеперечисленными буквами:

а) **a**: *Jessoram* [jZzorem] 'Град' (36), *Dukass* [dukes] 'Платье' (45);

б) буквосочетанием **ie**: *Piel* [pel'] 'Ухо' (43), *Sapiek* [sapieg] 'Сапоги' (45);

в) **ä**: *Ssorü* [zore] 'Дождь' (36), *So süllä* [so s+le] 'Он стоит' (57), *Ussä* [us'se] 'Послезавтра' (59);

г) **ü**: *Ürwal* [erval ~ ? ðrval] 'Кобыла' (48).

6. Удмуртские аффрикаты обозначены следующим образом:

а) **жс** (◁) – буквосочетанием **dsch**: *Dschid* [◁(t)] 'Вечер' (38), *Dschek* [◁2k] 'Стол' (46);

б) **зс** (▷) – буквосочетанием **dsj** или **dsch**: *Dsjuss* [us] 'Скамейка' (46), *Budschim-schir* [bu>>+m š+r ~ ? budz+m š+r] 'Крыса' (50), *Dsjäsek* [χaz'eg] 'Гусь' (51). По монографии Т. И. Тепляшиной [1965а: 34], удмуртские **зс** (▷) и **жс** (◁) передаются только сочетанием букв **dsch**;

в) **ч** (©) и **ч** (C) – буквосочетанием **tsch**: *Tschukna* [©ukna] 'Утро, Утром' (37), *Tschin* [Cin'"] 'Палец' (44), *Muntschoh* [mun'Co] 'Баня' (46), *Katschi* [kaC+] 'Ножницы' (47), *Tschuni* [Cun'+] 'Жеребенок' (48), *Kotschisch* [ko©+š] 'Кошка' (50), *Tschusch* [©už] 'Желтый' (57) и т. д.

7. Удмуртские **ш** (š) и **ж** (ž) обозначены одинаково – буквосочетанием **sch**: *Schaitan* [šajtan] 'Черт, Дьявол' (36), *Uischor* [ujšor] 'Полночь' (38), *Oschmes* [ošmes] 'Ключ, Источник' (40), *Pusche* [pužej] 'Олень' (49), *Buisch* [b+ž] 'Хвост' (53), *Wosch* [vož] 'Зеленый' (57).

8. Удмуртские звонкие щелевые **з** (z) и **з'** (z') в позиции перед гласным звуком и в интервокальном положении переданы через **s**, правда, весьма непоследовательно: *Kuseli* [kuz'"]i] 'Звезда' (37) (здесь перевод осуществлён неверно – должно быть 'муравей'), *Nis* [niz'] 'Соболь' (50), *Isko* [is'ko] 'Сплю' (56), *Lis* [l+z] 'Синий' (57), *Kesit* [kez'+t] 'Холодный' (58) и др.

9. Глухие щелевые *s* (*s*) и *s'* (*s'*) чаще всего передаются двойным **s** (**ss**): *Ssull* [*s'uul*] 'Кишки' (44), *Atass* [*atas*] 'Петух' (50), *Ssed* [*s'2d*] 'Черный' (57), *Dass* [*das*] 'Десять' (61), *Ssu* [*s'u*] 'Сто', *Surss* [*s'urs*] 'Тысяча' (62) и др.

10. Также представлен носовой *ŋ*, который обозначается буквой **n** или буквосочетанием **ng**: *Ban* [*baŋ*] 'Щеки' (44), *Tungon* [*tunŋon*] 'Ключ (точнее: замок – Л. И.)' (46), хотя последний пример не очень показателен.

11. Обозначение палатальности парных удмуртских согласных в записях Г. Ф. Миллера различно:

а) палатальные согласные передаются так же, как и твердые (мягкость никак не обозначается): *Parss* [*pars'*] 'Свинья' (49), *Sutem* [*s'utem*] 'Голодной', *Kisem* [*kiz'em*] 'Сытой' (перевод неверный, должно быть «посеянное, посев» – Л. И.) (54) и др.;

б) в некоторых случаях палатальность обозначена последующей буквой **j**: *Konjdon* [*kon'don*] 'Деньги', *Adjami* [*ad'ami*] 'Человек' (41), *Kunjan* [*kun'an*] 'Теленок' (48), *Njunä* [*n'un'a*] 'Брат' (52);

в) в нескольких словах палатальность согласного обозначается последующим **i**: *Koni* [*kon'+*] 'Белка' (49), *Sesi* [*s'ez'+*] 'Овес', *Jackmul* [*jagmul'+*] 'Брусника' (52) и т. д.;

г) иногда мягкость согласного передается последующей **ä**: *Arnä* [*arn'a*] 'Неделя' (39); *Pinäll* [*pinal ~ pin'al*] 'Дитя' (42), *Dsjäsek* [*xaz'eg*] 'Гусь' (51), *Tschuikasü* [*Čukaz'e*] 'Завтра' (59).

Из приведенного материала видно, что записи Г. Ф. Миллера характеризуются некоторой системностью. Для максимально точной передачи удмуртских звуков средствами латиницы ученый применил различные способы: обозначал удмуртские фонемы наиболее близкими по звучанию буквами немецкого алфавита или различными буквосочетаниями.

1.4.3.2. Элементы орфографии в удмуртском лексическом материале Г. Ф. Миллера

Как и в материалах Д. Г. Мессершмидта, у Г. Ф. Миллера в конце слов после гласного звука иногда употребляется **h**, который, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного: *Korkah* [korka] 'Изда, Дом', *Pialah* [piala ~ pijala] 'Оконница', *Muntschoh* [mun'Co] 'Баня' (46), *Uroboh* [urobo] 'телега' (47) и др.

1.4.4. Лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку

Материалы другого участника Камчатской экспедиции – академика истории и археологии Йоганна Эберхарда Фишера – приводятся в монографии Т. И. Тепляшиной, посвященной исследованию памятников удмуртской письменности XVIII века [Тепляшина 1965а: 65–70], но не в полном объеме (всего 37 удмуртских слов). Здесь же ею рассматривается графика записей этого ученого.

Наиболее полное лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку увидело свет в статье венгерского ученого Шандора Чуча под названием «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311–320]. В 1995 году на немецком языке в Германии выходит книга Яноша Гуи под названием «Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть» [Gulya 1995] (подробнее см. раздел 1.2.).

Рассмотрим подробнее графические и орфографические особенности удмуртской части «Вокабуляра Сибири» Й. Э. Фишера. Примеры приводятся по списку, опубликованному в статье Ш. Чуча «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века»: сначала мы приводим удмуртское слово, затем – в квадратных скобках – слово в нашем прочтении, перевод на латинский язык, в квадратных скобках – наш перевод и страницу.

1.4.4.1. Особенности графики удмуртских материалов Й. Э. Фишера

Большинство удмуртских звуков в записях Й. Э. Фишера, подобно материалам Г. Ф. Миллера, передаются соответствующими буквами латинского алфавита или буквосочетаниями: *a* – **a** (**à**, **á**); *b* – **b**; *v* – **w**; *z* – **g**; *d* – **d**; *d'* – **d**, **dj**, **dd**; *u* – **i** (**î**, **í**, **î**); *ÿ* – **j**, **i**; *κ* – **k** (**ch**, **ck**); *л* – **l**, **ll**; *л'* – **l**, **ll**; *м* – **m**; *н* – **n**; *н'* – **n**, **nj**; *η* –

n; *o* – **o** (**ò**, **ó**); *n* – **p**; *p* – **r** (**rr**); *c* – **s**, **ss**; *m* – **t**; *m'* – **t**, **tj**; *y* – **u** (**ú**, **û**). Однако некоторые специфические звуки удмуртского языка, отсутствующие в немецком языке, автор пытается обозначить разными способами – близкими по артикуляции немецкими буквами или их различными сочетаниями. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1. Удмуртский гласный *ы* (+) передается:

а) немецкой буквой **ü**: *ümdòr* [+*mdor*] 'labia [губы]' (314), *küss* [*k+z*] 'pinus [ель]' (315), *nürr* [*n+r*] 'nasus [нос]' (316), *püt* [*p+d*] 'pedes [нога]', *püsch* [*p+ž*] 'navis [лодка]' (317), *tüll* [*t+l*] 'ignis [огонь]' (318) и др.;

б) буквой **i**: *bóri* [*bor+*] 'fragum [клубника]' (313), *déddi* [*d2d'+*] 'traha [сани]', *isch* [+*ž*] 'ovis [овца]' (314), *júni* [*jun+-*] 'bibere [пить]', *kesit* [*kez'+t*] 'frigidus [холодный]' (315), *púrti* [*purt+*] 'lebes [котел]', *púni* [*pun'+*] 'cochlear [собака]' (317), *schir* [*š+r*] 'mus [мышь]', *síni* [*s'in+-*] 'edere [есть]' (318) и т. д.;

в) буквосочетанием **ui**: *buisch* [*b+ž*] 'cauda [хвост]' (313), *puis* [*p+z'*] 'farina [мука]' (317), *wuisci* [*v+ž+*] 'radix [корень]' (319);

г) знаком **y**: *gósy* [*goz+*] 'funis [веревка]' (314), *mynnine* [*m+n+n(* ~ *m+n(n(* 'vehi [идти]' (316).

2. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *ö* (2) Й. Э. Фишер обозначил следующими буквами:

а) **e** (с различными надбуквенными диакритическими знаками – **e**, **é**, **ê**): *tschêsch* [©*2ž*] 'anas [утка]' (313), *déddi* [*d2d'+*] 'traha [сани]', *jel* [*j2l*] 'lac [молоко]' (314), *ssed* [*s'2d* ~ *s'ed*] 'niger [черный]' (318);

б) **i**: *tillo* [*t2lo*] 'ventus [ветренный]' (318);

в) **ü**: *bürdem* [*b2rdem*] 'lacrimo [плач]' (313), *küss* [*k8s*] 'siccus [поясница]' (315);

г) **u**: *wui* [*v2j*] 'butyrum, oleum [масло]' (319).

3. Удмуртский гласный *э* (*e*) в большинстве случаев передается немецкой буквой **e** (с различными надбуквенными диакритическими знаками – **è**, **é**, **ê**):

aswèss [azves'] 'argentum [серебро]' (313), *gurt-ketsch* [gurt keC] 'capra [коза]' (314), *musjèm* [muzjem] 'terra [земля]' (316), *pénmet* [pen'm(t)] 'obsurgus [темный]' (317), *telês* [tolez'] 'luna [месяц]' (318). В некоторых словах эта гласная встречается в виде исключений как:

а) сочетание **ie** (**iè**, **ié**): *piéll* [pel'] 'aures [ухо]', *sapièk* [sapeg] 'ocreae [сапог]' (317);

б) **ä** или **a**: *tschuckasä* [©ukaz'e] 'cras [завтра]' (313), *dukàss* [dukes] 'vestis [зипун]' (314), *túnnä* [tunne] 'hodie [сегодня]' (319);

в) **i** (**i**): *düi* [düie] 'camelus [верблюд]' (314).

4. Согласные *u* (*š*) и *ж* (*ž*) обозначены одинаково – буквосочетанием **sch**: *baschmàk* [bašmak] 'calcei [башмак]', *buisch* [b+ž] 'cauda [хвост]' (313), *isch* [+ž] 'ovis [овца]' (314), *osch* [oš] 'bos [бык]', *oschmés* [ošmes] 'fons [родник]', *püsch* [p+ž] 'navis [лодка]' (317), *schúndi* [šund+] 'sol [солнце]' (318), *tuschàk* [tušak] 'lectus [перина]', *uloschò* [ulošo] 'cantherius [кастрат]', *wuischi* [v+ž+] 'radix [корень]' (319); *wusch* [vuž] 'arcus [старый]' (320) и др. В одном случае Й. Э. Фишер начальный *u* (стоящий перед **t**), по правилам немецкой орфографии, передает буквой **s**: *stan* [štan] 'femoralia [штаны]' (318).

5. Аффрикатy передаются следующим образом:

а) глухие велярная *č* (©) и палатальная *ч* (C) – одинаково – буквосочетанием **tsch**: *tschêsch* [©2ž] 'anas [утка]', *tschin* [Cin'+] 'digitus [палец]', *tschorik* [Cor+k] 'piscis [рыба]', *tschuckasä* [©ukaz'e] 'cras [завтра]', *tschuknà* [©ukna] 'mane [утро]', *tschusch* [©už] 'flavus [желтый]' (313); *ditschi* [d'iC+ ~ ħC+] 'vulpes [лиса]' (314); *katschi* [kaC+ / kaCi] 'forfex [ножницы]', *kótschisch* [ko©+š] 'felis [кошка]' (315); *lúd-ketsch* [ludkeC] 'lepus [заяц]' (316) и т. д.;

б) звонкие аффрикатy *č* (<) и *ž* (>) также передаются одинаково – знакосочетанием **dsch**: *budschim* [bu>>+m ~ b+>>+m] 'magnus [большой]' (313); *dschid* [<+t] 'sero, vesper [вечер]' (320). В некоторых случаях палатальная *ž*

передается буквосочетаниями **ds** или **dsj**: *kudsem* [ku>>em ~ ? kudzem] 'ebrius [пьяный]' (316); *dsjäsek* [ʔaz'ek] 'anser [гусь]', *dsjuss* [ʔus] 'scamnum [скамья]' (320).

6. Удмуртское *v* (*v*) или *d* (^o) (в одном корневом слове) обозначено буквой **w**: *aswëss* [azves'] 'argentum [серебро]' (313), *pógdschi-wün* [pokCi v+n] 'frater natu minor [меньший брат]' (317); *tolon-wal* [tolon val] 'nudius tertius [позавчера]', *warr* [var / °ar] 'servus [слуга]', *wui* [vZj] 'buturum, oleum [масло]', *wît-don* [vit'don] 'quingenta [пятьдесят]' (319) и др.

7. В одном слове, возможно, встречается ауслаутный согласный *ŋ*, который передан буквой **n**: *ban* [baŋ] 'arc [лицо]' (313).

8. Палатальность согласных Й. Э. Фишером обозначается по-разному:

а) последующей буквой **j**: *adjämi* [ad'ami] 'homo [человек]' (312); *kunjän* [kun'an] 'vitulus [теленок]', *njän* [n'an] 'panis [хлеб]' (316);

б) посредством знаков **ä** или **ü**: *arnü* [arn'a] 'hebdomas [неделя]' (312), *dütsch-árnü* [d'üC arn'a] 'Dies Solis [пятница]' (314), *pinüll* [pin'al ~ pinal] 'infans [ребенок]' (317);

в) геминатами: *aswëss* [azves'] 'argentum [серебро]' (313), *dédđi* [d2d'+] 'traha [сани]' (314); *jir-ssi* [j+rs'i] 'dies, capillus [волос]', *kük-ssu* [k+ks'u] 'ducenta [двести]' (315), *nill* [n'il' / n'+l'] 'quatuor [четыре]' (316), *parss* [pars'] 'porcus [свинья]' (317). Данный способ обозначения палатальности Й. Э. Фишером до конца не выдерживается.

1.4.4.2. Элементы орфографии в языковых данных Й. Э. Фишера

Для рукописи Й. Э. Фишера свойственно использование следующих правил немецкого письма:

1. В конце слова после гласной буквы употребляется **h**, что в немецкой орфографии означает удлинение гласной, например: *korkáh* [korka] 'hypocaustum [дом]' (315), *luòh* [luo] 'arena [песок]' (316), *pialàh* [piala / pijala] 'fenestra [стекло]' (317), *tackàh* [taka] 'aries [баран]' (318). Эта буква вводит в заблуждение и Ш. Чуча. Он отмечает, что в конце нескольких слов в рукописи написана

h, которая употреблена (использована) в этом случае необоснованно, потому что в удмуртском языке нет, и никогда не было фонемы *h* [Csúcs 1984 66].

2. В интервокальном положении встречается буквосочетание **ck** (произносится как *к*): *tackàh* [*taka*] 'aries [баран]' (318);

3. Ауслатный *j* в конце некоторых слов опускается: *dschabè* [*Cabej*] 'triticum [пшеница]', *tschipè* [*Cipej*] 'lucius [щука]' (313), *puschè* [*pužej*] 'rangifer, alce [олень]' (317). Это явление, отмечаемое в материалах Й. Э. Фишера, встречается еще в лексических данных других немецких ученых-путешественников, например, Г. Ф. Миллера: *dschabe* [*Cabej*] 'пшеница' [Тепляшина 1965: 51]. Возможно, что немецкое конечное *è* в этих случаях имело незначительное дифтонгоидное произношение, близкое к звукосочетанию *ej*.

1.4.5. Удмуртский перевод молитвы «Отче наш»

Перевод этой молитвы на удмуртский язык выполнен неизвестным переводчиком по просьбе Фридриха Аделунга, работавшего в Санкт-Петербурге в археологической комиссии графа Н. П. Румянцева. Лингвист и археолог в одном лице, Ф. Аделунг послал этот перевод своему дяде И. Х. Аделунгу, а тот напечатал присланный текст в своей книге «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde» в 1806 году в Берлине [Adelung 1806]. Как указывает Т. И. Тепляшина, перед текстом молитвы помещено следующее замечание: «Нижеследующий текст получен мною через моего племянника, живущего в Петербурге, от Екатеринбургского генерал-губернатора, для которого составил этот текст присягнувший переводчик...» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 230]).

Хотя особенности графики текста перевода на удмуртский язык молитвы «Отче наш» в некоторой степени отражены в монографии Т. И. Тепляшиной, нам бы хотелось поподробнее остановиться на том, каким образом переводчик передал специфические удмуртские звуки средствами латиницы.

1. Удмуртский звук *ы* (+), отсутствующий в немецком языке, обозначается двумя способами:

а) буквой **ü** (в большинстве случаев): *Wülün* [*v+l+n*] 'на' [Тепляшина 1965а: 230] (далее примеры приводятся лишь с указанием страницы источника); *tünad* [*t+nad*] 'твое', *utismü* [*ut'is'm+*] 'хранитель наш', *milemlü* [*mil'eml+*] 'нам', *bastüsjosüs* [*bas't+s'jos+z*] 'берущих' (231);

б) буквой **i**: *ürükiid* [*er+k+d*] 'воля твоя' (230).

2. Специфичный гласный удмуртского языка **ö** (2) в переводе встречается всего в двух словах и передается буквой **e**: *Kes* [*k2s ~ ? kes*] 'сухой' (230), *Erekzanü* [*2rekCan+ ~ ? erekCan+*] 'обмануть' (231).

3. Согласный **u** (**š**) обозначается буквосочетанием **sch**: *Duschmonles* [*dušmonles'*] 'от врага'.

4. Палатальность согласных в словах, на первый взгляд, никак не обозначается: *uliskod* [*ulis'kod*] 'живешь' (230), *pastana* [*pas'tana*] 'повсюду', *kültie* [*kel't+*] 'оставь', *bastüsjosüs* [*bas't+s'jos+z*] 'берущих' (231) и др. Однако в двух случаях мягкость передана последующей **ä**: *milüm* [*mil'am*] 'наш' (230), *Nän* [*n'an*] 'хлеб' (231), в одном – последующим **i**: *sioť* [*s'ot*] 'отдай' (231).

5. Согласные **z** (**z**) и **z'** (**z'**) во всех случаях (как и фонема **s** (**s**)) передаются буквой **s**: *med luos* [*med luoz*] 'пусть будет', *bastüsjosüs* [*bas't+s'jos+z*] 'берущих', *en no les* [*en no lez'*] 'не пускай', *kosma* [*kozma*] 'благослови' (231). В трех первых примерах, в которых звуки **z** и **z'** стоят в конце слова, переводчик постарался, на наш взгляд, отразить полувзвонкие варианты фонем **z** и **z'**.

6. В одном слове встречается палатальная аффриката **ч** (**č**), которая обозначена, как ни странно, знаком **z**: *Erekzanü* [*2rekCan+*] 'обмануть' (231).

Остальные звуки удмуртского языка (за исключением **ж** (**ž**), **ž** (**ž**), **жс** (**č**), **č** (**č**)) – с ними не представлено ни одного слова) передаются соответствующими буквами немецкого алфавита.

1.4.6. Обозначение специфических удмуртских звуков средствами латиницы (таблица 1)

Проанализировав словарь Д. Г. Мессершмидта, список слов Ф. Й. Страленберга, словарь Г. Ф. Миллера, «Вокабуляр Сибири» Й. Э. Фишера и перевод молитвы «Отче наш» мы можем заключить, что для записи удмуртских слов вышеперечисленные ученые применили немецкую графическую систему, а также некоторые орфографические элементы немецкого языка. Для того, чтобы все это представить нагляднее, покажем в таблице, как каждый из этих исследователей обозначил специфические удмуртские звуки средствами латиницы.

Удмуртские звуки	Словарь Д. Г. Мессершмидта	Список слов Ф. Й. Страленберга	Материалы Г. Ф. Миллера	Материалы Й. Э. Фишера	Перевод молитвы «Отче наш»
<i>ы</i> (+)	y, yi, i, e, u, ö	i, e, y	ü, i, e, ui	ü, i, ui, y	ü, i
<i>ö</i> (2)	ö, y, öe	ee, iö	ü, ö, e	e, i, ü, u	e
<i>э</i> (e)	e, æ	e	e, ä, a, ie, a, ü	e, ie, ä (a), i	e
<i>ч</i> (©)	tsch	—	tsch	tsch	—
<i>ч</i> (C)	tsch	—	tsch	tsch	z
<i>ж</i> (◁)	—	—	dsch	dsch	—
<i>ж</i> (▷)	dsh, ds, sh, ss	—	dsch	dsch	—
<i>ш</i> (š)	sch	—	sch	sch	sch
<i>ж</i> (ž)	sh	—	sch	sch	—
<i>η</i>	hw, wu	—	n, ng	n	—
<i>o</i>	ng, hn	—	—	w	—

Из таблицы видно, что наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем был звук *ы*. В материалах Д. Г. Мессершмидта он воплощен шестью способами (пятью различными буквами и одним буквосочетанием). В словнике Ф. И Страленберга этот звук обозначен тремя разными знаками. Г. Ф. Миллер и

Й. Э. Фишер в своих словарях на месте звука *ы* использовали по три буквы и одному буквосочетанию.

Не менее трудной для передачи на письме была специфическая удмуртская фонема *ö*, для обозначения которой Д. Г. Мессершмидтом использованы две буквы и буквосочетание, Ф. Й. Страленбергом – два буквосочетания, Г. Ф. Миллером – три различных знака, Й. Э. Фишером – четыре буквы, а в переводе молитвы – два знака.

Большая пестрота графических знаков наблюдается также в передаче удмуртского *э*. Как видим, в материалах Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера эта фонема обозначена шестью и пятью способами соответственно.

Как нам кажется, подобное разнообразие в обозначении фонем можно объяснить тем, что исследователи пытались максимально точно передать услышанные ими специфические звуки, отсутствующие в их родном – в данном случае немецком – языке.

2. Памятники удмуртской письменности на основе кириллицы (XVIII – первая половина XIX века)

Как было отмечено выше (см. главу 1), первые памятники удмуртской письменности – списки слов и небольшие словарики – были составлены с помощью латинской графики (Ф. Й. Мессершмидт, Ф. Й. Страленберг, Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер). Но, несмотря на этот факт, удмуртская письменность в конечном итоге утвердилась на основе кириллицы. Этому, главным образом, способствовало издание в Санкт-Петербурге в 1775 году первой грамматики удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Т. И. Тепляшина в своей монографии, посвященной изучению памятников удмуртской письменности XVIII века, справедливо назвала это издание «важным событием для истории **изучения** (выделение наше. – Л. И.) удмуртского языка» [Тепляшина 1965а: 121]. Один из современных ведущих удмуртских лингвистов, профессор В. К. Кельмаков первую грамматику называет «гражданским паспортом удмуртского языка» [Кельмаков 2001а: 12], представившим его научному миру последней четверти XVIII века. Этот труд действительно заслуживает очень высокой оценки: в нем были впервые представлены почти все удмуртские звуки (даже некоторые диалектные) средствами кириллической графики, использован большой лексический материал (около 1400 слов, часть из них в

виде словосочетаний, отдельных предложений и традиционных образных идиоматических выражений), и в систематизированной форме охарактеризованы некоторые особенности удмуртского языка. Первая грамматика, в которой применены буквы русского алфавита и частично орфографические нормы русского языка для записи удмуртских слов, в дальнейшем послужила авторитетным образцом при составлении последующих письменных памятников. Орфография, полученная от русской письменности XVIII века, в дальнейшем совершенствовалась в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма.

Материалы самых ранних письменных памятников по удмуртскому языку, как уже отмечали выше, были исследованы и изданы Т. И. Тепляшиной [1965a]. Ученый проанализировала лексические данные путешественников-естествоиспытателей (Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа), первой грамматики удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», рассмотрела удмуртско-русский словарь Захарии Кротова и рукописную грамматику Михаила Могилина. Т. И. Тепляшиной было проведено исследование основ графики (не подробное), а также некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей этих памятников. Следует, однако, указать на то, что до сих пор не существует ни одной такой работы, которая давала бы подробное описание графики, особенно орфографии ранних письменных памятников.

Общеизвестным является тот факт, что решающую роль в становлении удмуртской письменности на кириллице сыграла первая печатная грамматика удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года. Рукописные работы конца XVIII века ([Кротовъ 1785] и [Могилинъ 1786]), словарики П. С. Палласа (далее Пал.) и Г. Ф. Миллера – русскоязычное издание – (далее Мил.)), а также письменные памятники первой половины XIX века основывались на алфавите и орфографических принципах вышеупомянутой грамматики. Однако кириллическая графика и орфография для передачи удмуртских слов была использована еще до написания и опубликования первой грамматики удмуртского языка. Так, в 1769 году в книге «Духовная церемония,

производившаяся во время всевожденнейшего присутствия ее императорского величества великия государыни Екатерины II в Казань» (название издания по: [Тепляшина 1965а: 225]), изданной Академией наук, были опубликованы тексты речей на разных языках, в том числе и на удмуртском – первое четверостишие (далее Стих. 1), составленное одним из учащихся Казанской новокрещенской школы. В книге Т. И. Тепляшиной данный памятник ранней письменности удмуртского языка напечатан, но ученый не останавливается на разборе языковых особенностей этого четверостишия.

В данной главе нами рассматривается графика и орфография 16 письменных памятников удмуртского языка второй половины XVIII – первой половины XIX века, написанных на основе русской графики. К ним относятся 2 стихотворения (далее Стих. 1, Стих. 2), лексические материалы П. Фалька, словарь Г. Ф. Миллера, изданный на русском языке [Миллеръ 1791] (необходимо отметить, что русскоязычное издание удмуртского лексического материала Г. Ф. Миллера очень несовершенно: при транслитерации записей исследователя средствами русского алфавита появились многочисленные искажения), список слов П. С. Палласа, первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», удмуртско-русский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина, три рукописных словаря: «Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 года», «Словарь языка вотского» 1820 года и «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года – и пять текстовых печатных изданий, опубликованных в Казани в 1847 году: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѣя и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія», «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѣя на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія», «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій (По Глазовскому)» и «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и

гражданской печати, буквъ, для обученія вотских дпттей чтенію на ихъ нартчїи (По Сарапульскому)».

Необходимо отметить, что письменных памятников удмуртского языка периода XVIII – первой половины XIX века, написанных на основе кириллической графики насчитывается значительно больше – 30 названий [Каракулов 2006: 119–131]. Однако часть из них была не исследована нами по двум причинам. Во-первых, многие памятники письменности недоступны, так как хранятся в зарубежных архивах (например, «Вотская грамматика» 1840 года С. И. Шубина – в Архиве Венгерской академии наук), во-вторых, некоторые из памятников все еще не обнаружены («Новая отяцкая грамматика» М. Мышкина 1795 года, Евангелие от Луки и др.).

2.1. Словари Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и первые стихотворения на удмуртском языке

Как было отмечено выше (см. раздел 1.4.3.), языковые материалы Г. Ф. Миллера в 1791 году были транслитерированы буквами кириллического алфавита, что отразилось на качестве записей – появились многочисленные искажения.

Лингвистические материалы П. С. Палласа впервые увидели свет в книге «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», изданной в 1787–89 годы. Позднее этот словарь был выпущен вторым изданием под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (1790–91 гг.). Сюда вошло 285 слов (12 из них – числительные).

Удмуртские слова исследователя П. Фалька в количестве 37 единиц, по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 116], впервые были опубликованы в книге «Полное собрание ученых путешествий по России» в 1824 году.

Первое стихотворение на удмуртском языке, написанное с помощью кириллической графики, было опубликовано в 1769 году [Тепляшина 1965а: 225; Алатырев 1975а: 8; Уваров 1982: 6; Шкляев 1993: 43; Каракулов 2006: 120; Кельмаков 2008: 20]. Оно состоит из 24 слов. В стихотворении для обозначения

удмуртских звуков употреблены следующие 25 букв и их сочетаний: **а, б, в, д, е, ъо** (орф. ё), **з, дч** (орф. э), **и, к, л, м, н, о, р, с, т, у, ц** (орф. ч), **ш, ъ, ы, ь, э, я**.

Второе стихотворение в десять строк, также написанное с помощью русских букв, было издано в «Сочинениях в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках, говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня 1781 года» в Москве в 1782 году. [Тепляшина 1965а: 226; Каракулов 2006: 121]. Для обозначения удмуртских звуков, в том числе диалектных, в нем употреблено 28 букв и буквосочетаний: **а, в, д, е, ж, з, дз** (совр. орф. э), **и, к, л, м, н, о, ъе** (совр. орф. ё), **п, р, с, т, у, уа** (диал. ү), **ц** (орф. ч), **ч** (орф. ч̄), **ш, ъ, ы, ь, э, я**.

Лексические материалы Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и первые удмуртские стихотворения мы решили анализировать вместе, так в них содержится не очень большой словарный материал, а особенности буквенного обозначения удмуртских звуков имеют значительное сходство. Рассмотрим подробнее графические и орфографические особенности вышеперечисленных памятников.

2.1.1. Графические особенности

Для обозначения удмуртских звуков авторы приспособили буквы кириллицы, сочетания букв, а также латинскую графему **j**. Исходя из этого, для исследуемых в этом разделе (2.1) письменных памятников мы можем отобразить следующий алфавит, состоящий из 38 букв:

Аа	Дз/дз	Іі	Нн	Сс	Чч	Юю
Б б	Ее	й	нг	Тт	Шш	Яя
Вв	іо (ьо)	Јј	Оо	Уу	ь	
Гг	Жж	Кк	? ъе	уа	Ыы	
Дд	Зз	Лл	Пп	Ув/ув	ь	
Дж/дж	Ии	Мм	Рр	Цц	Ээ	

В большинстве случаев записи весьма несовершенны, однако систему передачи удмуртских фонем все же можно проследить.

1. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *ö* (2) обозначен следующими буквами:

а) буквой **е**: *Кетъ* [k2t ~ ? ket] 'Брюхо' (Пал. 85) (здесь и далее в разделе 2.1.1. примеры приводятся по монографии Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965а]), *Шемъ* [š2m ~ ? šem] 'Вкус' (Пал. 86), *Бердонъ* [b2rdon] 'Вопль' (Пал. 87), *Кемъ* [k2m] 'Кора' (Пал. 96); *Ссед-усвесъ* [s'2duzves' ~ ? s'eduzves'] 'Свинец' (Мил. 41), *Дедди* [d2d'+ ~ ? ded'+] 'Сани' (Мил. 48), *Теду* [t2d'+ ~ ? ted'+] 'Белый' (Мил. 57); *вьесяськомъ* [v2s'as'kom ~ ? ves'as'kom] 'молимся' (Стих. 2: 227);

б) графемой **э**: *Тэль* [t2l] 'Ветр' (Пал. 90), *Эсь* [2s] 'Дверь' (Пал. 100, Мил. 46); *эзь съоты* [2z s'ot+] 'не дал(а)' (Стих. 1: 225);

в) буквой **ы**: *Тылтери* [t2lperi] 'Вихрь' (Пал. 90), *Пысь* [p2s'] 'Жар' (Пал. 93);

г) знаком **о**: *Тодди* [t2d'+] 'Бело' (Пал. 105);

д) буквой **ю**: *Кюсс-нуналъ* [k2snunal ~ ? kësunal] 'Суббота' (Мил. 30), *Бюрдемъ* [b2rde~ ~ ? bërde~] 'Плач' (Мил. 56);

е) графемой **у**: *Вуй* [v2j] 'Масло' (Мил. 51);

ж) диграфом **ое**: *Коедши* [k2ž+ ~ k2<+] 'Горох' (Фальк 118);

з) буквосочетанием **ье**: *вьесяськомъ* [v2s'as'kom ~ ? ves'as'kom] 'помолимся' (Стих. 2: 226).

2. Анлаутное сочетание *йö-* (*j2-*) обозначено буквой **е**: *Ель* [j2l ~ ? jel] 'Молоко' (Пал. 83), *Езоръ* [j2zor ~ ? jesor] 'Град' (Пал. 91), *Е* [j2 ~ ? je] 'Лед' (91); *ессорамъ* [j2zoret ~ ? jezoret] 'Град' (Мил. 35), *егу* [j2gu ~ ? jegu] 'Колодезь' (Мил. 40) и др.

3. Гласный **ы** (+) передается соответствующей буквой русского алфавита **ы**: *Шунды* [šund+] 'Солнце' (Пал. 90), *Лымы* [l+m+] 'Снег' (Пал. 91), *Дыръ* [d+r] 'Время' (Пал. 92), *Вылынъ* [v+l+n] 'Высокій, высоко' (Пал. 93); *Кумысь*

[*kum +z*] 'Чеснок' (Фальк 118); *Мыннине* [*m +n +n*(*l*)] 'Ехать' (Мил. 55), *Выллонь* [*v +l*(*n*)] 'Высоко' (Мил. 58); *теныдь* [*t +n +d*] 'тебе' (Стих. 1: 225); *возьматыськомъ* [*voz'mat +s'kom*] '(мы) показываем' (Стих. 2: 226). Здесь необходимо отметить, что в лексических материалах Г. Ф. Миллера буква **ы** применена для передачи фонемы *ы* только в двух вышеприведенных словах, а у П. Фалька – в единственном слове. Кроме того, как буквой **ы**, гласный *ы* может быть обозначен знаком **и** в следующих случаях:

а) после анлаутного *й* (в памятниках **Ж**): *Журь* [*j +r*] 'Голова' (Пал. 83), *Журси* [*j +rs'i*] 'Волос' (Пал. 84); *Жуди* [*j +d +*] 'Ячмень' (Фальк 117); *Журь* [*j +r*] 'Голова', *Журь сси* [*j +rs'i*] 'Волосы на голове' (Мил. 43);

б) после парных по велярности/мягкости согласных, где **и**, обозначая фонему *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного: *Кезитъ* [*kez'+t*] 'Стужа' (Пал. 89), *Тоду* [*t2d'+*] 'Белый' (Пал. 105), *Келишлы* [*kel'+šl +*] 'Лепо' (Пал. 106), *Ози* [*oz'+*] 'Да' (Пал. 111); *Дедду* [*d2d'+*] 'Сани', *Чуни* [*Čun'+*] 'Жеребенок' (Мил. 48), *Пуни* [*pin'+*] 'Ложка' (Мил. 47), *Сези* [*s'ez'+*] 'Овес', *Якмули* [*jagmul'+*] 'Брусника' (Мил. 52) и др.

в) в начале слова: *Имнырь* [*+mn +r*] 'Лицо' (Пал. 83), *Имь* [*+m*] 'Рот' (Пал. 84); *Иргонь* [*+rgon*] 'Медь (красная)' (Мил. 40), *Ишь* [*+ž*] 'Овца' (Мил. 49).

Необходимо также отметить, что в записях Г. Ф. Миллера для передачи фонемы *ы* использованы:

а) графема **ю**: *Тюлль* [*t+l*] 'Огонь' (Мил. 33), *Люмю* [*l+m +*] 'Снег' (Мил. 36), *Нюлль* [*n+l*] 'Дочь' (Мил. 41), *Вюнъ* [*v+n*] 'Брат' (Мил. 42), *Нюръ* [*n+r*] 'Нос', *Юмь* [*+m*] 'Рот' (Мил. 43);

б) буква **е**: *Изене* [*iz'(n*(*l*)] 'Спать', *Верене* [*veran*(*l*)] 'Говорить' (Мил. 54), *Мыннине* [*m +n +n*(*l*)] 'Ехать' (Мил. 55);

в) диграф **уи**: *Муисъ* [*m +z*] 'Икра', *Луисъ* [*p +z*] 'Мука' (Мил. 52), *Вуиши* [*v +ž +*] 'Корень' (Мил. 53). В этом случае буква **и**, скорее всего, показывает палатальность последующего согласного;

г) буква **а**: *Кикъямасъ* [*k+kjam(s)*] 'Восемь' (Мил. 60), *Кикъямасъ-Донъ* [*k+kjam(sdon)*] 'Восемьдесят' (Мил. 62).

4. Аффрикатy обозначены буквосочетаниями или одиночными буквами:

а) **э** (ɤ) – сочетанием дз или буквой з (перед **и** и йотированными гласными **е, ю, я**): *Зекъ* [*ɤeg ~ ? z'eg*] 'Рожь' (Пал. 97), *Зязикъ* [*ɤaz'eg ~ ? z'az'eg*] 'Гусь' (Пал. 100), *Дзечъ* [*ɤC*] 'Хорошо' (Пал. 106), *Кырзянь* [*k+ɤan*] 'Петь' (Пал. 108); *Дзигзакъ* [*ɤiz'eg*] 'Рожь' (Фальк 117); *Дзиусъ* [*ɤus*] 'Скамья, Лавка' (Мил. 46), *Дзясекъ* [*ɤaz'eg*] 'Гусь' (Мил. 51), *Кудземъ* [*kuɤet ~ ? kudzet*] 'Пьяной' (Мил. 54); *адзуса* [*aɤ+sa*] 'увидев', *зецлы* [*ɤCɤ+ ~ ? z'eCɤ+*] 'на добро' (Стих. 2: 227). Необходимо отметить, что в лексических материалах Г. Ф. Миллера аффриката **э** может быть передана буквой **ч** или буквосочетанием **дж**: *Бачимъ-Чорикъ* [*baɤ+tm Cor+g*] 'Белуга' (Мил. 50), *Буджимъ* [*buɤ+tm*] 'Большой' (Мил. 58). В стихотворениях же эта аффриката в одном слове обозначена буквосочетанием **дч**: *бадчимъ* [*baɤ+tm*] 'великий' (Стих. 1: 225);

б) **ж** (ɟ) – диграфом **дж** или знаком **ж** (в материалах П. С. Палласа): *Житъ* [*ɟ+t ~ ʒ+t*] 'Вечеръ' (Пал. 91), *Жужитъ* [*ɟiʒ+t ~ ʒiʒ+t*] 'Высота' (Пал. 99); *Джитезе* [*ɟ+taz'e*] 'Вечеръ' (Мил. 38), *Джсекъ* [*ɟ2k*] 'Столь' (Мил. 46). В списке слов П. Фалька эта аффриката встречается лишь в одном слове, где она передается буквосочетанием **дш**: *Коедши* [*k2ɟ+*] 'Горох';

в) **ч** (C) – буквой **ц** (перед **и** и йотированными гласными **е, ю, я**) или **ч**: *Цирты* [*C+rt+*] 'Шея' (Пал. 85), *Цилекъямъ* [*Cil'ekjam*] 'Молнія' (Пал. 90), *Циорыгъ ~ чорыгъ* [*Cor+g*] 'Рыба' (Пал. 97), *Покци ~ покчи* [*рокCi*] 'Мало' (Пал. 105); *Чинъ* [*Cin'+*] 'Палець' (Мил. 44), *Чуни* [*Cun'+*] 'Жеребенокъ' (Мил. 48), *Чорикъ* [*Cor+g*] 'Рыба' (Мил. 50); *выцякъ* [*v+Cak*] 'целиком' (Стих. 1: 225). В лексических материалах П. Фалька аффриката **ч** в одном случае обозначена буквосочетанием дз, в другом – буквой **ш**: *Дзябей* [*Cabej*] 'Пшеница' (Фальк 117), *Гурткешь* [*gurtkeC*] 'Коза' (Фальк 119);

г) ċ (©) – знаком ч: *Качь* [ka©] 'Бровь' (Пал. 84), *Кочушь* [ko©+š] 'Котъ' (Пал. 90), *Чукна* [©ukna] 'Утро' (Пал. 91); *Чукна* [©ukna] 'Утро' (Мил. 37), *Кочишь* [ko©+š] 'Кошка' (Мил. 50), *Чешь* [©Zž] 'Утка' (Мил. 51); *таче* [ta©e] 'такой' (Стих 2. 226).

5. В материалах Г. Ф. Миллера очень часто звонкий щелевой з (z) обозначается буквой с: *Сарни* [zarn'i] 'Золото', *Асвесь* [azves'] 'Серебро', *Теду-Усвесь* [t2d'+uzves' ~ ? ted'+uzves'] 'Олово' (Мил. 40), что может быть объяснено нормами немецкого правописания.

6. В лексических материалах П. С. Палласа для обозначения билабиального согласного d- (°), встречающегося в анлауте перед гласным звуком а, используется графема у или сочетание ув: *Уванунь* [°arut] 'Год' (Пал. 92), *Уатыны* ~ *Ватуно* [°at+n+ ~ vat+n+] 'Скрыть', *Вань* ~ *Уань* [van' ~ °an'] 'Есть' (Пал. 110), *Вадлемь* ~ *Уадлянь* [vadl'an ~ °adl'an] 'Прежде' (Пал. 112). Как видно из перечисленных примеров, почти все слова с инициальным d- употребляются параллельно с анлаутным в.

7. Носовой согласный η встречается в материалах Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа, где эта фонема обозначена буквой н или буквосочетанием нг: *Пельпунгь* [pel'pɪŋ] 'Плечо', *Гырпунгь* [g+rɪŋ] 'Локоть' (Пал. 85); *Вань* [baŋ] 'Щеки' (Мил. 44).

2.1.2. Элементы орфографии

В исследуемых письменных памятниках встречаются следующие элементы орфографии:

1. Во всех этих памятниках письменности непременным условием при фиксации удмуртских слов было написание буквы ъ (er) в конце слова после твердых согласных или даже в середине слова – перед вторым компонентом сложного слова: *выцякъ* [v+Сак] 'целиком', *теныдъ* [t+n+d] 'тебе', *тонъ* [ton] 'ты', *инмаръ* [inmar] 'бог' (Стих. 1: 225); *дауръ* [daur] 'едва, напрасно', *кутъдырья* [kudd+rja] 'иногда, в то время', *возьматыськомъ* [voz'mat+s'kom]

'(мы) показываем', *ужьяскомь* [uʃjas'kot] 'восхваляем' (Стих. 2: 226), *милямь* [mil'am] 'наш' (Стих. 2: 227); *Ныль* [n+l] 'Девочка', *Вынь* [v+n] 'Брат' (Пал. 81), *Нырь* [n+r] 'Нос', *Синь* [s'in] 'Глаз' (Пал. 83), *Кыль* [k+l] 'Язык', *Тушь* [tuʃ] 'Борода', *Гырпунгь* [g+rpuŋ] 'Локоть' (Пал. 85); *Арь* [ar] 'Год', *Тюль* [t+l] 'Огонь', *Нулэсь* [n'ules] 'Лес' (Мил. 39), *Людь-Кечь* [ludkeC] 'Коза', *Гондирь* [gond+r] 'Медведь' (Мил. 49).

2. Характерные для удмуртского письма звуко сочетания *жы*, *шы* пишутся через **и** (**жи**, **ши**) (по образцу русской орфографии): *Гижиос* [giž+os] 'Ногти' (Пал. 85), *Жужить* [ʎiž+t ~ žiž+t] 'Высота' (Пал. 93), *Ширь* [š+r] 'Мышь' (Пал. 99); *Буджимь-Ширь* [b+ʎ+m š+r ~ ? buʎ+m š+r] 'Крыса' (Мил. 50), *Вуиши* [v+ž+] 'Корень' (Мил. 53).

5. Для обозначения палатальности той или иной аффрикаты использованы последующие йотированные буквы (**я**, **е**), **и** или сочетание **йо**: *выцякъ* [v+Cak] 'целиком' (Стих. 1: 225), *воцякъ* [voCak] 'весь' (Стих. 2: 227), *Чиорыгь* [Cor+g] 'Рыба' (Пал. 97), *Зязикь* [ʎaz'eg ~ z'az'eg] 'Гусь' (Пал. 100); *Дзигзакь* [iz'eg] 'Рожь' (Фальк 117); *Дзясек* [ʎaz'eg] 'Гусь' (Мил. 51), *Кудземь* [kuʎem ~ kudzem] 'Пьяной' (Мил. 54).

6. Мягкий знак **ь** употребляется для обозначения мягкости согласных *д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т* (*d*, *z*, *l*, *n*, *s*, *t*) в середине (перед последующим согласным) и конце слова: *верасько* [veras'ko] 'говорю', *курысько* [kur+s'ko] 'прошу' (Стих. 1: 225); *виль* [vil'] 'новый', *анайлысь* [anajl+s'] '(у) матери', *возьматось* [voz'matoz] 'покажет' (Стих. 2: 226); *Кальлень* [kal'l'en] 'Тихо' (Пал. 106), *Ниль* [n'il'] 'Четыре', *Вить* [vit'] 'Пять' (Пал. 113); *Гурезь* [gurez'] 'Гора' (Мил. 39), *Адьями* [ad'ami] 'Человек' (Мил. 41).

7. Гласные **е**, **йо** (**ьо**), **ю**, **я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны; в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки *э*, *о*, *у*, *а*: *сьот* [s'ot] 'дай' (Стих. 1), *тасяно* [tas'ana] 'кроме этого' (Стих. 2: 226), *Маяльляскемь* [majal'l'as'ket] 'Ощупывание' (Пал. 87),

Висіонь [vis'on] 'Боль' (Пал. 88), *Дзечь* [ʒeC] 'Хорошо' (Пал. 106); *Ньель* [n'2l] 'Стрела' (Мил. 47), *Ссерь* [s'or] 'Куница' (Мил. 50), *Ньянь* [n'an'] 'Хлеб' (Мил. 51) (как видно из приведенных примеров, в некоторых случаях – *ньель*, *ньянь* мягкость согласного может быть обозначена два раза – последующим мягким знаком + йотированной буквой); в других случаях – сочетание звуков *йэ*, *йо*, *йу*, *йа*: *юнматыса* [junmat+sa] 'скрепив' (Стих. 2: 227), *Якмули* [jagmul'+] 'Брусника' (Мил. 52).

8. По образцу русского языка – при обозначении фонемы *и*, стоящей перед последующей согласной *й* – в памятниках использована буква *і*: *Циніось* [Cin+jos] 'Пальцы' (Пал. 85), *Ліяль* [lijal] 'Пень' (Пал. 96), *Кіямысь* [kijam+s] 'Восемь' (Пал. 113); *Піялагь* [pijala] 'Оконница' (Мил. 46).

9. Слова, зафиксированные в исследуемых памятниках, за исключением стихотворений, чаще всего написаны с заглавной буквы.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что удмуртские слова на основе русской графической, а также орфографической систем впервые были зафиксированы в 1769 году – в первом стихотворении на удмуртском языке. Орфографическая норма у разных писцов была не одинаковой, о чем свидетельствует разное написание одних и тех же слов.

2.1.3. Обозначение удмуртских звуков средствами кириллицы в лексических материалах Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька, первых стихотворениях (таблица 2)

Проанализировав графические и орфографические особенности лексических материалов Г. Ф. Миллера (русскоязычное издание), П. С. Палласа, П. Фалька и первые удмуртские стихотворения, мы можем заключить, что обозначение удмуртских звуков буквами русского алфавита в этих памятниках далеко не последовательно. Для того, чтобы все это представить нагляднее, покажем в таблице, как в каждом из исследуемых в данном разделе памятников письменности передаются специфические удмуртские звуки средствами кириллицы.

Удмуртские звуки	Материалы Г. Ф. Миллера	Материалы П. С. Палласа	Материалы П. Фалька	Первые стихотворения
ö (2)	е, э, ю, у	е, э, ы, о	ое	е, э, ъе
йö (j2)	е	е	–	–
ы (+)	ы, и, ю, е, а, уи	ы, и	ы, и	ы, и
жс (<)	дж	ж	дш	–
ž (>)	дз, з, ч, дж	дз, з, дж	дз	дз, дч, з
ч (С)	ч	ц, ч	дз, ш	ц
č (©)	ч	ч	–	ч
η	н, нг	нг	–	–
ў (°)	–	у, ув	–	уа

Судя по таблице, особенно трудным для обозначения удмуртских фонем был звук *ö*. В материалах Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа он передается четырьмя способами. В списке слов П. Фалька этот звук обозначен одним буквосочетанием, а в первых удмуртских стихотворениях – двумя буквами и одним буквосочетанием.

Не менее трудной для передачи на письме была специфическая удмуртская фонема *ы*, для обозначения которой Г. Ф. Миллером использованы пять букв и одно буквосочетание, П. С. Палласом и П. Фальком, а также в стихах – две различные буквы.

Разные графические знаки наблюдается также в передаче звонкой удмуртской палатальной аффрикаты *ž*. Как видим из таблицы, в материалах Г. Ф. Миллера она обозначается четырьмя способами (двумя разными буквами и двумя буквосочетаниями). В словаре П. С. Палласа и стихотворениях эта фонема обозначена тремя способами.

Некоторые авторы отразили на письме диалектные звуки. Как видно из таблицы, Г. Ф. Миллер (посредством двух букв) и П. С. Паллас (с помощью одной графемы) в своих языковых материалах зафиксировали заднеязычный носовой сонант *ŋ*. В лингвистических данных П. С. Палласа и стихотворениях получил отражение билабиальный сонант *ʃ*, употребляющийся в начале слова перед гласной *a*.

2.2. «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»

Во второй половине XVIII столетия Российское Правительство совместно с Синодом стали уделять внимание вопросам обучения новокрещенных в школах и подготовке квалифицированных миссионеров из их же среды. В связи с этим у миссионеров возникла необходимость в овладении языком народа, среди которого они работали. Неудачный опыт прошлого заставил пересмотреть методы обучения нерусских детей в школах, натолкнул на мысль о необходимости обучения учащихся на родном языке. Эта идея выдвинула перед миссионерами задачу составления учебных пособий, словарей и грамматик. Учитывая правильность использования родного языка в школьном обучении, правительство в 1775 году разрешило напечатать первую удмуртскую грамматику под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Авторы (вопрос об авторстве грамматики см. в разделе 1.2.), понимая, что без словаря «чужие» языки не изучаются, включили в нее около 1400 слов по тематическим группам (в грамматике – главы). Как отмечают некоторые ученые, включение словаря в грамматику было характерным явлением для XVIII века [Богатова 1984: 41].

Ценность грамматики состоит, прежде всего, в том, что это – первый наиболее авторитетный печатный источник, в котором на основе русской графики и орфографии был запечатлен большой удмуртский лексический и, в некоторой степени, грамматический материал. Можно утверждать, что в истории удмуртской письменности графическая система грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков

и форм в более поздних рукописных и печатных памятниках. Решающее значение она имела также в формировании удмуртской орфографии.

Как уже отмечалось выше, грамматика была опубликована в 1775 году в Санкт-Петербурге. Она посвящена в основном морфологии, в ней нет разделов фонетики и орфографии, но, тем не менее, из тех словоформ, которые представлены на страницах памятника, можно установить определенные фонетические закономерности, действовавшие в удмуртском языке, а также способы и принципы написания тех или иных слов или морфем.

Памятник объемом 113 страниц начинается с рассуждения о том, что в удмуртском языке 8 частей речи и далее соответственно даются факты: существительные имеют 2 числа и склоняются по шести падежам. После изложения 12 типов склонения имени существительного приводится большой список слов. Далее идут разделы об именах прилагательных, числительных, местоимениях, глаголах, наречиях, междометиях и предлогах (точнее: послелогах – *Л. И.*). После каждого раздела дается свод лексики – всего около 1400 слов. Подробное структурное описание этого памятника удмуртской письменности было проведено в свое время Т. И. Тепляшиной [1965а: 132–135] и В. И. Алатыревым [1975а: 10–14], поэтому мы на этом в своем исследовании останавливаться не будем.

2.2.1. Графические особенности первой грамматики

Графические особенности первой удмуртской грамматики были объектом исследования многих ученых [Алатырев 1956: 60; 1975а: 8–9; Вахрушев 1975: 7–11; Тараканов 1965: 229–230; 2001: 297; Тепляшина 1965а: 136–138 (см. о них поподробнее в разделе 1.2.)]. Однако во всех этих работах графическая система рассматриваемого памятника анализируется недостаточно, фрагментарно – попутно с освещением особенностей фонетического, морфологического и лексического плана.

В грамматике все слова написаны русскими буквами, и, кроме того, графема **g** заимствована из латинской графики. Покажем для наглядности

алфавит, примененный в рассматриваемом письменном памятнике, который состоит из следующих 40 букв:

Аа	Дж/дж	Зз	Кк	Рр	Чч	Ээ
Б б	Дз/дз	Ии	Лл	Сс	Шш	Ѓ
Вв	Ее	ѐ	Мм	Тт	ь	Юю
г	ê	І і (ї)	Нн	Уу	Ыы	Яя
Gg	iô (іо, ъо)	î	Оо	Ув/ув	ь	
Дд	Жж	й	Пп	Цц	Мм	

Таким образом, для записи удмуртских слов использованы:

1) общеизвестные буквы русского алфавита: Аа, Бб, Вв, г, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы (с диакритическими знаками или без таковых): Gg, ê, І, î, Мм, Ѓ;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, iô (іо, ѐо, іо, іô), Ув/ув.

Рассмотрим подробнее графические и орфографические особенности памятника.

1. Специфическая удмуртская фонема среднего подъема среднего ряда *ö* (2) передается следующими тремя способами:

а) буквами э или е (в большинстве случаев): *Песь* [p2s'] 'жарь', *Тель* [t2l] 'внтерь' [Сочинения 1775: 14] (далее в данном разделе примеры приводятся лишь с указанием страницы источника); *Бердонь* [b2rdon] 'плачь' (15); *Тэрэ* [t2re] 'судья' (17); *Кэй* [k2j] 'сало' (18); *Кэть* [k2t] 'брюхо, животь' (19); *Шедысконь* [š2d+s'kon] 'чувство', *Сэнь* [s2n] 'жила' (20); *Кежи* [k2ž+] 'горохь' (21); *Бедено* [b2d'eno] 'перепелка' (27); *Эсь* [2s] 'дверь' (30); *Пезь* [p2z'] 'рукавицы' (33); *Нель* [n'2l ~ ? n'el] 'копьянка, стртла' (34); *селтаско* [s'2ltas'ko ~ ? s'eltas'ko] 'кутаю' (99); *нэдыско* [n2d+s'ko] 'вязну, грязну' (104); *эвэль* [2v2l ~ ? evel] 'нмть' (109); *эжотэнь* [2ž+ten] 'по части, по немногу'

(111) и т. д. Как можно заметить, после палатальных согласных обычно встречаем *е*, после велярных – *э*;

б) графемой **о**; *Синь-тоди* [s'int2d'+] 'бтлокъ' (18); *Поськи* [p2s'k+ ~ pos'k+] 'болячка' (20); *Доди* [d2d'+] 'сани' (34); *отисько* [2t'is'ko] 'привитствую, зову' (101);

в) буквой **а** (в единичных случаях): *Арекциянь* [2rekCan] 'обман' (15); *Арекциясь* [2rekCas'] 'лжець' (17).

2. Звук *ы* (+) обозначен буквой **ы**: *Пышь* [p+š] 'конопель' (22), *Боры* [bor+] 'клубника' (23), *Сылаль* [s+lal] 'соль' (24), *Тыны* [t+p+] 'дубъ' (25), *Лыстемь пужимь* [l+stem ruž+m] 'листвиница' (26), *Кырныжъ* [k+rn+ž] 'воронь' (27), *Седъбыжъ* [s'2db+ž ~ ? s'edb+ž] 'горностаи' (28), *Мумыкорь* [mum+kor] 'матица' (30), *Нуныкэки* [nun+k2k+] 'колыбель, зыбка' (31), *Котыресь* [kot+res] 'кругъ' (32), *Кышетъ* [k+šet] 'платокъ' (33), *Валь пыдкорть* [valp+dkort] 'подкова' (34), *Шурлэнь пыдэсь* [šurlen p+des] 'дно водное' (35), *Пезьгыть* [pez'g+t] 'скорый, посптшный' (39) и др.

Однако в некоторых случаях, какие перечислены ниже, фонема *ы* может передаваться литерой **и** или **û**:

а) в начале слова: *Имь* [+m] 'ротъ' (18); *Иргонь* [+rgon] 'мтдь красная', *Ибылысконь узвесь* [+b+l+s'kon uzves'] 'свинець' (20); *Игы* [+g+] 'сова' (27); *Ижъ* [+ž] 'овца', *Ижгонь* [+žgon] 'шерсть' (29) и др.;

б) после шипящих **ж** и **ш**, что, скорее всего, объясняется влиянием правил русской орфографии: *Мыжикъ* [m+ž+k] 'кулакъ' (19); *Кежи* [k2ž+] 'горохъ' (22); *Шидъ* [š+d] 'похлебка, щи' (24); *Пужимь* [ruž+m] 'сосна', *Выжи* [v+ž+] 'корень' (25); *Ширь* [š+r] 'мышь' (26) и т. д.;

в) после парных по велярности/мягкости согласных, где **и**, обозначая фонему *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного: *Кезить* [kez'+t] 'морозъ', *Сизиль* [siz'+l] 'осень' (14); *Сези* [s'ez'+] 'овесъ' (22); *Нильпу* [n'+lpu] 'пихта' (25); *Кони* [kon'+] 'бтлка' (29); *Пуни* [pun'+] 'ложка' (32); *Мули* [mul'+]

'ягода' (33); *Каниль* [kan'+l] 'спокойный' (38); *Нилысько* [n'+l+s'ko] 'глотая' (100); *Кызи* [k+z'+] 'как' (108) и др.;

г) после инициального *й* (в источнике **И** или **й**): *Иурь* [j+r] 'голова', *Иурьси* [j+rs'i] 'волось', *Иурь-серь* [j+rs'Zr] 'затылок', *Иурь-вимь* [j+rvm] 'мозг' (18); *Иуды* [j+d+] 'ячень' (22); *йурьисько* [j+rjis'ko] 'гложу' (103) и т. д.

3. Инлаутное звуко сочетание *-ий-* (-ij-) или *-ый-* (-+j-), расположенное перед гласными, в грамматике обозначено посредством латинской **й**: *Кйонь* [kijon] 'волк' (28); *Пйяла* [pijala] 'стекло' (30); *Сйямь* [sijam] 'студеный' (37); *сйисько* [s'ijis'ko] 'тмь', *интйясько* [int+jas'ko ~ intijas'ko] 'значаю' (99); *вйисько* [vijis'ko] 'мертвлю' (106); *зарнйясько* [zarn'ijas'ko] 'золочу' (107); *лйятысько* [lijat+s'ko] 'льщу' (108) и т. п.

4. Мягкость предшествующего согласного перед *о* (орф. **ё**) или звуко сочетание *йо* (jo) передается диграфами **йо**, **йо**, **йо**, **йо**, **йо**: *Йозь* [joz] 'состав' (19), *Цюмолийо* [Cimol'o] 'копна' (21), *Дзйозь* ~ *дзйозь* [xoz] 'сверчок' (26), *Вайобыжь* [vajob+z] 'ласточка' (27), *Дысийо* [dis'o] 'одежный' (37), *Силйо* [sil'o] 'мясистый' (38) и др. В одном случае палатальность согласного *с* обозначена последующим звуко сочетанием **ьо**: *Сьорь* [s'or] 'куница' (29).

5. Начальный звук *й* (j-) в грамматике передается разными способами:

а) латинской буквой **й** (в источнике – **И**) *Иурь* [j+r] 'голова'; *Иурьси* [j+rs'i] 'волось', *Иурь-серь* [j+rs'Zr] 'затылок', *Иурь-вимь* [j+rvm] 'мозг' (18); *Иуды* [j+d+] 'овесь' (22) и т. д.;

б) древнерусской буквой **м**, а также сочетанием **йё**, когда обозначает необычное для русского языка анлаутное звуко сочетание *йё*: *Мль* [j2l] 'молоко' (24); *Йё* [j2 ~ ?je] 'градь или мерзлой дождь' (14).

6. Фонема *г* в передается латинской буквой **г**: *Гырпумь* [g+rpm] 'локоть' (19), *Гижло* [gižlo] 'болячка' (20), *Гурезь* [gurez'] 'холм' (21), гора', *Геру* [ger+] 'плуг' (22); *Эгырь* [eg+r] 'уголь' (31); *Чогь* [Cog] 'гвоздь' (34); *дзигыртысько* [>+g+rt+s'ko] 'обнимаю' (99) и др. Однако в единичных случаях

она обозначена русской г: *зюцьгуби* [ʎiCgubi] 'гриб' (21), *Легець пулень муліезь* [l'egeCpulen mul'ijez] 'шиповник' (23).

7. Звонкая велярная аффриката *ж* (ʎ) обозначена буквосочетанием *дж*: *Джитъ* [ʎ+t] 'вечер' (13); *Джомытъ* [ʎот+t] 'сумерки' (14); *Джукъ* [ʎuk] 'каша' (24); *джегатысько* [ʎegat+s'ko] 'мшшкаю, медлю' (99); *джоктысько* [ʎokt+s'ko] 'сматываю (опорожняю)' (101) и т. д.

8. Удмуртская палатальная аффриката *з* (ʒ) передается сочетанием *дз* (в позиции перед *и, е, ю, я, е* – в большинстве случаев) и графемой *з*: *Дзяръ* [ʒar] 'зоря' (14); *Дзіозъ* [ʒoz] 'сверчокъ' (26); *Дязекъ* [ʒaz'eg] 'гусь' (27), *Дязегъ тылы* [ʒaz'eg t+l+] 'перо гусиное' (17); *Дзици* [ʒiC+] 'лисица' (28); *Дзюсь* [ʒus] 'лавка' (30); *Пенземъ эгыръ* [pen'ʒet eg+r] 'пепель' (31); *дзециратысько* [ʒeC+rat+s'ko] 'качаю' (100); *Кырзян* [k+rʒan] 'птсняя' (18); *Кенъзяль* [kenʒal'i] 'ящерица' (26); *небзисько* [n'eʒis'ko] 'мякну' (104) и др.

9. Глухая палатальная аффриката *ч* (C) обозначена двумя способами:

а) буквой *ц* (в позиции перед *и* и йотированными гласными): *Цилекъянь* [Cil'ekjan] 'молнія' (13); *Цеберъ* [Ceber] 'красота' (15); *Цирдысь* [Cird+s'] 'чтець' (17); *Цирты* [C+rt+] 'шея' (19); *Цинэй* [Cipej] 'щука' (35); *цютысько* [Cut+s'ko] 'хромаю' (97); *цюпасько* [Cupas'ko] 'целую' (101); *церьсысько* [Cers+s'ko] 'пряду' (103); *ици* [iCi] 'мало, немного' (108); *цаль* [Cal'] 'скоро' (111) и т. д. Перед нейотированными буквами эта фонема передается буквой *ч*: *Чагъвозэнь* [Cagvoz'on] 'свттець' (31); *Чангъ* [Caŋ] 'чанъ' (32).

10. Глухая велярная аффриката *ч* (©) в первой грамматике удмуртского языка систематически передается буквой *ч*: *Чукъ* [©uk] 'утро' (14); *Чогокый* [©ogok+j] 'ужъ', *Пычь* [p+©] 'блоха' (26); *Кочо* [ko©o] 'сорока', *Чана* [©ana] 'галка', *Учу* [u©u] 'соловей' (27); *Чоктагъ* [©oktan] 'затычка, втулка' (32); *Таче* [ta©e] 'такой' (37); *пучказъ* [pu©kaz] 'внутри' (110) и т. п.

11. Для обозначения билабиального согласного *d* (ʔ), встречающегося в анлауте перед гласным звуком *a*, используется графема *y*, а также буквосочетание *ув*: *Уарь* [ʔar] 'слуга' (15); *Уалесь* [ʔal'es] 'перина, постель' (33); *уатысько* [ʔat+s'ko] 'храню, погребаю, хороню' (105); *уарасько* [ʔaras'ko] 'служу, прислуживаю', *уаськысько* [ʔas'k+s'ko] 'слышаю' (106); *увалиськысько* [ʔal'is'kis'ko] 'стелю' (103); *уватысько* [ʔat+s'ko] 'храню' (104) и др.

12. В нескольких словах в грамматике встречается заднеязычный носовой сонант *ŋ*, который обозначается буквой *н* или сочетанием *нг*: *Ужъпунъ* [uʒpɯŋ] 'дупло' (14); *Банъ* [baŋ] 'щека, лицо' (18); *Кунгро* [kuŋgro] 'крюкъ' (31); *Чангъ* [Caŋ] 'чанъ', *Лянгесь* [l'aŋes] 'ведерко' (32); *донгысько* [dong+s'ko] 'низвергаю, толкаю' (98) и др.

13. В памятнике не везде последовательно обозначаются твердые и мягкие согласные, что, несомненно, препятствует правильному прочтению некоторых слов, напр.: *Сизиль* [siz'+l ~ s'iz'+l] 'осень' (14); *Канделемъ* [kand'el'em ~ kandel'em] 'свидетель' (16); *Терки* [terk+ ~ t'erk+] 'блюдо' (31).

Эта непоследовательность особенно наблюдается в обозначении палатальности/велярности парных согласных перед звуком *э* (в памятнике *э* или *е*): *Дери* [deri] 'грязь', *Толальте* [tolalte] 'зима', *Тодемъ* [todem] 'власть' (14); *Дей* [dej] 'порча' (15); *Сузеръ* [suzer] 'меньшая сестра', *Эксей* [eksej] 'государь' (16); *Сюлемъ* [s'ulem] 'сердце' (19); *Кутесь* [kutes] 'цепь и молотило' (22); *Сутерь* [suter] 'смородина' (23); *Гузель пу* [guzetpu] 'жимолость' (25) и др.

Однако, некая система в обозначении палатальности согласных во многих словах *д, з, ж, л, н, с, т, ч* (*d, z, ʒ, l, n, s, t, C*) все же выдерживается:

1) в абсолютном конце, а иногда и в середине слова – последующим *ь* (ерь), например: *Пеньмыть* [pen'm+t] 'темнота' (14); *Визь* [viz'] 'постъ', *Крезь* [krez'] 'музыка', *Пересь* [peres'] 'старый', *Ожмаськонъ* [oʒmas'kon] 'баталия, война' (15); *Дурысь* [dur+s'] 'кузнецъ' (17); *Дыльды* [d+l'd+] 'слюни', *Пиньдоръ силь* [pin'dorsil'] 'десны' (18);

2) перед гласными:

а) а – через букву **я**: *Арня* [arn'a] 'недтля', *Адями* [ad'ami] 'человткъ' (15); *Пекля* [rekl'a] 'почка' (20); *Сяска* [s'as'ka] 'цвттокъ' (21); *Нянь* [n'an'] 'хлтбъ' (23); *Бадяръ* [bad'ar] 'кленъ';

б) э и ё – через **е** и **ье**: *Пилемъ* [pil'em] 'облакъ' (13); *Куанеръ* [k^oan'er] 'нищій' (15); *Сези* [s'ez'+] 'овесь' (22); *Лемъ* [l'2m ~ ? l'em] 'черемуховыя ягоды' (23); *Седъсуръ* [s'2dsur ~ ? s'edsur] 'сивуха, вино' (24); *Неръ* [n'2r ~ ? n'er] 'пруть или лоза' (26); *Узенги* [uzen'gi] 'стремя' (34);

в) о – через буквосочетания **іѵ**, **іѵо** и **ѵо**: *Висіѵнъ* [vis'on] 'болтзнь' (20); *Ліѵгъ* [l'og] 'болона' (25); *Сьѵръ* [s'or] 'куница' (29); *Кузіѵо* [kuz'o] 'хозяинъ' (29); *Ціѵригасъ* [Cor+gas'] 'рыболовъ' (35); *Дысіѵо* [d+s'o] 'одежный' (37); *Силіѵо* [sil'o] 'мясистый' (38); *ліѵогасъко* [l'ogas'ko] 'топчу' (104);

г) у – через **ю**: *Сюанъ* [s'uan] 'свадьба' (15); *Сюлемъ* [s'ulem] 'сердце' (19); *Сюресъ* [s'ures] 'путь, дорога', *Сюй* [s'uj] 'глина', *Люкъ* [l'uk] 'куча' (21); *Кулю* [kul'u] 'шишка', *Нюло* [n'ulo] 'илемъ' (25); *Вождзюзю* [vož'uz'u] 'чижъ' (27); *цютысько* [Cut+s'ko] 'храмаю' (97);

д) ы – через **и**: *Кезитъ* [kez'+t] 'морозъ', *Сизиль* [siz'+l] 'осень' (14); *Кузимъ* [kuz'+m] 'подарокъ' (15); *Мули* [mul'+] 'ягода' (23); *Мылимъ* [m+l'+m] 'блинь' (24); *Нильпу* [n'+lpu] 'пихта' (25).

Таким образом, мы видим, что большинство букв используется для передачи одного определенного звука, но есть и такие знаки (**а, е, з, і, о, ц**), которые употреблены для обозначения нескольких различных фонем или их сочетаний.

2.2.2. Элементы орфографии в первой грамматике

В первой грамматике удмуртского языка определенная система написания слов и морфем уже имеется, а значит, есть несформулированные правила (элементы) орфографии. Эта «орфография», полученная от русской письменности XVIII века, в дальнейшем совершенствуясь в соответствии с изменением и развитием орфографии русского и удмуртского языков, дошла до наших дней.

В книге «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ востскаго языка» уже наличны следующие элементы орфографии, которые в дальнейшем повторяются в последующих памятниках удмуртской письменности, созданных в последней четверти XVIII – в первой половине XIX века:

1. В конце слова, а иногда и в середине – перед вторым компонентом сложного слова – пишется **ѣ** (по правилам русского правописания того времени): *Пиштонѣ* [pišton] 'лучь', *Тазабусѣ* [taza bus] 'доброй духъ' (13); *Салкымѣ* [salk+m] 'морозъ', *Уйналь* [ujral] 'ствер', *Эрикѣ* [erik] 'воля' (14); *Сюанѣ* [s'uan] 'свадьба', *Вузъкаронѣ* [vuzkaron] 'продажа, торгъ' (15); *Кунѣ* [kup] 'царь', *Курокѣ* [kurok] 'воръ' (16); *Синѣнуны* [s'innun+] 'озорочко', *Зырымѣ* [z+r+m] 'сопли' (18); *Гырѣпумѣ* [g+rput] 'локоть', *Урдѣ* [urd] 'ребро' (19); *Урѣ кыремѣ* [urk+rem] 'ровъ', *Кортѣ* [kort] 'желтзо' (21); *Гортѣ* [gord] 'красный' (37) и т. д.;

2. Несвойственные русскому языку сочетания *жы* и *шы* в грамматике пишутся через **и** (**жи**, **ши**): *Мыжикѣ* [m+ž+k] 'кулакъ' (19); *Кежи* [kž+] 'горохъ' (22); *Шидѣ* [š+d] 'похлебка, щи' (24); *Пужимѣ* [puž+m] 'сосна', *Выжи* [v+ž+] 'корень' (25); *Ширѣ* [š+r] 'мышь' (26) и др.;

3. Гласные **е**, **ѳ** (**ѳо**), **ю**, **я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки э, о, у, а: *Пилемѣ* [pil'em] 'облакъ' (13); *Нерге* [n'erge] 'порядокъ' (15); *Сюлэмѣ* [s'ulem] 'сердце' (19); *Висѳонѣ* [vis'on] 'болтзнь' (20); *Сяска* [s'as'ka] 'цвѣтокъ' (21); *Сьорѣ* [s'or] 'куница' (29); *Нянь* [n'an'] 'хлѣбъ' (23) и пр.;

б) в других случаях – сочетание звуков *йэ*, *йо*, *йу*, *йа*: *Югытѣ* [jug+t] 'свѣтъ' (13); *Ятырѣ* [jat+r] 'довольство, множество' (15); *Егитѣ* [jedit] 'молодой' (17); *Іозѣ* [joz] 'составъ', *Юкетѣ* [juket] 'часть' (19); *Кыедѣ* [k+jed] 'навозъ', *Ю* [ju] 'жито', *Етинѣ* [jetin] 'лень' (22); *Кіярѣ* [kijar] 'огурецъ' (23) и др.;

4. Морфемы падежей имеют единообразное написание:

а) показатель родительного падежа – **-лэнь**: *пїэдълэнь* [pıjedlen] 'твоего сына' (6); *пıмылэнь* [pım+lən] 'нашего сына' (7); *пıдылэнь* [pıd+lən] 'вашего сына' (8); *тэльэдълэнь* [tel'edlen] 'твоего лмса' (10); *тэльзылэнь* [tel'z+lən] 'ихъ лмса' (12);

б) показатель дательного падежа – **-лы**: *пıдылы* [pıd+l+] 'вашему сыну' (8); *пїбсьсылы* [pıjoss+l+] 'ихъ сынамы' (9); *тельэзылы* [tel'ezl+] 'его лмсу' (10);

в) показатель творительного падежа – **-ын-** (**-эн-**): *пїбсынызы* [pıjos+n+z+~pıos+n+z+] 'ихъ сынамы' (9); *тэльэныдъ* [tel'en+d] 'твоимъ лмсомъ' (10); *тельэнымы* [tel'en+m+] 'нашимъ лмсомъ' (11) и др.

5. Частицы (*эй, эм, эзь, ум, уд, уз, уг*), как правило, пишутся слитно с теми словами, к которым они относятся: *Монъ угвераськы* [ton ug ve.ras'k+] 'я не сказываю', *тонъ удвераськы* [ton ud ve.ras'k+] 'ты не сказываешь', *Монъ эйвера* [ton 2j ve.ra] 'я не сказывал', *соїдсь эзьвералэ* [sojos 2z ve.rale] 'они не сказывали' (50); *Ми эмвераллялэ* [mi 2m ve.ral'l'ale] 'мы не сказывали', *тонъ эдвералля* [ton 2d ve.ral'l'a] 'ты не сказывалъ', *ми умвералэ* [mi um ve.rale] 'мы не скажемъ', *ти удвералэ* [ti ud ve.rale] 'вы не скажете' (51) и т. д.

Все вышеприведенные примеры еще раз доказывают, что некая определенная система написания слов в первой грамматике удмуртского языка уже имеется, несмотря на отсутствие сформулированных правил. Следует указать на то, что практически во всех изданиях, вышедших в первой половине XIX века (переводы Евангелий, Азбуки), система графики и орфографии первой печатной грамматики 1775 года выдерживается довольно последовательно.

2.3. Удмуртско-русский словарь Захарии Кротова

Удмуртско-русский словарь под названием «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ» был подготовлен в рукописном варианте в 1785 году, спустя 10 лет после

опубликования первой грамматики удмуртского языка. Рукопись хранится в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ранее – Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) – Эрмитажное собрание, 197 II, шкаф I, полка 2, № 128 [Тепляшина 1965а: 301]; другие данные дает Б. И. Каракулов [2006: 122] – РО ГПБ, ф. Эрмитаж. собр. 197², инв. 290. Сделав копии с этого лексикографического труда, Т. И. Тепляшина предоставила их Удмуртскому ИИЯЛ УрО РАН. Пролежав более двухсот лет в рукописи, благодаря Т. И. Тепляшиной, словарь был издан отдельной книгой только в 1995 году.

Данный лексикографический труд по своему объему является самым большим из сохранившихся памятников XVIII столетия: он содержит более 5000 слов и словосочетаний. На 286 страницах книги слова расположены в два столбца по алфавиту. В издании 1995 года непосредственно перед самим словарем включена статья Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова», ранее опубликованная в журнале «Советское финно-угроведение» [Тепляшина 1971: 129–139]. В ней проведен анализ основ графики (всего на одной странице), а также некоторых фонетических и лексических особенностей памятника (подробнее см. раздел 1.2.).

В своем кратком вступлении З. Кротов предлагает руководствоваться книгой «Сочиненія принадлежащія к грамматикѣ вотскаго языка», изданной в 1775 году: «Издавая въ свѣтъ Краткой вотскаго языка словарь, для лучшаго уразумленія оного надлежалобы предложить некоторыя Грамматическія правила: но какъ оныя уже прежде были и нынѣ существуютъ подь названіемъ: Сочиненія принадлежащія къ Грамматикѣ вотскаго языка во всемъ съ разговоромъ вотскимъ сходственны» [Кротовъ 1785: 1а] (орфография и пунктуация оригинала сохранены – Л. И.).

2.3.1. О графике словаря

В рукописном словаре З. Кротова удмуртские слова написаны кириллическими буквами, кроме того, буквы **g** и **j** заимствованы из латинской графики. Также в некоторых словах отмечена греческая буква **ε** (эпсилон),

употребляющаяся для обозначения гласного э (e), например: *бӱрень сiотень* [beren s'oton] 'воздаяние' (11), *пӱзгыть* [pez'g+t] 'хитрый, хитро, храбрый, храбро, острый'.

Представим для наглядности алфавит, использованный в словаре, содержащий следующие 40 букв:

Аа	Дж/дж	Жж	Јј	Пп	Цц	Мм
Бб	Дз/дз	Зз	Кк	Рр	Чч	Ээ
Вв	Ее	Ии	Лл	Сс	Шш	Юю
г	ê	û	Мм	Тт	ь	Яя
Gg	ε	і	Нн	Уу	Ыы	
Дд	іô (іо)	й	Оо	Ув/ув	ь	

Как и в предшествующем памятнике, буквы этого алфавита подразделяются на три группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, г, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы и латиницы (с диакритическими знаками или без таковых) или греческого алфавита: Gg, ê, İi, Mm, э, ε;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, іô (іо), Уа, Ув/ув.

Таким образом, автор использует 40 знаков. Необходимо отметить, что буквы или буквосочетания г, іô (орф. совр. ё), і, й, ь, ь представлены в словаре лишь в прописном варианте.

Рассмотрим подробнее графические особенности словаря.

Большинство букв, встречающихся в рукописи (а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ш, ь, ь, ю, я), имеют прямые соответствия в современном удмуртском языке, поэтому им мы не уделяем особого внимания. Рассмотрим только те специфические удмуртские звуки, обозначение которых кириллицей представляло определенные трудности.

1. Фонема *ö* (*ʒ*) в большинстве случаев передается буквами *э* или *е* (в тех словах, где в современном литературном удмуртском языке встречается *ö*), напр.: *кекы* [*kʒk+*] 'колыбель' [Кротовъ 1995: 83] (далее в пределах данного раздела (2.3.1) примеры приводятся лишь с указанием страницы словаря); *кены* [*kʒn'a ~ ? ken'a*] 'сколько' (85); *лэмь* [*l'ʒm ~ ? l'em*] 'черемуха' (127); *пели* [*pʒl+*] 'большой палец' (183); *седь* [*s'ʒd ~ ? s'ed*] 'черный' (192); *серонь* [*sʒron*] 'нарушение' (196); *семесь* [*s'ʒmes' ~ ? s'emes'*] 'чешуйчатый' (208); *тэль* [*tʒl*] 'вптерь' (228); *чежъ* [*ʒʒ*] 'утка' (255); *шемь* [*ʃʒm*] 'вкусъ' (261); *эсконь* [*ʒskon*] 'рвота, рыгание' (276) и др.

Кроме того, в некотором количестве слов звук *ö* могут обозначать следующие нижеперечисленные графемы:

а) **ы:** *вылдетъ* [*vʒldet*] 'потолокъ' (37); *пу вый* [*puvʒj*] 'масло деревянное' (176); *пыртмаскись* [*pʒrtmas'kis'*] 'идоль' (187); *пыстыско* [*pʒs't+s'ko*] 'свариваю, варю' (188); *эвыль* [*ʒvʒl*] 'не имтю, нптъ, не' (273);

б) **о:** *восясь* [*vʒs'as' ~ ? vos'as'*] 'жрецъ, попь' (32); *поянь* [*pʒjan*] 'ложь, также спайка' (175); *шотемезъ* [*ʃʒtemez*] 'нечистота' (266);

в) **я:** (в одном слове): *сялыкъ* [*s'ʒl+k*] 'гртхъ, погртшность, погртшение' (213).

В некоторых случаях слова написаны параллельно с **ы** и **э** или **е**: *вытаско* [*vʒtas'ko ~ v(tas'ko)*] 'вижу что во снт, снится мнт' (38) ~ *ветасконь* [*vʒtas'kon ~ vetas'kon*] 'сонное видтние' (23); *мый* [*m(j ~ mʒj)*] 'въ лптахъ' (140) ~ *мэй* [*mʒj ~ mej*] 'не молодъ' (143) и т. д.

2. Звук *ы* (+) в большинстве случаев обозначен графемой **ы:** *быгатыско* [*b+gat+s'ko*] 'смысль имтю' (16), *быдмемь* [*b+dmem*] 'скончавшийся' (17), *валектысь* [*valekt+s'*] 'толкователь' (20), *ворцкытыско* [*vorck+t+s'ko*] 'рождаю' (31), *вынь мортъ* [*v+nmort*] 'братъ младшій по матери' (38), *гыркесь* [*g+rkes'*] 'дуплистый' (44), *джокытъ* [*ok+t*] 'душно' (48), *дугдыско* [*dugd+s'ko*]

'перестаю' (55), *дурь* [dur+] 'шабала, большая лошка' (56), *косымътэмь* [kos+mtem] 'непозволенный' (93), *кылонь* [k+lɔn] 'ощущение, слухъ' (111), *лымытекъ кынтонь* [l+m+tek k+nton] 'гололедица' (125), *мыль потонь* [m+lɔton] 'желание, хотение, изволение' (141), *омырьяско* [om+rjas'ko] 'вычерпываю' (157), *полысь* [pol+s] 'весло' (173), *сылыско* [s+l+s'ko] 'стаю, стою, состою, отстою' (207), *тылно* [t+lɔn] 'парусы, парусъ' (225) и др.

Кроме того, для передачи этой фонемы нередко используется буква **и** или **î** (в сочетаниях **ĵî** и **îû**) в следующих позициях:

а) в начале слова, напр.: *ижь* [+ž] 'овца' (66); *имдорь* [+mdor] 'губа', *ильнянь* [+l'n'an'] 'тесто' (68); *истонь* [+ston] 'послание' (69); *иштыско* [+št+s'ko] 'теряю, трачу' (70);

б) после согласных *ж* и *ш*: *выжи* [v+ž+] 'порода, корень' (35); *джужить* [dʒž+t] 'высокий' (48); *джины аресь* [č+n+ares] 'полугодовой' (49); *мыжикъ* [m+ž+k] 'кулакъ' (140); *шидъ* [š+d] 'похлебка, супъ' (263); *шуши* [šuš+] 'филь птица' (271) и др. Подобное написание может быть объяснено, скорее всего, влиянием правил русской орфографии;

в) после парных по велярности/мягкости согласных (где **и**, обозначая звуки *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного): *азинь* [az'+n] 'предъ' (3); *возить* [voz'+t] 'срамный, срамъ, стыдно, стыдливый, стыдливо' (28); *каниль* [kan'+l] 'смирный, тихий, смирно, тихо' (75); *кезить* [kez'+t] 'морозъ, стужа' (82); *кони* [kon'+t] 'белка' (91); *кузиль* [kuz'+m] 'даръ, подарокъ' (98); *лециль* [leC'+t] 'острый' (120); *нилонь* [n'+lɔn] 'глотка' (146); *ози* [oz'+t] 'такъ' (155); *пими* [p+t'+t] 'слитъ' (170); *пуни* [pin'+t] 'ложка' (182); *пызиртемь* [p+z'+rtem] 'сжатый' (186) и т. д.;

г) после инициального *й* (в рукописи **ĵ** или **î**): *голикъ ийръ* [gol'+k ĵ+r] 'безволосый' (40); *гурезь ийль* [gurez'+j+l] 'верхъ горы, холмъ' (43); *ĵиды* [ĵ+d+] 'ячень, ячменный' (70); *ĵилонь* [ĵ+lɔn] 'умножение' (71) и др.;

3. Инлаутное сочетание *-ий-* (*-ij-*) (в позиции перед гласными) в словаре обозначено двумя способами:

а) графемой **і**: *віємь* [vijem] 'убієніє, убійство' (26); *діакь* [d'ijak ~ d'jak] 'писець' (53); *зарнієнь поямь* [zarn'ijen pZjam] 'подзолоченный' (62); *синькылієсь* [s'ink+l'ijes'] 'слезно, слезный' (199); и т. д. Утверждение Т. И. Тепляшиной [1970: 130] о том, что в данном случае знак **і** употреблен для подчеркивания твердости предшествующего согласного, ошибочно, так как, например, в слове *нилету* [n'il'eti ~ n'+l'eti] 'четвертый' (145) Кротов использует русскую букву **и**, хотя, возможно, согласный **т** здесь является твердым. В примере же *витетієзь* [vit'etijez] 'пятый' (26) использована буква **і**. Почему автор не передал фонему *и* в первом слове графемой **і**? А именно потому, что в данном случае последняя использована для обозначения инлаутного *-ий-* (*-ij-*) перед гласной *э* (*e*) (см. также: [Кельмаков 1999: 34]);

б) буквой **и** (в единичных случаях) *коикь* [koj+k] 'лось' (91); *мыикь* [m+j+k] 'усь' (140);

4. Для обозначения сочетания мягкой согласной фонемы или *й* с *о* (совр. орф. **ё**) в рукописи используется диграф **іѳ** или **іо**: *бадіѳ* [bad'o] 'ивовый' (8); *берень сіѳтыско* [beren s'ot+s'ko] 'воздаю' (11); *ваіѳ* [vajo] 'виловатый', *ваіѳнь* [vajon] 'ведение, приношение, приведение' (19); *кузіѳлень* [kuz'olen] 'господский, хозяйский' (99); *ліѳгыско* [l'og+s'ko] 'ступаю' (121); *сіѳтыско* [s'ot+s'ko] 'подаю, поддаю, отдаю, выдаю, предаю' (202) и др.;

5. Фонема *г* почти во всех удмуртских словах обозначена латинской буквой **g**: *гордь* [gord] 'красный, рыжий'; *гондырь* [gond+r] 'медведь'; *гонь* [gon] 'шерсть' (41); *огърець* [ogreC] 'огурец' (153); *пазгыско* [paz'g+s'ko] 'напрыскиваю' (160); *негась* [pegas'] 'бтгающий, бтглець' (163); *ныгли* [p+gl'i] 'ягнецъ, ягненокъ' (184); *цягырь* [Cag+r] 'лазоревый' (253); *согы* [sog+] 'щотка' (203); *турагай* ~ *торогой* [turagaj ~ torogoj] 'жаворонокъ' (223) и др. Русская буква **г** в удмуртских словах встречается в единичных случаях: *жингресь* [žingres ~ žingres] 'звонкій' (61).

6. Необычное для русского языка инициальное звуко сочетание *йѡ-* (*j2-*) в словаре передается древнерусской буквой **м**, а также сочетанием **јѣ**, напр.: *млень сюдыско* [*j2len s'ud+s'ko*] 'молокомъ кормлю', *мль* [*j2l*] 'молоко', *млесь* [*j2les'*] 'молочный' (272); **јѣ** [*j2*] 'градъ или мерзлой дождь, снѣгъ, ледь'; **јѣны** [*j2n+*] 'осоть колючая трава, на пашнѣ растущая'; **јѣкынтонь толызь** [*j2k+nton tol+z'*] 'ноябрь мѣсяць' (70) и др.

7. Для передачи велярной звонкой аффрикаты **жѣ** (<) применяется сочетание букв **дж**: **джижъ** [<+ž'] 'ломкій'; **джогъ** [<og] 'вдругъ, скоро, весьма, скорый, скорость, поспешный' (47); **джожаско** [<ožas'ko] 'жалуюся'; **джины** [<+n+] 'половина', **джокыть** [<ok+t] 'душно', **джужитъ** [<už+t] 'высокій' (48); **джюй** [<uj] 'мохъ', **джюштонъ** [<ušton] 'стонаніе' (49) и т. д.

8. Палатальная аффриката **ѣ** (>) обозначена буквосочетанием **дз** (в позиции перед **и** и йотированными гласными **е, ю, я, ё**), например: **дзегъ** [>eg] 'рожъ', **дзецъ** [>eC] 'благополучіе, благополучный' (49); **дзици** [>iC+] 'лисица', **дзирьіѡ-эсь** [>ir+jо 2s] 'двери створчатые', **дзязекъ** [>az'eg] 'гусь', **дзарь номѣ** [>arpote] 'заря утренняя (точнее: светает – Л. И.)', **дзіѡзы** [>oz+] 'кобылка травяная', **дзіѡргыли** [>org+l'i] 'воробей' (52); **дзюць** [>uC] 'русскій', **дзюски** [>uski] 'гребень у птицъ, подбородокъ' (53) и т. д. В остальных случаях буквосочетание **дз** означает звуко сочетание **дз**: **кудзыны** [*kudz+n+*] 'напиваться' (97); **лыдзонъ** [*l+dzon*] 'читаніе, счисленіе, отчотъ' (125).

9. Для передачи глухой палатальной аффрикаты **ч** (C) З. Кротов использует:

а) графему **ц** (в большинстве случаев – перед мягким знаком, **и** и йотированными гласными), например: **ацимъ асме шонертско** [*aCim asme šon'ertsko*] 'извиняюся' (8); **кець** [*keC*] 'коза' (87); **куцяни** [*kuCari*] 'щенокъ' (106); **кыци** [*k+CC+*] 'куда' (116); **лецитъ** [*leC+t*] 'острый' (120); **ципей** [*Cipej*]

'щука' (215); *цескытъ* [Cesk+т] 'вкусный, сладкий, сладостный' (249); *цидаско* [Cidas'ko] 'терплю' (250); *цюрытъ* [Cur+т] 'скупый, твердый' (253);

б) букву **ч** (перед нейотирированными гласными буквами): *чакласко* [Caklas'ko] 'думаю' (254); *чортонъ* [Corton] 'понуждение'; *чорыгъ* [Cor+г] 'рыба' (257); *чуглесъ* [Cugles] 'чулки' (258); *чурытъ* [Cur+т] 'жесткий, твердый, твердь' (259); *чутысь* [Cut+s'] 'хромый' (260) и др.

10. Для обозначения глухой велярной аффрикаты *č* (©) систематически используется буква **ч**, например: *кочо* [ko©o] 'сорока' (95); *пучь* [pu©] 'жердь' (184); *пычь* [p+©] 'блоха' (189); *учу* [u©u] 'соловей' (241); *чана* [©ana] 'галка' (254); *чыжи выжи* [©+ž+-v+ž+] 'родство, фамилия, племя, поколѣніе' *чинь* [©+n] 'дымъ' (256); *чукна* [©ukna] 'утренний, ранний, рано' (259); *чушъяль* [©ušjal] 'jôжъ звѣрь' (260) и т. д.

11. Билабиальный согласный *d* (°), встречающийся в анлауте перед гласной *a*, в словаре обозначен сочетанием букв **ув** (в большинстве случаев) и **у** (в единичных примерах): *уаръ* [°ar] 'слуга' (229); *увалесъ* [°al'es] 'постеля', *уваліѳ* [°al'l'o] 'прежде сего, встарину', *уваменаць* [°atenak] 'на крестъ, поперекъ, напротивъ, вопреки' (232); *увамень* [°aten] 'поперечный, чрезъ', *уваменэсь* [°atenes] 'упорный, упорно, упрямо, упрямый' (233); *увармай* [°armaj] 'тестъ', *уварыпъ* [°ar+р] 'черень у ножа', *уватонъ* [°aton] 'похороны, погребеніе, укрываніе, утаеніе' (234) и др.

12. В лексикографическом труде Захарии Кротова в некоторых словах встречается заднеязычный сонант *ŋ*, который передается в графике буквой **н** и сочетанием **нг**: *банъ* ~ *бамъ* [baŋ ~ bat] 'острие' (9); *зымъ* ~ *зынь* [z+ŋ ~ z+m ~ z+n] 'смрадь, запахъ, воня' (65); *лянгесъ* [l'aŋes] 'ведро' (130).

13. В словаре не выдержан принцип передачи мягких и твердых согласных, что затрудняет чтение слов и для осмысления некоторых значений приходится прибегать к русскому переводу, например: *азвыль вераско* [az'v+l veras'ko] 'прорицаю' (2); *арте* [arte] 'вообще, общій, смѣжный' (5); *вылызь* [v+l+s']

'вновь' (36); *изытыско* [iz'+t+s'ko] 'усыпляю' (67) (данное слово можно прочесть как *изытыско* [iz'+t+s'ko] 'заставляю молоть'); *лэкь* [l'ek] 'свиртпый, свиртпо' (127); *нуламь* [n'ulam] 'грязь на тмлм' (148); *нэдыско* [n2d+s'ko] 'вязну' (151); *пунемь* [punem] 'завитый' (182); *тель* [tel'] 'лиственный лтсць' (216); *шеттыско* [šet't+s'ko] 'нахожу, ловлю, за охотой хожу и тжжу, получаю, сыскиваю, промышляю, уловляю, приобретаю, изобретаю' (262) и т. д.

Таким образом, большинство букв З. Кротов использует для передачи только одного определенного звука (**а, б, в, г, к**, и т. д.), но есть и такие (напр.: **е, і, ч**), которые употребляются для обозначения нескольких разных фонем.

2.3.2. Элементы орфографии в словаре З. Кротова

1. В конце слова, а также в середине – перед морфемами и вторым компонентом сложного слова – пишется **ь**, по правилам русского правописания того времени, который обозначает твердость конечного согласного: *быдесь кыль гоштыско* [b+des k+l gošt+s'ko] 'изъясняю' (17), *гоштонь* [gošton] 'начерчивание, приписывание, записка' (42), *лыдзонь* [l+dzon] 'читание, счисление, отчеть' (125), *усто дышемь* [usto d+šem] 'въ наукахъ искусный' (245), *цярлыкь* [Carl+k] 'орудие, инструментъ' (254), *шонерь* [šon'er] 'правда также исправный, истинный, правый, справедливый, справедливо, прямо, прямой' (264); *зекьгемь будско* [z2kget budsko] 'превышаю' (63), *кыкьназы* [k+knaz+ ~ k+kna-z+ ~ k+knaz+] '[они] оба' (109), *нырьпысы* [n+rp+s+] 'ноздри' (149), *огькадь* [o-gkad' ~ ogka-d'] 'равность, равный' (152) и др.

2. Несвойственные для русского языка сочетания *жы, шы* пишутся через букву **и** (**жи, ши**): *выжи* [v+ž+] 'порода, корень' (35); *джужитьь* [už+t] 'высокий' (48); *джины аресь* [č+n+ares] 'полугодовой' (49); *мыжикь* [m+ž+k] 'кулакь' (140); *шидь* [š+d] 'похлебка, супь' (263); *шуши* [šuš+] 'филь птица' (271) и др. Подобное написание может быть объяснено правилами русской орфографии.

3. Гласные **е, іѳ (іѳ), ю, я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки *э, о, у, а*: *восясь* [vos'as'] 'жрецъ, попъ' (32), *изіѳнь кыль* [iz'on k+l'] 'сонная болтзнь' (67), *люмды* [l'umd+] 'строчка, строка' (129), *нюлескъ* [n'ulessk] 'дубрава' (150), *цѳомоліѳ* [Cimol'o] 'копна' (252), *шонерь тэрэ каронь* [šon'er tere karon] 'правосудіе' (265) и пр.;

б) в других случаях – сочетание звуков *йэ, йо, йу, йа*: *вайѳнь* [vajon] 'ведение, приношение, приведение' (19), *етинь* [jetin] 'лень' (59), *юбыртыско* [jub+rt+s'ko] 'доношу, бью челомъ на кого, приклоняюся' (277), *юдесь* [judes] 'кусокъ' (278), *ярантемъ* [jarantem] 'недостойный, немилый, непригожій, неприятный, непотребный' (284) и др.

4. После аффрикат (иногда даже после велярных) в большинстве случаев пишутся йотированные гласные буквы: *джюй* [ɟj] 'мохъ', *джюштонь* [ɟʃton] 'стенание' (49), *дзіѳзъ* [ɟz] 'сверчокъ', *дязекъ* [ɟz'eg] 'гусь', *дзюкыртонь* [ɟik+rtɔn] 'скрыпь' (52), *цѳѳно* [Cɔpɔ] 'шапка', *цѳорыкъ* [Cɔr+k] 'строчка' (251), *цѳягъпумъ* [Cɔgrɔm] 'спичка' (253), *чѳючконь* [CɔiCkɔn] 'утиральникъ', *чѳякласконь* [Cɔklas'kɔn] 'умысль' (260).

2.4. Грамматика М. Могилина

Следующим памятником удмуртской письменности, отражающим один из говоров северного наречия, является рукописная работа Михаила Могилина «Краткой отяцкія Грамматики Опытъ», написанная в 1786 году, год спустя после удмуртско-русского словаря Захарии Кротова. Рукопись хранится в рукописном отделе Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге /32.3.7/ [Каракулов 2006: 123]. Фотокопия рукописи имеется в Удмуртском ИИЯЛ УрО РАН (РФ, оп. 2-Н, д. № 407). Ее институту любезно предоставила Т. И. Тепляшина, и благодаря этому ученому в 1998 году грамматика М. Могилина была издана отдельной книгой.

В структурном отношении грамматика представлена 9 основными главами, в которых дается описание имени существительного, имени прилагательного, числительного, местоимения, а также глагола, наречия, предлога, союза и междометия.

В первых страницах рукописи читаем обращение М. Могилына к своему благодетелю, но «...несмотря на столь хвалебные воздания автора своему начальнику, рукопись не была напечатана...» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 235]). Далее автор грамматики определяет задачи своего исследования: «Причина сего малаго предпріятія не инная какая, какъ толко, что бы извѣстнаго въ свѣтѣ отяцкаго народа неизвѣстный языкъ ученому свѣту былъ извѣстенъ; что^б любопытству позднѣйшихъ потомковъ древность осталась соблюденною...» [Могилынь 1786: 7] (орфография оригинала полностью сохранена), останавливается на вопросе, почему и для чего следует изучать и описывать неизвестные еще языки народов; затем объясняет, что языки, в которых отражается жизнь, быт, культура народа, с течением времени в какой-то мере изменяются, а некоторые исчезают вовсе. Поэтому их описание, фиксация своеобразия языка представляют большую научную ценность.

После этого излагается своеобразие удмуртского языка, в частности, говорится, что специфика удмуртских имен и глаголов выражается в их изменении. Особенно важным представляется М. Могилыну фиксация ударения на последнем слоге слова (в основном) и описание окончаний, т. е. суффиксов. Автор выделяет, что имена по большей части «либо односложные, либо двосложные» [Могилынь 1786: 14]. В отличие от грамматики 1775 года, в исследуемой грамматике выделяются 5 падежей: именительный, родительный, датив (дательный – *Л. И.*), винительный и творительный. Таким образом, М. Могилын не выделяет звательный падеж.

По каждой части речи приводится большое количество словарного материала (более 2000 слов) с переводом на русский язык, который представляет особую ценность работы Могилына, так как при анализе слов можно

выделить некоторые фонетические, лексические и отчасти морфологические особенности говора, на материале которого была составлена рукопись.

2.4.1. Особенности графики грамматики М. Могилина

Уже во вступлении М. Могилиным указывается, что особых букв для изображения удмуртских звуков не имеется, так как удмуртский язык сам по себе до сих пор в мире известен только своим названием. «Итакъ принявъ сей народъ (удмурты – Л. И.) о[т] Россіянь Законъ втру и права долженъ принять и литеры для изображенія своего языка» (цитируется по: [Могилинъ 1786: 12]). Интересно, говорит ли это о том, что автор не был знаком с первой удмуртской грамматикой 1775 года? Этого нельзя утверждать, потому что «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» были уже изданы, и у таких людей, как священники, особенно работающих с удмуртскими прихожанами, эти книги должны были быть.

Таким образом, удмуртские слова написаны при помощи кириллических букв, латинских (**g, j**) и двух греческих ξ (кси) и ϵ (эпсилон). Если представить алфавит, которым руководствовался М. Могилин при составлении своей грамматики, то он состоит из следующей 41 буквы:

Аа	Дж/дж	Жж	Кк	Пп	Цц	ь
Б б	Дз/дз	Зз	ξ	Рр	Чч	Мм
Вв	Ее	Ии	Лл	Сс	Шш	Ээ
Гг	$\hat{e}$	Гг	Мм	Тт	ъ	Юю
Gg	ϵ	й	Нн	Уу	ъе (ъê)	Яя
Дд	iô (io)	j	Оо	Ув/ув	Ыы	

По своему строению буквы приведенного алфавита можно разделить на:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ъ, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы, латиницы (с диакритическими знаками или без таковых) или знаки греческого алфавита: Gg, ê, ε, Ii, Mm, ξ;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, iô (io), Ув/ув.

Необходимо отметить, что М. Могилин специфическую гласную *ö*, как в стихотворении 1782 года, в некотором количестве слов передает буквосочетанием *ъе* или *ъê*. Однако передача *ö* этим сочетанием не всегда последовательна (см. ниже).

Рассмотрим подробнее графические особенности этого памятника.

1. Современная удмуртская фонема *ö* передается в основном сочетанием букв *ъе* (в единичных случаях *ъê*), например: *къê* [kʒ] 'жерновый камень' [Могилинъ 1786: 25] (страницы приводятся по изданной грамматике – по нумерации в верхней части страницы – далее без указания источника); *къêтъ* [kʒt] 'брюхо' (26); *пъезъ* [pʒzʹ] 'рукавица' (28); *съезы* [sʒzʹ+] 'пола, подоль' (34); *пъертеть* [pʒrtet] 'мудрено-право' (102) и др. Как видим, данное буквосочетание используется после твердых согласных.

Кроме того, этот специфический звук может быть обозначен нижеперечисленными графемами:

а) *е*: *кем* [kʒm] 'скорлупа, чешуя' (26); *нель* [nʹʒl ~ ? nʹel] 'стртла' (27); *сень* [sʒn] 'жила', *тель* [tʒl] 'вптръ' (28); *чежмеръ* [ʒʒmer] 'горностаи' (29); *шететь* [ʃʒtet] 'негодный' (59) и др;

б) *ы*: *мыля* [mʒlʹa] 'грудина' (19); *кыли* [kʒlʹ+] 'кремень' (31); *ныки* [nʒkʹ+] 'сметана' (32); *вый* [vʒj] 'масло' (35); *пьясь* [pʒjasʹ] 'лицемтрный, обманчивый' (57); *бырдыско* [bʒrdʹ+sʹko] 'плачу' (91) и т. д.;

в) *э*: *эсь* [ʒs] 'дверь' (26); *эвъелтеть* [ʒvʒltem] 'простой, пустой' (59); *эскиско* [ʒskisʹko ~ ? eskisʹko] 'блюю' (88) и др.

г) *е*: *лемъ* [lʹʒm ~ ? lʹet] 'клэй, ягода черемуховая' (27); *кãня* [kʒnʹa ~ ? kenʹa] 'сколь' (98).

Примеры передачи буквой *е*, *э* и *є* могут свидетельствовать и о том, что в данном диалекте в XVIII веке в перечисленных словах мог произноситься гласный *э* (*e*), так как в современном бесермянском наречии имеем: *кэн'а* 'сколько', *л'эм* 'черёмуха (ягода)' *эскънь* 'блевать, рвать' (см. [Кельмаков 1992: 43–44]).

2. Звук *ы* (+) в большинстве примеров обозначен соответствующей буквой русского алфавита **ы**: *ныпыянь* [*n+p+jan*] 'тяжесть, бремя' (23); *бусы-кенерь* [*bus+ ken'er*] 'полевой огородъ' (25); *кымъезъ* [*k+mes*] 'лобъ', *кышноезъ* [*k+šnojez*] 'женщина', *небыть-узвесъ* [*n'eb+t uzves'*] 'олово' (27); *пыдесъ* [*p+d'es* ~ *p+des*] 'колтно и дно въ посудахъ' (28); *бирды* [*bird+*] 'пугвица (точнее: пуговица – Л. И.)', *быгыли* [*b+g+l'i*] 'снопь лняной', *боды* [*bod+*] 'трость' (30); *гырлы* [*g+r'l+*] 'колоколь', *игы* [*+g+*] 'орель, сова' (31); *пинлы* [*pin'l+*] 'челюсть', *пурты* [*purt+*] 'котель', *пыры* [*p+r+*] 'крохи' (32); *цурты* [*C+rt+*] 'шея и горло' (33); *дурысь* [*dur+s'*] 'кузнецъ' (36); *шыкызь* [*š+k+s*] 'сундукъ, коробья' (39) и т. д.

Однако встречаются такие слова, в которых фонема *ы* нередко передается буквой **и** в следующих позициях:

а) в начале слова: *ижъ* [*+ž*] 'овца' (37); *имдуръ* [*+mdur*] 'губа у рта' (46) и др.;

б) после согласных *ж* и *ш*, что объясняется, скорее всего, влиянием принципов русской орфографии: *выжи* [*v+ž+*] 'корень' (30); *гижи* [*giž+*] 'копыто' (31); *къежи* [*k2ž+*] 'горохъ' (32); *ширь* [*š+r*] 'мышь, кротъ' (39) и т. д.;

в) после парных по веларности/мягкости согласных, где **и**, обозначая фонему *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного: *деди* [*d2d'+*] 'сани', *кыли* [*k2l'+*] 'кремень', *кони* [*kon'+*] 'бтлка' (31); *пуни* [*pin'+*] 'ложка', *пити* [*p+t'+*] 'слтдъ' (32); *сези* [*s'ez'+*] 'овесъ' (33); *возить* [*voz'+t*] 'стыдъ' (36); *сизимъ* [*s'iz'+m*] 'седмъ, седмый' (60) и др.

3. Отсутствующее в русском языке инициальное и интервокальное звуко сочетание *йы-* (*j+-*) может быть обозначено:

а) буквой **и**: *уды* [*j+d+*] 'ячень'; *иронуши* [*j+rɔniš+*] 'пьявица' (31); *коикъ* [*koj+k*] 'лось, звать' (37);

г) графемой **і**: *іль* [*j+l*] 'вершина' (37); *ірь-вожо* [*j+rvožo*] 'тмя головы' (51). В нескольких примерах в слове *йыр* 'голова' инициальную *й* М. Могилин обозначил через русскую букву **г**: *гирси* [*j+rɫs'i*] 'волосы' (30), *гирь* [*j+r*] 'голова' (35), *кигирь* [*kij+r*] 'кулак' (37).

4. Звуко сочетание *йо* (*jo*), а также мягкость предшествующего согласного перед *о* (совр. орф. *ё*) передаётся диграфом **іѠ** или **іо** (иногда **јѠ**): *бускель-іослы* [*buskel'josl+*] 'сосудьям' (24); *адяміось* [*ad'amijos*] 'люди' (30); *кузіо* [*kuz'o*] 'купец (точнее: хозяин – Л. И.)' (41); *сылјѠ* [*sil'o*] 'тлесный' (55); *ліѠгаско* [*l'ogas'ko*] 'топчу' (77) и др.

5. Сочетание *-ий-* (*-ij-*) (в инлауте перед гласной) обозначается графемой **і**: *вія* [*vija*] 'капля, проточина (точнее: протекает – Л. И.)' (19); *сіесь* [*s'ijes*] 'хомуць' (28); *кіедь* [*kijed*] 'навозь' (29) и т. д.

6. Удмуртская *г* в большинстве случаев передается латинской графемой **g**: *ватага* [*vataga*] 'семейство' (19); *сырегъ* [*sereg*] 'уголь' (29); *быгыли* [*b+g+l'i*] 'снопь льняной' (30); *корь-гидъ* [*korgid*] 'конюшня' (51) и др.

7. Необычное для русского языка инициальное звуко сочетание *йѠ-* (*j2-*) М. Могилин воплотил через древнерусскую букву **Ѡ** (наряду с **е** и буквосочетанием **іѠ**): *іѠ* [*j2~je*] 'градъ изъ тучи, и ледь' (24); *ель, тль* [*j2l~jel*] 'молоко' (26); *ены* [*j2n+~jen+*] 'осоть трава' (31).

8. Звуко сочетание *-кс-* (*-ks-*) передается знаком **ξ** (кси): *эξэй* [*eksej*] 'государь' (34), *оуξіѠ* [*uks'o*] 'денешка', *уξіѠ* [*uks'o*] 'денги вообще' (41).

9. Для обозначения велярной аффрикаты **жс** (◌) применено сочетание **дж**: *маджесь* [*ta◌es*] 'грабли' (27); *джины* [*◌+n+*] 'половина' (31); *джуй* [*◌uj*] 'мохъ' (34); *джожъ* [*◌ož*] 'обида' (42); *джукъ* [*◌uk*] 'каша отяцкая' (46) и др.

10. Удмуртская палатальная аффриката $\dot{z}$ (ʒ) (в позиции перед **и** и йотированными гласными – **е, ю, я**) передается в основном буквосочетанием **дз**, а также буквой **з** (в единичных случаях): *дзегь* [ʒeg] 'рожь'; *дзязегь* [ʒaz'eg] 'гусь' (25); *дзици* [ʒiC+] 'лисица'; *дзиоргли* [ʒorg+l'i] 'воробей' (31); *дзюзялыско* [ʒuz'+l+s'ko] 'хлебаю' (85); *зюкыртско* [ʒuk+rtsko ~ ? z'uk+rtsko] 'скриплю' (88); *зенеликъ-пыръ* [ʒen'el'ik p+r ~ z'en'el'ik p+r] 'сквозь стекло' (107) и т. д.

11. Глухая палатальная аффриката **ч** (C) обозначена двумя способами:

а) буквой **ц**, если за ней стоят буквы **я, е, и**: *бакця* [bakCa] 'сад, огород' (19); *цилектемь* [Cil'ektem] 'молния' (29); *бици* [biC+ ~ b+C+] 'пряжка' (30); *цеци* [CeC+] 'медь' (32); *циней* [Cipej] 'щука' (35); *цersonь* [Cerson] 'пряжа кудели' (44); *цирсь* [C+rs] 'кислый' (58); *цякласко* [Caklas'ko] 'недоумтвваюсь, сомнуюсь' (76) и др.;

б) буквой **ч** (в остальных случаях): *качи* [kaC+] 'ножницы' (32); *ченяри* [Cenari] 'паук или мизгирь'; *чини* [Cin'+] 'персть' (33); *чутыско* [Cut+s'ko] 'хромаю' (82) и др.

12. Для передачи глухой велярной аффрикаты $\dot{c}$ (©) используется знак **ч**: *чяна* [©ana ~ ? Cana] 'галка' (20); *дучесь* [du©es] 'соколя и ястребь' (26); *чежь* [©2ž ~ ? Cež] 'утка' (29); *учи* [u©+] 'соловей' (33); *пычь* [p+©] 'блоха' (38); *кече* [k2©e] 'какой' (55); *кучо* [ku©o] 'пестрой' (58); *чошкытско* [©ošk+tsko] 'ровняю' (91) и т. п.

13. Согласный **d** (°), встречающийся в начале слова перед гласной **а**, в рукописи обозначен буквосочетанием **ув** (в основном) или буквой **у** (в единичных случаях): *уадь* [°ad] 'выдра'; *уарь* [°ar] 'слуга' (23); *увалесь* [°al'es] 'постель' (28); *уарь-муми* [°artum+] 'теща [моя]'; *уарь-возги* [°arvozg+ ~ °arvozg+] 'трутень' (33); *увань* [°an'] 'есть' (95); *уваллионь* [°al'l'on] 'древле въ старину' (100); *лудь-увамень* [lul °aten] 'через душу' (107) и т. д.

14. Как и в предшествующих памятниках, в грамматике Могилына никак не передается различие твердости/мягкости согласных, что затрудняет правильное прочтение некоторых слов, например: *миндерь* [*minder ~ min'd'er*] 'подушка' (26); *пулдемь* [*pul'dem*] 'короста' (27); *сюзерь* [*suzer*] 'мѣншая сестра' (28); *Кондіонь* [*kon'don ~ kon'd'on*] 'копейка' (43); *увазняль* [*°az'n'al ~ °az'nal*] 'третьево дни' (103) и т. п.

2.4.2. Элементы орфографии в грамматике М. Могилына

1. В конце слова, а также в середине – перед вторым компонентом сложных слов или каким-либо аффиксом – пишется **ѣ**, который по правилам русского правописания того времени обозначает твердость конечного согласного: *гошмедѣ* [*goštet*] 'письмо, писаніе' (25), *курегѣ* [*kureg*] 'курица' (26), *намерѣ* [*namer*] 'костяника' (29), *душѣ-гоштемѣ* [*dušgoštem*] 'перепись' (51), *югытъ-гемѣ* [*jug+tgem*] 'свѣтленко' (54).

2. Несвойственные для русского языка сочетания *жы*, *шы* пишутся через букву **и** (**жи**, **ши**): *выжи* [*v+ž+*] 'корень' (30); *гижи* [*giž+*] 'копыто' (31); *къежи* [*kž+*] 'горохъ' (32); *ширь* [*š+r*] 'мышь, кротъ' (39).

3. Гласные **е**, **іѠ** (**іѠ**), **ю**, **я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки э, о, у, а: *сюкась* [*s'ukas*] 'квасъ' (22), *пожнерѣ* [*pišn'er*] 'кропива' (27), *чумоліѠ* [*Čumol'o*] 'копна, куча, громада' (41), *кырдыяско* [*k+rɤas'ko*] 'пою птсни' (77) и пр.;

б) в других случаях – сочетание звуков *йэ*, *йо*, *йу*, *йа*: *янакъ* [*janak*] 'косякъ во дверях' (22), *юрмегѣ* [*jurteg*] 'звтрокъ ласица (точнее: ласка – Л. И.)' (29), *етинѣ* [*jetin*] 'лень, кудтля' (36), *ваіѠбыжѣ* [*vajob+ž*] 'косатка птица' (39).

2.5. Графическая система грамматик и словаря З. Кротова (таблица 3)

Рассмотрев способы обозначения удмуртских звуков средствами кириллической графики в памятниках письменности последней четверти XVIII

столетия, а именно первой грамматики «Сочиненія», словаря З. Кротова и грамматики М. Могилина, мы можем сделать вывод о том, что составители в какой-то мере стремились и так или иначе смогли приспособить кириллицу для передачи звуков удмуртского языка. Для большинства их, а именно *a (a)*, *б (b)*, *в (v)*, *г (g)*, *д (d)*, *ж (ž)*, *з (z)*, *и (i)*, *к (k)*, *л (l)*, *м (m)*, *н (n)*, *о (o)*, *п (p)*, *р (r)*, *с (s)*, *т (t)*, *у (u)*, *ш (š)*, *э (e)*, *йу (ju)*, *йа (ja)*, имелись соответствия в кириллическом алфавите. Однако специфические фонемы удмуртского языка, чуждые русскому, обозначались, в одном случае, такими знаками, которые были близки им по звучанию (*ö (2)* – э, е, о; *č (©)* – ч), в другом – буквосочетаниями (*ž (>)* – дз, *žc (<)* – дж).

Способы передачи удмуртских звуков средствами русской графики того времени в упомянутых памятниках письменности представим в следующей таблице:

удмуртские звуки	«Сочиненія 1775»	Словарь З. Кротова	Грамматика М. Могилина
<i>ö (2)</i>	э, е, о, а	э, е, ы, о, я	ѣе, ѣê, е, э, ы, о, э
<i>ы (+)</i> – инициальн. <i>ы</i> – <i>жы, шы</i> – мягк. согл. + <i>ы</i>	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы и жи, ши мягк. согл. + и
<i>г (g)</i>	г, Г	г, Г	г, Г
<i>йö (j2)</i>	м, iê	м, jê	м, ie, iê
<i>žc (<)</i>	дж	дж	дж
<i>ž (>)</i>	дз, з	дз	дз, з
<i>ч (©)</i>	ц, ч	ц, ч	ц, ч
<i>č (©)</i>	ч	ч	ч
<i>д (°)</i>	у, ув	у, ув	у, ув
<i>η</i>	н, нг	н, нг	–

Таблица показывает, что наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем в этих памятниках письменности был звук *ö* (2). В первой удмуртской грамматике он передается четырьмя различными буквами. В словаре З. Кротова эта специфическая фонема обозначена пятью разными знаками. М. Могилин в своей грамматике этот звук передает семью различными способами (двумя буквосочетаниями и пятью знаками), причем он впервые пытается обозначить эту фонему отдельным диграфом, хотя и не совсем последовательно.

Трудной для передачи на письме было инициальное звуко сочетание *йö-* (*j2-*), для обозначения которого в первой грамматике и словаре З. Кротова используется два способа, а в грамматике М. Могилина – три.

Определенные трудности возникали также при обозначении удмуртских аффрикат, отсутствующих в русском языке.

2.6. Памятники удмуртской письменности первой половины XIX века

Письменные памятники удмуртского языка первой половины XIX века в нашей работе представлены переводами текстов религиозного содержания на удмуртский язык (Евангелия, молитвы, Символ веры, десятослов и катехизис), Азбуками и рукописными словарями. Исследователь удмуртского литературного языка Б. И. Каракулов насчитывает 20 памятников письменности этого периода [2006: 124–131]. Некоторые из них утеряны (имеются лишь упоминания о них) или хранятся в архивах и библиотеках различных городов России и Зарубежья (Швеции, Венгрии), другие опубликованы в первой половине XIX века и позже.

2.6.1. Рукописные словари

Архивные данные по удмуртскому, а также и по всем финно-угорским языкам в целом, представляют огромную научную ценность для исследователей истории языка. Рукописные лексикографические работы первой половины XIX века представляют собой небольшие, а также довольно объемные словари, переведенные из русского на удмуртский или другие языки. В некоторых из них указываются фамилии составителей и даются сведения, на

каком диалекте и из каких областей (уездов) и населенных пунктов собран тот или иной лексический материал по удмуртскому языку. В нашем исследовании мы анализируем три лексикографических работы, составленные в первой трети XIX столетия: удмуртско-русский словарь 1816 года, русско-удмуртский словарь 1820 года и пятиязычный словарь 1833 года. Необходимо отметить, что материалы из этих словарей в настоящей работе вводятся в науку впервые.

2.6.1.1. Словарь языка вотяков 1816 года

Этот лексикографический труд еще не находил должного отражения в научной литературе. Словарь сохранился в двух вариантах: первый находится в Санкт-Петербургском Архиве АН, второй – в Российской национальной библиотеке (ранее Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Фотокопия второго варианта рукописи под названием «Wörterbuch der Wotjakischen Sprache. Gesammelt von dem Popen Stepan Sidorow in dem Wotjakischen Dorfe Jelova, im Gouvernement Wjatka. Im Oktober 1816. Mit Bemerkungen von dem Prof. Zeplin in Kasan» или в переводе на русский язык «Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани» хранится также в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН (фонд РФ, опись 2-Н, дело № 659). Кое-какие сведения общего плана об этом лексикографическом труде имеются в статье И. В. Тараканова, посвященной старинным рукописным словарям удмуртского языка [Тараканов 1998б: 330–331, 335]. Интересующая нас рукопись состоит из 38 листов-фотокопий, заполненных с одной стороны. Весь лексический материал на листах расположен в 4 столбцах: в первом и третьем даны удмуртские слова, во втором и четвертом – их русские переводы. В удмуртских словах проставлено ударение. Всего в словаре насчитывается около 1000 удмуртских слов с переводом на русский язык. Некоторые исследователи дают другую цифру – около 800 лексем [Тараканов 1998б: 331]. В нижней части некоторых страниц даны сноски, где приводится какое-либо удмуртское слово с переводом на немецкий язык или с пометой «татарское».

Необходимо сразу же отметить, что лексический материал рукописи очень близок, а в отдельных случаях аналогичен лексике изданной в 1775 году в Казани первой удмуртской грамматики «Сочиненія приналежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Это отмечают также и некоторые исследователи: «Нами выяснено, что почти весь словарь из грамматики 1775 года, сохранив тематическое расположение, переписал для своего словаря С. Сидоров» [Каракулов 1991: 117]. Слова также подразделяются по главам: о человеке, о членах человеческих, о земле, о земледелии и т. д. Всего в рукописи выделено 16 глав. В главе «О именахъ прилагательныхъ» перед списком прилагательныхъ отмечается, что «имена прилагательныя у Вотяковъ, когда стоять на переди своихъ существительныхъ, не склоняются; когда же стоять позади ихъ или безъ нихъ, тогда склоняются какъ имена существительныя» [Словарь 1816: 17]. Данное положение является очень ценным, так как до этого времени ни в опубликованной первой грамматике удмуртского языка, ни в составленной чуть позже и оставшейся на долгое время в рукописи грамматике удмуртского языка М. Могилина в аналогичных главах этого не отмечается: «имена прилагательныя у Вотяковъ чрезъ падежи въ обтихъ числахъ не склоняются» [Сочиненія 1775: 36]; «есть ли сущ[ествительное] остается въ недоразумтніи, то вмсто его принуждено прилагат[ельные] склоняются. Напр. *дцецьсэ шетти*, хорошую изловилъ; доразумтвается, *чорыгзе*, рыбу» [Могилинъ 1786: 53]. Таким образом, о склонении препозитивных или постпозитивных прилагательных впервые отмечается в рассматриваемой нами рукописи. В исследуемом памятнике, в отличие от грамматики 1775 года, отсутствуют следующие главы: наречие, междометие и предлог. Если в грамматике 1775 года приведено 320 глаголов, то в исследуемом памятнике зафиксирована только половина от этого количества – 163 слова.

На некоторых удмуртских словах проставлено ударение. Для этого применены надстрочные знаки акут (´) и графис (˘). Первый тип ударения ставится, как правило, всегда над гласной закрытого слога, напр., *Возма́сь* 'сторожь' [Словарь 1816: 4]. Графисом же обозначается конечный гласный

открытого слога, т. е. данное ударение ставится в словах, оканчивающихся на гласный звук, напр., *тодмò* 'знакомый' [там же].

2.6.1.2. Словарь языка вотского 1820 года

Рукописный русско-удмуртский словарь под названием «Словарь языка вотского» [Словарь 1820] составлен в 1820 году. Его оригинал хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения РАН (ф. 94, оп. 1, № 241). Первые упоминания об этом лексикографическом труде встречаются в самом начале XX столетия в работе финского исследователя К. Ф. Карйалайнена [Karjalainen 1907: 9]. В 1960 году «Словарь языка вотского» был выявлен Т. И. Тепляшиной, ей же были сделаны фотокопии словаря и переданы на хранение в Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ РАН (фонд РФ, опись 2-Н, единица хранения 624). Скучные сведения об этом словаре уже встречаются в литературе (см. [Каракулов 1987в: 34–36; Тараканов 1998б: 336; Тепляшина 1965а: 302]), но они ограничиваются лишь его кратким описанием и перечислением единичных графических и фонетических особенностей. В каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке Б. И. Каракулова данный словарь включен в список «Недатированной литературы» под номером 407 [Каракулов 2006: 197]. Составитель исследуемого лексикографического труда неизвестен. Памятник представляет собой написанную четкой скорописью рукопись объемом 48 листов, заполненных с одной стороны, и включает в себя более 2900 русско-удмуртских словарных статей.

Что касается графики словаря, то она очень близка к графике первой удмуртской грамматики 1775 года. Составитель очень часто путает буквы г и д, например, *думы* [*dum+*] 'дудка' (вм. *гумы* или *гумы*) [Словарь 1820: 15], *дыдъ* [*d+d*] 'лпнивый' (вм. *дыгъ* или *дыгъ*) [Там же: 25] и др. Общеизвестно, что в памятниках того периода определенные трудности представляла передача специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами русской графики, а именно, фонемы среднего подъема среднего ряда *ö* (2) и аффрикат.

На всех удмуртских словах проставлено ударение. Для этого применены надстрочные знаки акут (´) и графис (˘). Первый тип ударения всегда ставится над гласной закрытого слога, напр., *вельдет-кóрь* 'потолочина' [Словарь 1820: 16]. Графисом обозначается конечный гласный слова, т. е. данное ударение ставится в словах, оканчивающихся на гласный звук, напр., *уараськò* 'прислуживаю' [Там же: 36].

Кроме того, в конце словаря другим почерком приводится несколько русских слов, которые переводятся на удмуртский язык с учетом их диалектной принадлежности, напр.: огурец – *glaz. ogrechʹ, jelab. киярь* (татар) [Словарь 1820: 48].

2.6.1.3. Свод некоторых слов ... 1833 года

Следующий рукописный словарь называется «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских». Он – пятиязычный, оригинал хранится в Национальном Архиве Республики Татарстан в Казани (фонд 10, опись 5, единица хранения 886). Этот памятник письменности был отскерокопирован нами во время научной командировки в 2003 году и передан на хранение в Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Данный рукописный труд, согласно записи на его титульном листе, написан в 1833 году. Некоторые ученые отмечают, что этот словарь составлен в 1835 году [Алексеев 1977: 133; Каракулов 2006: 129; Тепляшина 1965б: 61]. Однако на 1833 год указывает и исследователь коми-пермяцкого языка Р. М. Баталова: «С выходом на свет книги венгерского ученого К. Редееи <...> стали известны материалы еще одного рукописного словаря, составленного служащим имения графов Строгановых Ф. А. Волеговым 1833 г. в с. Новое Усолъе» (цитируется по: [Баталова 1975: 9]). Скучные сведения об этом памятнике имеются в первом номере журнала «Советское финно-угроведение» за 1965 год. В своей статье Т. И. Тепляшина констатирует лишь факт существования исследуемого словаря и не останавливается на описании его языковых особенностей [Тепляшина

1965б: 61]. Позднее материалы словаря и выписка Ф. А. Волегова были опубликованы с частичным сохранением орфографии рукописи (буква **m** была заменена заглавной буквой **E**) чувашским языковедом А. А. Алексеевым [Алексеев 1977: 137–145]. Из выписки мы узнаем, что свой словарь Ф. В. Волегов собрал, проезжая по Вятскому и Казанскому тракту, чтобы сравнить чувашские, удмуртские, коми-пермяцкие и коми-зырянские слова и убедиться в их схожести.

Интересующая нас рукопись хорошо сохранилась и легко читается. Словарь составлен на жесткой бумаге, разрезанной на пол-листа. Объем рукописи 10 листов, или 20 страниц. На каждой странице расчерчено пять столбцов. В первом столбце в алфавитном порядке дан список русских слов. В других столбцах дается перевод русского слова на коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский и чувашский языки. Необходимо отметить, что не все русские слова имеют переводы на вышеперечисленные языки. Если в словаре всего 247 русских лексем, то из них 195 имеют перевод на коми-пермяцкий, 239 – на коми-зырянский, 153 – на удмуртский и 143 – на чувашский языки. Многие слова не переведены: на страницах 11–13 и 16–20 отсутствуют переводы на удмуртский язык, на страницах 17–20 не приведены коми-пермяцкие и чувашские параллели. Многие удмуртские и коми-пермяцкие слова записаны с ошибками: пропущены или перепутаны буквы. Отметим некоторые замеченные нами описки: удм. *Кэнэкъ* (вм. *Кэнэсь* или *Кенось*) 'Анбарь', *Шно* (вм. *Кышно*) [Свод 1833: 1] (страницы приводятся по оригиналу рукописи), *Черчэмъ* (вм. *Черсонъ* или *Черсэмъ*) 'Веретено' [там же: 4], *Этыкъ* (вм. *Отыкъ* или *Одыгъ*) 'Одинъ' и др. На странице 16 имеется запись: Пермяки (скорее всего, коми-пермяки и коми-зыряне. – Л. И.) сами себя называют: *коми мортъ*, а Вотяки: *удмортъ-ни*.

2.6.1.4. Графические особенности рукописных словарей первой половины XIX века

В исследуемых рукописных словарях удмуртские слова написаны буквами кириллицы, кроме того, буквы **g** и **j** заимствованы из латинской графики. Представим для наглядности алфавит, который содержит следующие 37 букв:

Аа	Дж/дж	Ии	Мм	Тт	ъ	Яя
Б б	Дз/дз	і (і̇)	Нн	Уу	Ыы	
Вв	Ее	й	Оо	Ув/ув	ь	
г	і̇ (і̇о), j̇ô	Jj	Пп	Цц	Мм	
g	Жж	Кк	Рр	Чч	Ээ	
Дд	Зз	Лл	Сс	Шш	Юю	

Как видим, буквы представленного алфавита подразделяются на следующие три группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, г, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ъ, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы (с диакритическими знаками или без таковых): g, і̇ (і̇), Jj, Мм;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, і̇ô (і̇о), j̇ô, Ув/ув.

Таким образом, автор использует 37 знаков. Необходимо отметить, что буквы или буквосочетания **г**, **g**, **і̇ô** (орф. совр. **ё**), **і̇ (і̇)**, **й**, **ъ**, **ь** представлены в словарях лишь в прописном варианте.

Рассмотрим подробнее графические особенности анализируемых словарей.

1. Удмуртский гласный среднего подъема среднего ряда **ö** (2) в словаре Степана Сидорова передается четырьмя различными знаками:

а) буквой **е** (в большинстве случаях): *Песь* [p2s'] 'жарь', *Теди узвесь* [t2d+uzves'] 'олово', *Седь* [s'2d ~ ? s'ed] 'черный', *Неки* [n2k+] 'сметана', *Цежь* [©2ž] 'утка' [Словарь 1816: 2, 4, 6, 7, 11];

б) буквой **э** (в десятке слов): *Бэлякъ* [b2l'ak] 'сосудь', *Кэй* [k2j] 'сало', *Кэть* [k2t] 'брюхо' [Словарь 1816: 4, 5, 6];

в) **о** (в единичных случаях): *Синь тоду* [s'int2d'+ ~ ? s'intod'+] 'белокъ' (5), *Поськи* [p2s'k+ ~ pos'k+] 'болячка' [Словарь 1816: 5, 6];

г) **а** (в нескольких однокоренных словах): *Арецянь* [2rekCan] 'обманъ', *Арецяськись* [2rekCas'kis'] 'лживый' [Словарь 1816: 4, 19].

В русско-вотском словаре 1820 г. данная фонема обозначается буквой **о** или **е**: *носьки* [p2s'k+ ~ pos'k+] 'болячка', *носьтэмь* [p2s'tem ~ pos'tem] 'ветхий', *серысь* [s2r+s'] 'вредитель'; *недысько* [n2d+s'ko] 'грязну'; *зекъ* [z2k] 'крупный'; *восяськись* [v2s'as'k+s' ~ vos'as'k+s'] 'богомольный', *вось* [v2s' ~ v2s'] 'больно' [Словарь 1820: 2, 5, 8, 12, 23, 2, 2]. В «Своде 1833 г.» этот гласный систематически обозначен буквой **ы**: *Кыжи* [k2ž+] 'Бобы', *Кыть* [k2t] 'Брюхо', *Пыстэмь* [p2s'tem] 'Вариль [он]', *Тыль* [t+l] 'Вмтеръ', *Пысь* [p2s'] 'Горячо' [Свод 1833: 1, 3, 4, 7, 10].

2. Специфическое анлаутное звуко сочетание *йö-* (*j2-*) в рассматриваемых памятниках письменности обозначается крайне непоследовательно:

а) в словаре 1816 года – буквами **е**, **м**, **э**: *Езора* [j2zore] 'изморозь', *Мль* [j2l] 'молоко', *эль* [j2l] 'молоко' [Словарь 1816: 2, 9, 12];

б) в словаре 1820 года – буквой **е** и буквосочетанием **jê**: *jêлень* [j2len] 'ледяный', *jêль* [j2l] 'молоко', *Еду* [j2gu] 'погребъ' [Словарь 1820: 24, 27, 34]. Необходимо отметить, что в данном словаре указанным буквосочетанием в некоторых словах отмечается звуко сочетание *je*: *jêтинь* [jetin] 'лень', *jêгутъ* [jegot] 'молодой' [Словарь 1820: 24, 27].

3. Анлаутный **ы** (+) в словаре 1816 и 1820 года систематически передается буквой **и**: *Имдоръ* [+mdor] 'губа', *Ибыльськонъ узвесь* [+b+l+s'kon uzves'] 'свинець', *Игы* [+g+] 'филинъ, сова', *Иждонъ* [+žgon] 'шерсть', *Иштырь* [+št+r] 'онучи' [Словарь 1816: 5, 6, 11, 12, 15]; *ильземь* [+l'jet] 'волглый', *ибонъ* [+bon] 'выстрмль', *имдоръ* [+mdor] 'губа', *иргон* [+rgon] 'мндъ красная', *ижлень* [+žlen] 'овечий' [Словарь 1820: 6, 9, 12, 28, 30]. В «Своде 1833

года» этот гласный в данной позиции встречается только в единственном слове и обозначается буквой **ы**: **Ыж** [+ž] 'Барань' [Свод 1833: 1].

4. Анлаутное звукосочетание *йы-* (*j+-*) в рассматриваемых памятниках передается разными способами:

а) сочетанием латинского **j** с русской **и** с каморой над обеими буквами (за неимением данного диграфа, в нашем исследовании используется буквосочетание **jû** – Л. И.) или одиночной **и** (в словарях 1816 и 1820 гг.): **Журь** [*j+r*] 'голова', **Жуды** [*j+d+*] 'ячень', **Ибыртысько** [*j+b+rt+s'ko*] 'жалуюсь, кланяюсь' [Словарь 1816: 5, 7, 23]; **жильяско** [*j+ljas'ko*] 'вершу', **журси** [*j+rs'i*] 'волось', **жуды** [*j+d+*] 'ячень' [Словарь 1820: 5, 7, 48];

б) буквосочетанием **йы** и буквой **ю** (в словаре 1833 г.): **Йыль** [*j+l*] 'вершина', **Юрси** [*j+rs'i*] 'Волосы', **Юрь** [*j+r*] 'Голова' [Свод 1833: 4, 5, 8].

5. Звукосочетание *йо* (*jo*), а также мягкость предшествующего согласного перед *о* (орф. *ё*) передается диграфом **iô** или **io** (в словаре 1820 года – **jô**): **Цюмоліô** [*Citol'o*] 'копна', **Вайôбыжъ** [*vajob+ž*] 'ласточка', **Кузиô** [*kuz'o*] 'хозяинь' (13), **Мунциô** [*munCo*] 'баня' [Словарь 1816: 7, 11, 13, 16]; **мунциjô** [*munCo*] 'баня', **уксjôтемъ** [*uks'otem*] 'безденежный', **кыdjôке** [*k+d'oке*] 'вдаль', **куараjô** [*k'arajo*] 'громко' [Словарь 1820: 1, 3, 5, 11]. В «Своде 1833 года» подобных слов нами не обнаружено.

6. Удмуртская буква *г* (*g*) в рассматриваемых памятниках передается следующими способами:

а) в Словаре 1816 года – латинской буквой **g**, причем инициальная *г* систематически обозначена русской заглавной **Д**: **Югыть** [*jug+t*] 'святъ', **Доштеть** [*goštet*] 'письмо', **Дырпумъ** [*g+rput*] 'локоть', **Ланегъ** [*lareg*] 'низкій' [Словарь 1816: 2, 4, 5, 19];

б) в Словаре 1820 года – латинской литерой **g** и русской **г**: **гурезъ** [*gurez*] 'гора', **язеглень** [*az'eglen*] 'гусиный', **одыгъ** [*od+g*] 'единь' [Словарь 1820: 11, 12, 15]. Как отметили уже выше (см. раздел 2.6.1.2), в этом словаре удмуртская **г** во многих случаях обозначена русской буквой **д**: **дозы** [*goz+*] 'веревка',

дынлень [g+nlen] 'войлочный', *дудыри* [gud+ri] 'громь', *тундонлень* [tungonlen] 'замочный' [Там же: 5, 6, 11, 17];

в) в «Своде 1833 года» – только русской буквой г: *Брага* [braga] 'Брага', *Гозы* [goz+] 'Веревка', *Бинь-гозы* [bin'goz+] 'Возжи', *Кортчогъ* [kor©©og] 'Гвоздь' [Свод 1833: 2, 4, 5, 8].

7. Удмуртская глухая велярная аффриката *č* (©) систематически обозначена буквой **ч** (в единичных словах – буквой **ш**): *Чукъ* [©uk] 'утро', *Нянь пучкезь* [n'an'pu©kes] 'мякишь', *Чогокый* [©ogok+j] 'ужь', [Словарь 1816: 2, 9, 10]; *пычь* [p+©] 'блоха'; *чукпаль* [©ukpal] 'востокъ', *чоктетъ* [©oktet] 'втулка въ бочкѣ', *чана* [©ana] 'галка', *чодъ* [©og] 'гвоздь' [Словарь 1820: 3, 7, 8, 9, 10]; *Пушь* [pu©] 'Жердь', *Чана* [©ana] 'Галка', *Кортчогъ* [kor©©og] 'Гвоздь' [Свод 1833: 3, 8, 8].

8. Удмуртская велярная звонкая аффриката *ž* (◁) в рассматриваемых рукописных работах передается одиночной буквой **ж** или буквосочетанием **дж**: *Джомытъ* [◁ot+t] 'сумерки', *Джукъ* [◁uk] 'каша', *Джужытъ* [◁už+t] 'высокій' [Словарь 1816: 2, 9, 18]; *житъ* [◁+t ~ ž+t] 'вечеръ', *жужань* [◁užan ~ žužan] 'восхождение', *жуждаезъ* [◁uždajez ~ žuždajez] 'вышина', *жуасько* [◁uas'ko ~ žuas'ko] 'горю', *джу* [◁u] 'жаръ углей', *джукъ* [◁uk] 'каша' [Словарь 1820: 5, 7, 9, 11, 15, 20]; *Житазе* [◁+taz'e ~ ž+taz'e] 'Вечеръ' [Свод 1833: 4]. Здесь необходимо отметить, что обозначение аффрикаты *ž* буквой **ж** встречается только в словарях 1820 и 1833 года.

9. Палатальная глухая аффриката *č* (©) в словарях 1816 и 1820 года систематически передана буквой **ц** (в позиции перед **ь**, **и** и йотированными гласными **е**, **іѠ**, **ю**, **я**): *Цеберъ* [Seber] 'красота' (3), *Арекциянь* [2rekČan] 'обманъ' (4), *Цирты* [Č+rt+] 'шея', *Цюжонъ* [©užon] 'вѣтникъ, метла' [Словарь 1816: 3, 4, 5, 13]; *бекце* [bekČe] 'бочка', *цилянь* [Čil'an] 'блескъ', *церьсь* [Čers] 'веретено', *уцкысько* [uČk+s'ko] 'взираю', *иворци* [ivorČi] 'вѣстникъ' и др. [Словарь 1820: 3, 5, 9]. В «Своде 1833 года» эта аффриката встречается в

одном единственном слове, где она обозначена буквой **ч**: *Бекче* [bekʧe] 'Бочка' [Свод 1833: 2].

10. Удмуртская палатальная звонкая аффриката **з̣** (ʒ) во всех анализируемых рукописных словарях обозначается одиночной **з** или буквосочетанием **дз** (в позиции перед **ь**, **и** и йотированными гласными буквами **е**, **іѠ**, **ю**, **я**): *Дзяръ* [ʒar] 'зоря', *Бадзимъ визъ* [baʒʒ+m vizʒ] 'великій постъ', *Зязекъ тылы* [ʒaz'ek t+l+ ~ ? z'az'ek t+l+] 'перо гусиное', *Зюць-губи* [ʒuʧ gubi ~ ? z'uʧ gubi] 'грибъ', *Кеньзяль* [ken'ʒal] 'ящерица' [Словарь 1816: 2, 3, 5, 7, 10]; *юрзимъ* [jurʒ+m] 'гадкій', *зярить* [ʒar+t ~ ? z'ar+t] 'голубый', *зець* [ʒeʧ ~ ? z'eʧ] 'добрый', *инзи* [in'ʒ+ ~ ? in'z'+] 'жемчугъ', *дзюсь* [ʒus] 'лавка' [Словарь 1820: 9, 10, 13, 16, 24]; *Адзи* [aʒi] 'Видтль', *Дзедзи* [ʒeʒ+] 'Вороты', *Пекзись* [pekʒiz] 'Бежать (точнее: сбежал – Л. И.)' [Свод 1833: 5, 6, 8].

11. Интервокальное звуко сочетание **-ий-** (-ij-) обозначено ижицей (**і**): *Кіяръ* [kijar] 'огурецъ', *Сіонъ* [s'ijon] 'пища', *Кіонъ* [kijon] 'волкъ', *Піала* [pijala] 'стекло' [Словарь 1816: 8, 9, 12, 13]; *кіонъ* [kijon] 'волкъ', *дэріесь* [derijesʒ] 'грязный' [Словарь 1820: 6, 12]. В «Своде 1833 года» слов с интервокальным **-ий-** не обнаружено.

12. Для обозначения билабиального согласного **d** (°) применяется буква **у** или буквосочетание **ув**: *Уаръ* [°ar] 'слуга', *Увадь* [°ad] 'выдра', *Уалесь* [°al'es] 'перина, постеля' [Словарь 1816: 4, 12, 15]; *уадь* [°ad] 'выдра', *уалисько* [°al'is'ko] 'стелю', *уармумы* [°artum+] 'теща' [Словарь 1820: 8, 42, 44]. Как видим из примеров, в словаре 1820 года этот согласный передается только буквой **у**. В «Своде 1833 года» слов с инициальным **d** (°) не обнаружено.

13. В лексикографических работах первой половины XIX века, за исключением «Свода 1833 года», в некоторых словах встречается заднеязычный сонант **ɲ**, который передается буквой **н**: *Сэрегъ пунь* [sereg puɲ] 'головня', *Пуртлень банызъ* [purtlen baɲ+z] 'вострие' [Словарь 1816: 14, 15];

серекпунь [serekpɨŋ] 'головня', *бань* [baŋ] 'лице', *гырпунь* [g+rɨpɨŋ] 'локоть', *пельпунь* [pel'pɨŋ] 'плечо' [Словарь 1820: 10, 25, 34].

2.6.1.5. Элементы орфографии в рукописных словарях первой половины XIX века

1. Удмуртские сочетания *жы* и *шы* систематически пишутся через букву *и* (**жи** и **ши**): *Мыжикъ* [m+ž+k] 'кулакъ', *Кужикъ* [kuž+m] 'сила', *Кежи* [k2ž+] 'горохъ', *Шидъ* [š+d] 'похлебка, щи', *Пужикъ* [puž+m] 'сосна' [Словарь 1816: 5, 6, 7, 8, 10]; *житлень* [ç+tlen ~ ? ž+tlen] 'вечерній', *кежилень* [k2ž+lɛn] 'гороховый' [Словарь 1820: 5, 11]; *Житазе* [ç+taz'e ~ ? ž+taz'e] 'вечеръ', *Ширъ* [š+r] 'гадь (мышь)', *Кыжи* [k2ž+] 'Горохъ' [Свод 1833: 4, 7, 9].

2. Палатальность парных согласных перед *ы* обозначается последующей буквой **и**: *Сизиль* [siz'+l] 'осень', *Кузимъ* [kuz'+m] 'подарок', *Дасъ-кони* [das-kon'+] 'гривна', *Юрмули* [jurtul'+] 'клюква', *Мылимъ* [m+l'+m] 'блинъ' [Словарь 1816: 2, 3, 7, 8, 9]; *возиттемъ* [voz'+ttem] 'безстыдный', *пули* [pul'+] 'волдырь', *пудоду* [pu d2d'+] 'дровни' [Словарь 1820: 3, 5, 14]; *Кони* [kon'+] 'Бтлка', *Голикъ* [gol'+k] 'Гольй', *Сизимъ* [s'iz'+m] 'Семь' [Свод 1833: 3, 9, 14].

3. Велярность конечных согласных, согласных середины слова (в основном после первого компонента сложных слов) обозначается последующим **ъ** (ер), например: *Цилекьянь* [Cil'ekjan] 'молнія', *Лулъгажамъ* [lulgažam] 'душевный', *Куанеръ* [kʰan'er] 'бтдный' [Словарь 1816: 2, 17, 19]; *сelykтемъ* [s'2l+ktem ~ ? s'el+ktem] 'безгртшный', *есъконъ* [2skon ~ ? eskon] 'блевотина' [Словарь 1820: 1, 3]; *Уръ-бо* [urbo] 'Блоха [точнее: клоп – Л. И.]', *Инь-маръ* [inmar] 'Богъ', *шеръ* [šer] 'Брусъ' [Свод 1833: 1, 2, 3].

2.6.1.6. Обозначение удмуртских звуков в рукописных словарях перв. половины XIX века (таблица 4)

удмуртские	Словарь 1816	Словарь 1820	Свод 1833
------------	--------------	--------------	-----------

звук			
ö (2)	е, э, о, а	о, э	ы
ы (+)	ы	ы	ы
– инициальн. ы	и	и	ы
– жы, шы	жи, ши	жи, ши	жи, ши
– мягк. согл. + ы	мягк. согл. + и	мягк. согл. + и	мягк. согл. + и
г (g)	g, г	g, г	г
йö- (j2-)	е, м, э	е, jê	–
жс (ç)	дж	ж, дж	ж
з̄ (z̄)	дз, з	з, дз	дз, з
ч (C)	ц	ц	ч, ш
ч̄ (©)	ч	ч	ч
d (°)	у, ув	у	–
η	н	н	–

Согласно представленной таблице, наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем является звук ö. В словаре 1816 года он воплощен четырьмя буквами, в словаре 1820 года – двумя знаками.

Для передачи на письме инициального звукосочетания йö- в словаре 1816 года использованы три буквы, в словаре 1820 года – один знак и одно буквосочетание.

В словаре 1833 года инициальная ы- впервые обозначается соответствующей буквой русского алфавита **ы**, когда в предшествующих памятниках удмуртской письменности она систематически передавалась литерой **и**.

Как можно заметить, в рукописном словаре 1833 года отсутствует латинская буква **g**, в двух других же она используется параллельно с русской **г**. В последующих памятниках письменности, в частности в Азбуках 1847 года издания данная графема присутствует только в алфавите.

2.6.2. Текстовые памятники

В XIX веке появляется печатная литература на удмуртском языке, главным образом, переводная. Эти издания носят в основном религиозный характер и опубликованы на разных наречиях удмуртского языка (глазовском и сарапульском). Однако язык этих памятников нельзя соотнести с определенным территориальным диалектом, поскольку переводчики и составители при их написании не ограничивались отражением какого-либо одного диалекта, а, как правило, приводили междиалектные дублеты.

Появление объемных текстов – переводов источников христианского просвещения на различных языках Уральско-Поволжского региона, в том числе на удмуртском – обусловлено, в первую очередь, желанием деятелей церкви распространить свое влияние на неграмотное нерусское население глубинки России с целью приобщения их к своей вере.

По этому поводу А. И. Кузнецова [2000: 97] писала: «...большинство финно-угорских и самодийских народов в России, а некоторые народы и за ее пределами (саамы) были объектом миссионерской деятельности: изучение языка инородцев в России было связано с желанием распространения христианства, хотя усилиями отдельных энтузиастов (как русских, так и носителей языка) нередко преследовались и просветительские цели, для достижения которых создавались небольшие словарики и учебные пособия». Переводы на удмуртский язык первой половины XIX века были немногочисленны. Многие из них, составленные на территории распространения различных диалектов, оседали в различных архивах, небольшая часть была издана в Казани – по одной Азбуке и Евангелию на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѣя и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія» [Еванг. Гл.], [Еванг. Гл. Марк] «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѣя на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» [Еванг. Сар.], «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому)» [Азбука Гл.], «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской

печати, буквъ, для обученія вотских дптѣй чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому)» [Азбука Сар.]. Перечисленные памятники были переизданы репринтным способом в 2003 году Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН двумя книгами – [Перв. кн. Глаз., Перв. кн. Сар.].

2.6.2.1. Переводы Евангелия

Работа над переводами Евангелий на удмуртский язык продолжалась более четверти века (с 1818 по 1847 год). Рассмотрим вкратце историю перевода евангелий на удмуртский язык. Христианство у удмуртов, как и у других народов Поволжья, стало распространяться с XV века, и особо массовый характер христианизация приняла в XVIII веке, когда для новокрещенных царь велел строить церкви за счет царской казны и готовить священников из среды удмуртов. Новообращаемые были обнадёживаемы льготами в податях и повинностях. Деятельность церкви и правительства по обращению удмуртов в христианство в середине XVIII века сопровождалась обильными результатами: в какие-нибудь два десятилетия удмурты, в течение целых столетий знавшие и признававшие только языческий культ, были окрещены. Казалось бы, задача была выполнена. Однако после крещения удмуртов, Синоду и Правительству предстояло выполнить другую задачу, еще более трудную, чем первая: утверждение новообращенных в христианской вере, то есть уяснение правил христианской нравственности. Для решения этой задачи Синод предписал архиереям перевести на удмуртский язык Символ веры, десятословие, церковные молитвы и катехизис и представить для проверки в Синод. В 1803 году первые удмуртские переводы были представлены в Синод вятским епископом Амвросием, однако почему-то были оставлены без всякого внимания.

В 1818 году были открыты Вятский и Казанский Комитеты Российского Библейского Общества, которые на самых же первых порах занялись вопросами христианского просвещения и издания удмуртских переводов Евангелия. Это Общество главной своей задачей ставило распространение переводов Священного Писания среди различных народов на их родных языках. Для решения этой задачи нужны были образованные люди из среды

коренных народов. По мнению М. Г. Атаманова, такие люди были: «Левандовский – образованный вотяк, хорошо знающий свой родной диалект, был первым, кто взялся за перевод Священного Писания на язык своих соплеменников. В 1820 году он отослал Библейскому Обществу образец перевода первых десяти глав Евангелия от Матфея с предложением продолжить его, если они [сотрудники Библейского Общества. – Л. И.] сочтут это необходимым. Комитет Библейского Общества, в свою очередь, предложил Левандовскому продолжить начатую работу и передать перевод священникам, знающим язык» (цитируется по: [Атаманов 2006: 14]).

Согласно «Известиям о Библейских Обществах», работа над переводами Евангелий была разделена на две части: перевод Евангелия от Матфея и Марка был поручен «протоіерею с. Святицкаго А. Шкляеву, протоіерею г. Глазова П. Платунову, священникамъ с. Уканскаго Н. Невоструеву и Н. Утробину, с. Балезинскаго – С. Анисимову, с. Еловскаго – З. Кротову и Глазовскому 2-й гильдіи купцу (изъ вотяковъ) Ивану Волкову; переводъ Евангелія отъ Луки поручень священникамъ с. Можговъ Іоанну Анисимову и с. Алнашь Стефану Красноперову, а Евангеліе отъ Іоанна – священникамъ с. Дебесь Павлу Тронину и с. Балезинскаго Стефану Анисимову» [Луппов 1911: 17]. Как видим, работа над переводами была поручена нескольким священникам, а значит первые удмуртские книги – это в какой-то мере результат коллективного труда (см. также [Шутов 1997: 216]). Первые Евангелия (от Матфея и Марка) были переведены ранее двух остальных. Исполненный перевод прочитывался во многих удмуртских селениях и после того, как был признан повсеместно для удмуртов понятным, состоялось постановление Комитета об «отпечатаніи его въ 2000 экземпляровъ» [Луппов 1911: 8]. Однако, в силу некоторых обстоятельств, а именно, оставлением Амвросием Вятской Епархии, епархиальные власти благословили к печати лишь в конце 1823 года. Первые семь страниц напечатанного Евангелия от Матфея в канун Рождества Христова были разосланы в 27 приходов Вятской епархии, чтобы священники во время службы читали Евангелие и на славянском, и на удмуртском языках. 25 декабря 1823 года впервые в истории Удмуртского края зазвучали переводы фрагментов

Библии. Благоприятные отзывы от чтения удмуртских переводов вызвали заботы о скорейшем приготовлении к печати перевода остальных Евангелий. В начале 1824 года и эти переводы были представлены в Санкт-Петербургский Комитет Библейского общества. Разрешения на издание его не последовало, а начавшееся печатание Евангелий от Матфея и Марка было приостановлено. В скором времени в Комитет были представлены рукописи удмуртских переводов Евангелий от Луки и Иоанна. В 1826 году Библейское общество по указу Николая I было закрыто, а удмуртские переводы Евангелий остались в рукописях.

В сентябре 1838 года перевод Евангелий был возвращен Вятскому Епархиальному Ведомству с предписанием Синода поручить кому-нибудь из духовенства тщательным образом проверить и исправить погрешности, неточности против славянского текста и в копиях разослать священникам некоторых удмуртских приходов для прочтения удмуртам. Если перевод будет им понятен, то предоставить его обратно в Синод.

Этим указом Синода для Вятского Епархиального Ведомства началось большое дело по проверке и печатанию переводов, «продолжавшееся свыше 11 летъ» [Луппов 1911: 215]. Рассмотрение переводов было поручено священнику с. Балезино Глазовского уезда Петру Редникову. Он увидел, что переводы соответствуют славянскому тексту, но заметил, что Евангелия переведены на разные наречия удмуртского языка, а именно: Евангелие от Матфея – на сарапульское наречие, а Евангелие от Марка – на глазовское. Для единства перевода Редников перевел и первое Евангелие на глазовское наречие, и свой перевод, а также Евангелие Марка прочитывал перед удмуртами Глазовского уезда, а Евангелие от Матфея (сарапульского наречия) отправил сарапульскому миссионеру. При проверке и этот перевод оказался понятным удмуртским прихожанам. В виду этого преосвященный просил разрешения Синода отпечатать оба перевода. На сделанный в 1843 году Синодом запрос о количестве экземпляров, преосвященный сообщил, что перевод на глазовском наречии (то есть Евангелия от Матфея и Марка – *Л. И.*) «желательно отпечатать въ 500 экземплярахъ, а переводъ на сарапульскомъ наречіи (Евангелие от

Матфея – Л. И.) в 700 экземплярах [Луппов 1911: 216] (по 10 экземпляров на каждую 1000 населения).

В 1844 году Консistorия разрешила печатать переводы в указанном вятским епископом количестве в Казани, в типографии Императорского Университета. По ее мнению, здесь можно найти людей для наблюдения за печатанием и просмотра корректуры. Но после разрешения печатания переводов прошло полгода, и лишь в 1845 году Правление Казанского Университета поставило в известность Консistorию, что распоряжения по печатанию отданы. Корректурa была возложена «на учителя Казанской духовной семинарии Никандра Капачинского» [Луппов 1911: 217]. Ссылаясь на свою болезнь и занятия в семинарии, Н. Капачинский отказался от корректирования перевода, поэтому печатание снова было приостановлено.

Вятская Консistorия предложила командировать в Казань для корректирования перевода казначея Вятского Успенского Трифонова монастыря иеромонаха Климента, о чем и было сообщено Синоду. В 1846 году Синод на это предложение дал свое согласие. Однако Климент в то время занимался корректурой «Начатков христианского учения», поэтому печатание вятских переводов началось лишь в 1847 году и на первых порах шло очень медленно из-за недостатка наборщиков или типографских материалов. Климент был вынужден послать Вятскому епархиальному начальству жалобу на медлительность типографии, просил передать печатание «Начатков» в другую типографию. Но Консistorия не приняла действенных мер к ускорению печатания. Поэтому печатание переводов закончилось лишь через два года.

Перевод Евангелий на удмуртский язык был сложнейшей деятельностью для переводчика/переводчиков и редактора/редакторов, так как им пришлось проделать «...огромную работу в поисках лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов для адекватной передачи русскоязычного материала и выработке определенных норм удмуртского письма» (цитируется по: [Кельмаков 2008: 50]).

Рукописи этих Евангелий послужили источником для написания фундаментальных теоретических и практических трудов XIX столетия –

грамматики удмуртского языка [Wiedemann 1851: 8], работы по классификации удмуртских диалектов [Wiedemann 1958: 224]. Материалы Азбук и Евангелий также были использованы Б. Мункачи при составлении словаря удмуртского языка [Munkácsi 1896: XII–XIV].

2.6.2.2. Азбуки

Азбука на глазовском наречии была составлена священником Иваном Анисимовым, на сарапульском – Григорием Решетниковым, о чем сообщается в конце каждой книги: «Азбуку составилъ и Священную Историю съ Катихизисомъ переложилъ на вотякскій языкъ Миссіонеръ Малмыжскаго округа уканскій священникъ Іоаннь Анисимовъ» [Азбука Гл. 168], «Священную Историю и Катихизисъ переложилъ на Вотякскій языкъ Сарапульской округи села Нылгижикья Христорожественской церкви священникъ Григорій Ршешниковъ» [Азбука Сар. 190]. Кроме того, на последней странице каждой Азбуки сообщается имя корректора: «Корректовалъ и опечатки сія выбиралъ Вятскаго Успенскаго Трифонова Монастыря Казначей Іеромонахъ Климентъ» [Азбука Гл. 174, Азбука Сар. 192].

Азбуки начинаются с алфавита из заглавных и строчных (церковнославянских и русских) букв. Далее представлены слоги из двух-трех букв и удмуртские слова, состоящие из одного, двух, трех и более слогов. В конце каждой книги даются образцы спряжения, склонения и временных форм удмуртских глаголов, а также причастие настоящего времени и деепричастие. Инфинитив назван автором неопределенным склонением. Основную часть Азбук составляют сокращенные переводы Священной Истории и Катехизиса, в начале которых дается ссылка, что данное издание является четвертым. На всех словах в удмуртской части издания проставлено ударение.

Анализируя тексты оригинала (на церковнославянском языке) и переводов из Азбук, нельзя не заметить, что удмуртская часть максимально приближена к оригиналу, то есть предложения очень часто переведены дословно с соблюдением порядка слов в русской части. Это очень хорошо чувствуется в «глазовском» издании. Однако в книге «по сарапульскому» наречию перевод

осуществлен на более высоком уровне: конструкции в удмуртских предложениях в основном отвечают требованиям удмуртского синтаксиса. Возможно, даже из-за этого объем Азбуки на сарапульском наречии получился на 21 страницу больше, по сравнению с Азбукой на глазовском.

2.6.2.3. Графические особенности Евангелий и Азбук 1847 года

В тот период, когда переводились Евангелия, установка Синода требовала соблюдения точности текста подлинника, поэтому переводчики максимально старались сохранять конструкции и даже орфографические особенности оригинала. Для наглядности покажем алфавит, примененный переводчиками, состоящий из следующей 41 буквы:

Аа	Дж/дж	Ии	Нн	Уу	Чч	Мм
Б б	Дз/дз	І і	Оо	Ув/ув	Шш	Ээ
Вв	Ее	Йй	Пп	Фф	щ	Юю
Гг	іô (іо)	Кк	Рр	Өө	ь	Яя
Gg	Жж	Лл	Сс	Хх	Ыы	ѵ
Дд	Зз	Мм	Тт	Цц	ь	

По своей конфигурации и строению буквы приведенного алфавита можно подразделить на следующие группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, щ, ь, Ыы, ѵ, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы: Gg, Іі, ѵ, Өө, Мм;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, іô (іо), Ув/ув.

По поводу использования в удмуртских словах латинской буквы **g** в Азбуках написано: «Поелику немногіе Вотяки, и тм весьма рѣдко произносят букву Г; а всегда почти, по свойству ихъ языка употребляютъ g; для того сія латинская буква g по необходимости въ сей азбукѣ и помѣщена» [Азбука Гл. 2, Азбука Сар. 2]. Однако в текстах Священной истории и кратком катехизисе, а

также ни в одном евангелии данной графемы в удмуртских словах не наблюдается.

Буквы кириллицы **ѵ** и **ѥ**, а также **Ѵ**, **Ѷ** и **Ѹ** в исконно удмуртских словах не встречаются, а наличествуют только в заимствованной из русского или через русский язык лексике, оригинал которой писался через эти графемы, напр.: *ІоаѴамъ* [joafam] 'ІоаѴамъ' [Еванг. Гл. 2]; *мѵроэнь* [mironen] 'мѵромъ' [Азбука Гл. 107]; *Матѥей* [matfej] 'Матѥей', *Ѵома* [foma] 'Ѵома' [Азбука Сар. 92]; *Христось* [hristos] 'Христось' [Еванг. Гл. 4].

Определенные трудности переводчику/переводчикам представляло обозначение специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами русской графики. Из особенностей графики удмуртской части данных памятников необходимо отметить следующие:

1. Своеобразная удмуртская гласная среднего подъема среднего ряда *ö* (2), отсутствующая в русском языке, в большинстве случаев обозначается буквами *э* или *е*, если последняя показывает в основном мягкость предшествующего согласного (в единичных случаях – литерой *о*), напр.: *заридзь-возынь* Капернаумъ карынь [zariᶑ voz+n kapernaum kar+n] 'Въ приморскомъ городѣ Капернаумѣ', *вѣлдскиллям* [vʒldskil'l'am ~ ? veldskil'l'am] 'разлились', *весьасабаіосъ-лы* [vʒs'asabajosl+] 'первосвященникамъ', *эдь-визьмаскэ* [ʒd viz'mas'ke] 'не одумались' [Еванг. Гл. 18, 45, 153, 165] (страницы даются по самим оригиналам памятников, в переизданных книгах см. в верхней части страницы); *восяськизь* [vʒs'as'kiz / vos'as'kiz] 'молился', *Со эзь-басъты* [so ʒz bas't+] 'Онъ не принялъ' [Еванг. Гл. Марк 7, 127]; *кэть* [kʒt] 'брюхо', *восяськины понна* [vʒs'as'k+n+ ponna / vos'as'k+n+ ponna] 'на служение', *сelyкълэсь* [s'ʒl+kles' ~ ? s'el+kles'] 'отъ грѣха', *вѣлдскизь* [vʒldskiz ~ ? veldskiz] 'распространилось' [Азбука Гл. 10, 18, 43, 118]; *вэтынъ* [vʒt+n] 'во снѣгѣ', *этуса* [ʒt'+sa ~ ? et'+sa] 'призвавъ', *бѣрдонъ* [bʒrdon] 'плачь', *пѣясь* [pʒjas'] 'искуситель', *седмамъ* [s'ʒdmat ~ ? s'edmat] 'очерненный' [Еванг. Сар. 5, 7, 10, 15, 24]; *эвэль* [ʒvʒl] 'нѣтъ', *вѣсяськыны* [vʒs'as'k+n+ ~ ? ves'as'k+n+]

'молиться', *сelyктэмь* [s'2l+ktem ~ ? s'el+ktem] 'безгрешный', *кэняосынъке* [k2n'aos+n ke ~ ? ken'aos+n ke] 'съ некоторыми', *эрекцияса* [2rekCasa ~ ? erekCasa] 'обманувъ', *шедскыса* [š2dsk+sa ~ ? šedsk+sa] 'почувствовавъ' [Азбука Сар. 16, 18, 20, 22, 23, 85]. Как видно из примеров, для обозначения фонемы *ö* (2) буква **o** используется в текстах на глазовском наречии.

2. Анлаутное сочетание *йö-* (*j2-*) или *йэ-* (*je-*) обозначено буквами **m**, **e** и **э**: *етскиса* [j2tsk+sa ~ ? jetsk+sa] 'прикоснувшись', *энзе иштыса* [j2nze +št+sa ~ ? jenze +št+sa] 'удивляясь' [Еванг. Гл. 60, 61]; *Со-бордэ етскины-понна* [so borde j2tsk+n + ponna ~ ? so borde jetsk+n + ponna] 'дабы прикоснуться къ Нему'; *энзэ но иштылызь* [j2nze +št+l+z ~ ? jenze +št+l+z] 'и удивился' [Еванг. Гл. Марк 17, 38]; *бордазь етскытэкъ* [bordaz j2tsk+tek ~ ? bordaz jetsk+tek] 'безъ прикосновенія [к нему]' [Азбука Гл. 98–99]; *тмскины* [j2tsk+n + ~ ? jetsk+n +] 'прикоснуться' [Еванг. Сар. 111]; *этсконэнь гине* [j2tskonen gine ~ ? jetskonen gine] 'только прикосновеніемъ' [Азбука Сар. 92].

3. Для передачи анлаутного *ы-* (+) использована **и**: *исътызь* [+st+z] '[он] послалъ', *энзе но иштыса* [j2nze no +št+sa] '[он] удивляясь' [Еванг. Гл. 9, 61]; *истысько* [+st+s'ko] 'посылаю' [Еванг. Гл. Марк 1]; *иргонъ* [+rgon] 'мндъ', *иштыло* [+št+lo] '[они] теряють' [Азбука. Гл. 11, 55]; *истыса* [+st+sa] 'пославъ', *ижъ-ку* [+žki] 'овечья шкура', *иргонъ-эзь* [+rgonez] 'мндъ' [Еванг. Сар. 7, 42, 64]; *иргонъ* [+rgon] 'мндъ', *иштыса* [+št+sa] 'потерявъ' [Азбука Сар. 11, 22]. В Евангелии от Матфея на обоих наречиях и в Азбуках встречаются примеры с начальным **ы**, сходные с написанием по правилам современной удмуртской орфографии: *ымыны-зы* [+m+n+z+] '[они] устами своими', *ыжъ-іосъ-доре* [+žjos dore] 'къ овцамъ' [Еванг. Гл. 112, 116]; *луизъ ыжъживотъэзь возмасъ* [luiz +ž životez voz'mas'] '[он] сдмлался пастыремъ овецъ', *ымынь-но* [+m+n no] 'устами' [Азбука Гл. 25, 148]; *ычыса пукро-эзь* [+čk+sa pukrojez] 'выдергивая плевелы', *ымъ-ме* [+mte] 'уста мои' [Еванг.

Сар. 96, 98]; *ыжпиезь* [+žpije] 'агнца', *ымынымы вазылыны* [+m+n+m+vaz'+l+n+] 'произносить нашими устами' [Азбука Сар. 44, 161].

4. Анлаутное сочетание *йы-* (*j+-*), как правило, передается буквой **и**: *ирь* [*j+r*] 'глава', *гурэзь-илэ* [*gurez' j+le*] 'конец' [Еванг. Гл. 3, 127]; *иралтэсь-вылынъ* [*j+roltes v+l+n*] 'на возглавиі' [Еванг. Гл. Марк 28]; *ибыртыны* [*j+b+rtt+n+*] 'поклониться', *липетъ илазь* [*l'ipet j+laz*] 'на кровлѣ', *игалэ* [*j+gale*] 'стучитесь', *гурэзь-илысь* [*gurez' j+l+s'*] 'съ горы' [Еванг. Сар. 6, 16, 40, 46]; *ибыртъяськомъ* [*j+b+rtjas'kom*] 'поклоняемся', *ирызь* [*j+r+z*] '[его, ее] голова', *илызы* [*j+l+z+*] '[они] размножились', *илоуэнызы* [*j+lo °en+z+*] 'по [ихъ] обычаю' [Азбука Сар. 16, 26, 40, 84]. В Азбуке на глазовском наречии это звукосочетание передается буквой **ю**: *юбыръямъ* [*j+b+rjam*] 'поклоняемый' [Азбука Гл. 16].

5. Звук *э* (*e*) обозначается:

а) буквой **э**: *Авраамълэсь* [*avraamles'*] 'от Авраама', *Солэнь-пучказь* [*solen pu@kaz*] 'въ Ней', *мумизэ-но солэсь* [*tut+ze no soles'*] 'и матеръ Его' [Еванг. Гл. 4, 5, 10]; *Со-вылэ уваскись-сэ* [*so v+le °as'kis'se*] 'сходящего на Него' [Еванг. Гл. Марк 3]; *тупыттэмъ тэлъэн* [*tup+ttem t2len*] 'сильнымъ вѣтромъ', *вузэ* [*vuze*] 'воды', *вылэ* [*v+le*] 'вверхъ' [Азбука Гл. 42, 52, 54]; *лэзизь* [*lez'iz*] '[он] послалъ' *огэзь* [*ogez*] 'иное', *асъмэсь* [*as'mes*] 'мы' [Еванг. Сар. 72–73, 91, 96]; *музьемэзь-но* [*tuzjemez no*] 'и землю', *вылэмъ* [*v+lem*] 'быль', *кылзэсь* [*k+lzes*] 'языки ихъ' [Азбука Сар. 24, 25, 32];

б) буквой **е**: *дзець мыло кыдо* [*ʒeC t+lo-k+do*] 'добръ', *иземълэсь сайкиса* [*iz'emles' sajkasa*] 'пробудясь отъ сна', *тилэдэсь* [*til'edes*] 'васъ' [Еванг. Гл. 4, 5, 12]; *увалэсь-сэ* [*°al'esse*] 'одръ [его]' [Еванг. Гл. Марк 11]; *пилемынъ* [*pil'em+n*] 'въ облактъ', *гине* [*gine*] 'только', *церкэ* [*Cerke*] 'въ храмъ' [Азбука Гл. 51, 54, 74]; *мыллетъ* [*m+l'l'et*] 'царствіе', *заризе* [*zariz'e*] 'въ море', *шонерь* [*šon'er*] 'истинно' [Еванг. Сар. 85, 101, 162]; *виусэзь* [*vijis'ez*] 'убийцу', *этемъ* [*2t'em*] 'позваль', *изэсь азе* [*izes' az'e*] 'на мѣсто каменистое' [Азбука Сар. 26, 34, 95].

Как можно заметить из примеров, употребление э после велярных согласных или е после палатальных – для обозначения фонемы э – довольно непоследовательно.

6. Мягкость согласной перед о и звуко сочетание й + о (орф. ё) обозначено сочетанием графем **iô** (**io**): *кылдысинь-iôсь-лы* [*k+ld+s'njosl+*] 'агнеламь', *кыдiôкынъ* [*k+d'ok+n*] 'далеко'; *усiôзы* [*us'oz2*] 'упадуть' [Еванг. Гл. 16, 112, 114]; *медъ лезiôзь* [*med lez'oz*] 'чтобы отпустиль' [Еванг. Гл. Марк 124]; *сиôтэмъ* [*s'otem*] 'дарованного', *эмышыiôсьлэсь* [*jem+šjosles'*] 'отъ плодовъ', *уваллиô* [*al'l'o*] 'прежнихъ' [Азбука Гл. 22, 25, 55]; *карысыiôсь* [*kar+s'jos*] 'дмлающіе', *отвѣтъ сиôтыса* [*otvet s'ot+sa*] 'отвѣтствуя', *шайтаныiôсызь* [*šajtanjos+z*] 'духовъ', *панаiôсь-лэнъ* [*rapajoslen*] 'у птицъ', *парсыiôсь-лэнъ* [*pars'joslen*] 'у свиней' [Еванг. Сар. 44, 47, 49, 50, 53]; *висиôнъ* [*vis'on*] 'болтзнь', *калыкыiôсызь* [*kal+kjos+z*] 'народы', *сиôтэмъ* [*s'otem*] 'данный', *пастук-iôсь-дорэ* [*pastukjos dore*] 'къ пастырямъ', *тушмоныiôслы* [*tušmonjosl+*] 'врагамъ' [Азбука Сар. 24, 36, 47, 83, 94].

7. Инлаутное сочетание -ий- перед последующей гласной в анализируемых памятниках передается латинской буквой **i**: *сиузы* [*s'ijiz+*] '(они) тли', *озиэнъ* [*oz'ijen ~ oz'+jen*] 'такимъ образомъ', *виузы* [*vijiz+*] '[они] побили' [Еванг. Гл. 119, 133, 166]; *сиэно юэно* [*sije no jue no*] '[он] мсть и пьеть' [Еванг. Гл. Марк 12]; *зарниасько* [*zarn'ijas'ko*] 'золочу', *квиньметіазъ* [*kvin'metijaz*] 'въ третій', *изъ-интіэ* [*iz intije*] 'на мсто каменистое' [Азбука Гл. 13, 17, 89]; *энь куйкіяськэ* [*en kujkijas'ke*] 'не будьте унылы', *сиузь-но* [*s'ijiz no*] '[он] тль', *кэсэктэмъ кіô* [*k2sektek kijo*] 'сухорукій', *виозы-но* [*vijoz+ no*] 'и убьютъ' [Еванг. Сар. 34, 80, 81, 131]; *кыктэт-іязь* [*k+ktetijaz*] 'во второй', *Инмаръ инт-іе* [*inmar intije*] 'за Бога', *піезлы* [*pjezl+*] 'сыну', *бусі-т* [*busije ~ bus+je*] 'въ поле' и др. [Азбука Сар. 17, 31, 38, 83].

8. Удмуртские аффрикаты обозначаются, по традициям памятников письменности XVIII века, теми же буквами или их сочетаниями:

а) для передачи глухой велярной аффрикаты č (č) применяется буква ч: *чукна-но* [čukna no] 'поутру', *кэчэ* [k2če] 'какой', *пилемь-пучкысь* [pil'em pučk+s'] 'изъ облака' [Еванг. Гл. 120, 126, 127]; *соось-лэнь пучказь эвыль-на выжы-эзь* [sooslen pučkaz 2v2l na v+ž+ez] 'но не импюють [они] корня въ себѣ' [Еванг. Гл. Марк 25]; *чук-налъ* [čukpal] 'востокъ', *увачкала* [°ačkala] 'древній' [Азбука Гл. 11, 116]; *ичкыса кушты* [ičk+sa kušt+] 'вырви [и выбрось]', *чогыса кушты* [čog+sa kušt+] 'отстпки [и выбрось]', *сочеикъ* [s+če ik] 'такой же', *лучкэмъ* [lučket] 'тайный, тайно', *чуказе* [čukaz'e] 'завтра, завтрашній' [Еванг. Сар. 26, 27, 31, 32, 38]; *пучказы* [pučkaz+] 'внутри [ихъ]', *кватіоі чожэ* [kvat'oj čože] 'въ теченіе шести дней', *сыче* [s+če] 'такой', *энь лучкаськы* [en lučkas'k+] 'не укради', *очмесъ* [očmes] 'родникъ' и др. [Азбука Сар. 16, 18, 29, 50, 54];

б) звонкая велярная аффриката ž (ž) обозначается буквосочетанием дж или буквой ж (в основном в Азбуках): *джекъ вылысь* [č2k v+l+s'] 'со стола', *джуто церкъ-мэ* [čuto Cerkte] 'создамъ церковь Мою', *джужитъ* [už+t] 'высокую' [Еванг. Гл. 116, 123, 127]; *джогъ-но потызь* [čog no pot+z] 'и тотчасъ взошло'; *тужь жогэнь* [tuž čogen] 'скоростно', *джегатэкъ но чукна* [čegatek no čukna] 'немедленно поутру' [Еванг. Гл. Марк 22, 122]; *джитъ* [č+t] 'вечерь', *джекъ* [č2k] 'столь', *джины* [č+n+] 'половина' [Азбука Гл. 10, 18, 49]; *джужитъ* [už+t] 'высокій', *джуватыса* [čuvat+sa] 'зажегши', *джужаны* [užan+] 'восходить', *джитланъ* [č+tlan'] 'подъ вечеръ', *джутскизь* [čutskiz] '[он] поднялся' [Еванг. Сар. 16, 23, 30, 49, 51]; *жутэмъ валъ* [čutem val ~ žutem val] '[он] подняль было', *жэкъ* [č2k ~ ček ~ ž2k] 'столь', *жынылэсь уно* [č+n+les' uno ~ ž+n+les' uno] 'большѣ половины', *шунды жужанъ-палась* [šund+ užan palas' ~ šund+ žužan palas'] 'съ Востока' [Азбука Сар. 35, 51, 70, 86];

в) для обозначения глухой палатальной аффрикаты *ч* (*C*) используется графема *ц* (в позиции перед мягким знаком, *и* и йотированными буквами *е*, *ю*, *ю*, *я*), *с* или *ч* (в единичных случаях): *церекъязь* [*Cerekjaz*] 'она кричала', *цютъіосъ-сэ* [*Cutjosse*] 'хромыхъ'; *цурсатэмълэсь* [*C+rsatemles'*] 'отъ закваски', *пачкатозъ* [*paSkatoz*] 'раздавить' [Еванг. Гл. 115, 117, 121, 168]; *ицимень ваисъ мурт* [*iCimen' vajis' murt*] 'женихъ'; *бечеіосъ-но* [*beCejos no*] 'и братья'; *катанци* [*katanCi*] 'завтса' [Еванг. Гл. Марк 13, 21, 129] *циней* [*Cipej*] 'щука', *вакци* [*vakCi*] 'краткая', *соинъ валсе* [*soin valCe*] 'съ нимъ'; *уччаны* [*uCCan+*] 'искать' [Азбука Гл. 12, 15, 34, 111]; *церекъянь* [*Cerekjan*] 'воплъ великій', *ацизъ* [*aCiz*] 'онъ самъ', *чабей-зэ* [*Cabejze*] '[свою] пшеницу', *цетци* [*CeCC+*] 'прыгни', *чорыгасъ* [*Cor+gas'*] 'рыбакъ' [Еванг. Сар. 10, 12, 14, 16, 19]; *цилкыт* [*C+lkt*] 'чистый', *семьяэнызь валце* [*s'emjaen+z valCe*] '[он] съ своимъ семействомъ', *цябей* [*Cabej*] 'пшеница', *пици* [*piCi*] 'маленькій' [Азбука Сар. 19, 28, 40, 41];

г) звонкая палатальная аффриката *ѣ* (*ʃ*) передается буквосочетанием *дз*, а в некоторых случаях – знаком *з* (перед мягким знаком, *и* и йотированными буквами *е*, *ю*, *ю*, *я*): *дзецъясъкисыіосъ* [*ʃeCjas'kis'jos*] 'лицемтры', *курадзэ шайтанъ-энь* [*kuraʃʃe šajtanen ~ ? kuradze šajtanen*] 'бтснуется', *бадзимъ* [*baʃʃ+m ~ ? badz+m*] 'великій' [Еванг. Гл. 112, 115, 116]; *адзіоды* [*aʃʃod+*] 'увидите' [Еванг. Гл. Марк 133]; *дзюрызы* [*ʃur+z+*] '[они] роптали', *дзирдамъ* [*ʃ+rdam*] 'разожженный', *улземъ* [*ulʃem ~ ? ulz'em*] 'воскресшій' [Азбука Гл. 53, 68, 134]; *заридзь іорсынъ* [*zariʃjors+n*] 'близъ моря', *гудзило* [*guʃʃ+lo*] 'подкапываютъ', *адзиськодъ* [*aʃʃis'kod*] 'смотришь', *дзіоскытъ* [*ʃosk+t*] 'тмсный', *бадзимъ* [*baʃʃ+m ~ ? badz+m*] 'великій' [Еванг. Сар. 19, 35, 39, 42, 45]; *зецъсэ* [*ʃeCse ~ ? z'eCse*] 'добро', *зюризы* [*ʃuriz+ ~ ? z'uriz+*] '[они] роптали', *курадзіонъ* [*kuraʃʃon*] 'гортъ', *улзиса султизъ* [*ulʃ+sa sultiz ~ ? ul z'+sa sultiz*] '[он] воскресъ' [Азбука Сар. 16, 17, 55, 132].

9. Для обозначения билабиального согласного *d* (°) применяется буквосочетание **ув**: *увазынырысь-эзь* [^oaz'n+r+s'ez] 'первый', *увань-бурь-но солэнь милемълы луозъ* [^oan'bur no solen mil'eml+ luoz] 'и завладтемъ наслдствомъ его' [Еванг. Гл. 165, 167]; *эзь-ке керты увалліо* [Zz ke kert+ ^oal'l'o] 'если прежде не свяжетъ [он]'; *кинълэнь-ке пель увань кылыны* [kinlen ke pel' ^oan' k+l+n+] 'имтющій уши слышать' [Еванг. Гл. Марк 20, 23]; *увазынырысь нуналазь* [^oaz'n+r+s' nunalaz] 'въ первый день', *Моисей увакыть* [mois'ej ^oak+t] 'около времянь Моисея' [Азбука Гл. 17, 45]; *уватизъ* [^oatiz] '[он] утаиль', *медазь уваськы* [medaz ^oas'k+] 'да не сходить' [Еванг. Сар. 100, 189]; *уваськытызь* [^oas'k+t+z] '[он] сняль' [Азбука Сар. 113].

2.6.2.4. Элементы орфографии в Евангелиях и Азбуках 1847 года

1. Несвойственное русскому языку сочетание *жы, шы* переводчиками обозначено через **жи (жі), ши**: *кужимъ* [kiž+m] 'силы', *сelyко-но выжи* [s'Zl+ko no v+ž+] 'родъ лукавый' [Еванг. Гл. 103, 120]; *пыжинь* [p+ž+n] 'въ лодкѣ' [Еванг. Гл. Марк 33]; *пужимъ* [piž+m] 'сосна', *выжиазь* [v+žijaz ~ ? v+ž+jaz] 'при корнѣ' [Азбука Гл. 11, 36]; *кужимъ* [kiž+m] 'сила', *ширпы-эзь* [š+rp+jez] 'спицу' [Еванг. Сар. 22, 39]; *выжі* [v+ž+] 'корень', *шидъ* [š+d] 'похлебка', *кужимзэ* [kiž+mze] '[его] мощь' [Азбука Сар. 30, 37, 67].

2. Палатальность согласных (*д', з', л', н', с', т' (d', z', l', n', s', t')*) обозначается следующим образом:

1) в абсолютном конце, а иногда и в середине слова – через **ь** (ерь), например: *кизись-ласянь* [kiz'is' las'an'] 'о стятелѣ', *кватътонъ полэсь* [kvat'ton poles] 'въ шестьдесятъ кратъ', *увань* [^oan'] 'есть', *эдъ-визьмаскэ* [Zd viz'mas'ke] '[вы] не одумались', [Еванг. Гл. 94, 95, 145, 165]; *заризь-дорынъ* [zariz' dor+n] 'у моря', *терэмуртъ-лэнь коркасьтызь* [tZremurtlen korkas't+z] 'изъ дому начальника' [Еванг. Гл. Марк 33, 35]; *эмезь* [emez'] 'малина', *азьвыль* [az'v+l] 'прежде', *сульдэрэнь* [sul'deren] 'кумиромъ' [Азбука Гл. 11, 44, 47]; *вань*

калыкъ [van' kal+k] 'весь народъ', кизисъ [kiz'is] 'стятель', ымысь-тызь [+m+s't+z] 'изъ усть [его]', тэльмыризь [tel'm+riz] '[он] умоляль', нимаськозь [n'imas'koz] 'наречется' [Еванг. Свр. 84, 91, 113, 140, 160]; беризъ [beriz] 'липа', косысько [kos+s'ko] 'приказываю', вандысько [vand+s'ko] 'колю, ртжу', витъ сюрсь [vit' s'urs] 'пять тысячъ' [Азбука Свр. 11, 12, 13, 120];

2) перед гласными:

а) а – через букву **я**: тямьсэти [t'am+seti] 'восьмая', уваллянь [°al'an] 'прежде' [Еванг. Гл. 46, 183]; Солэнь-берысязь [solen b2r+s'az] 'за Нимъ' [Еванг. Гл. Марк 33]; азвесько [azves'as'ko] 'серебря', адяміосъ [ad'amijos] 'люди', зарни куняньзэ [zarn'i kun'anze] 'золотого тельца' [Азбука Гл. 13, 44, 53]; ти сярысь [ti s'ar+s'] 'нежели вамъ', жальясько [žal'as'ko] 'Мнѣ жаль', кэняосъ [k2n'aos] 'которые' [Еванг. Свр. 77, 117, 126]; бадяръ [bad'ar] 'кленъ', лэсяна [les'ana] 'кромѣ', адяміэзь [ad'amijez] 'человѣка' [Азбука Свр. 11, 16, 18];

б) э – через **е**, **ье** (**ьэ**) и **м**: няньэзь [n'an'ez] 'хлѣбовъ', пилтмъ [pil'em] 'облако', тиледълы [til'edl+] 'вамъ', увазьнырысь-эзь [°az'n+r+s'ez] 'первый', этеміосълы [2'temjosl+] 'званнымъ', пукисъэнъ-но [pukis'en no] 'сидящимъ' [Еванг. Гл. 118, 127, 164, 165, 169, 182]; висемъ-лэсь катъяскизь [vis'emles' kat'jas'kiz] 'выздоровѣла отъ болѣзни' [Еванг. Гл. Марк 34]; сиземъ дунье [siz'em dun'n'e] 'обшчанный мѣръ', визьезъ [viz'ez] '[его] разумъ', усемъ [us'em] 'упадшее' [Азбука Гл. 43, 45, 57]; шонеръ-зэ [šon'erze] 'справедливость', пенъ-энь [pen'en] 'въ пепелѣ', кэнешъ [ken'eš] 'совѣтъ', лткъ [l'ek] 'злой' [Еванг. Свр. 76, 77, 82, 141]; толэез [tolez'ez] 'луну', сиземэзлы [siz'emezl+] '[его] обшчанію', секыть ужаса [s'ek+t užasa] '[он] тяжкими работами', орцтмъ бере [orCem bere] 'по прошествіи' [Азбука Свр. 31, 33, 41];

в) о – через буквосочетание **іѡ**: кузіѡэзь [kuz'oez] 'господинъ его', сіѡтозь [s'otoz] 'воздасть' [Еванг. Гл. 68, 126]; медъ сіѡтодъ [med s'otod] 'чтобы ты далъ', лезіѡзь [lez'oz] 'отпустить' [Еванг. Гл. Марк 43, 47]; мадіѡіѡ [mad'ojo] 'славень', увалліѡ сямълэсь [°al'lo s'amles] 'отъ прежней наклонности' [Азбука

Гл. 60, 69]; *пеліѡ муртъ* [pel'o murt] 'имѣющій уши [человек]', *сіѡтэмын* [s'otem+n] 'предано', *тысіѡ* [t+s'o] 'зернистый' [Еванг. Сар. 75, 78, 92]; *сіѡтэ-изъ* [s'otiz] '[он] отдалъ', *одигъ диніѡ адымиосъ* [odig din'o ad'amios] 'одинъ родъ' [Азбука Сар. 20, 31];

г) *у* – через *ю*: *люкасъкизъ-но* [l'ukas'kiz no] 'собралось', *сюлворизы* [s'ulvoriz+] '[они] просили' [Еванг. Гл. 90, 115]; *сюлмынъ сюлворэ* [s'ulm+n s'ulvore] 'убѣдительно просить', *люкасъкизы* [l'ukas'kiz+] 'сошлись' [Еванг. Гл. Марк 33, 49]; *люкызъ* [l'uk+z] '[он] раздѣлилъ', *нильсю* [n'+l's'u] 'четыреста' [Азбука Гл. 54, 70]; *сюй-вылэ* [s'uj v+le] 'на землю', *сю полэсъ* [s'u poles] 'во сто кратъ', *сютэмъ лэзины* [s'utem lez'+n+] 'отпустить ихъ голодныхъ' [Еванг. Сар. 92, 95, 118]; *сюдысъко* [s'ud+s'ko] 'кормлю', *сюлэмзэсъ* [s'ulemzes] 'сердца', *сюдыса-вордыса* [s'ud+sa-vord+sa] 'воспитывая' [Азбука Сар. 13, 26, 42];

д) *ы* – через *и*: *ниль сюрсъ муртъ* [n'+l's'urs murt] 'четыре тысячи человекъ', *утины* [ut'in+] 'сберечь' [Еванг. Гл. 119, 125]; *возины* [voz'+n+] 'сохранить', *циниѡсъсэ Аслэсътызъ* [Cin'+josse asles't+z] 'персты Свои' [Еванг. Гл. Марк 51, 55]; *сизимэти нуналъзэ* [s'iz'+meti nunalze] 'седмій день', *каниль* [kan'+l] 'спокойствіе', *чуни* [Cun'+] 'жеребенокъ', *изи* [iz'+] 'шапка' [Азбука Гл. 18, 56, 96, 103]; *ози* [oz'+] 'такъ', *кызи* [k+z'+] 'какъ', *утины* [ut'+n+] 'охранять', *азинъ* [az'+n] 'передъ', *сизимъ* [s'iz'+m] 'семь', *тази* [taz'+] 'такъ', *кузимъ* [kuz'+m] 'даръ' [Азбука Сар. 4, 5, 17, 22, 27, 43, 46].

3. Твердость согласного в конце слова, а иногда и в середине – перед падежным окончанием и другими (например, показателем принадлежности), а также вторым компонентом сложного слова – обозначена буквой **ѣ**, по правилам русского правописания того времени: *инмарѣ-лэнъ* [inmarlen] 'Божій', *кулонѣ-энъ* [kulonen] 'смертію', *огѣазэ* [ogaz'e] 'вмѣстѣ' [Еванг. Гл. 15, 112, 175]; *аслазъ гуртазъ* [aslaz gurtaz] '[он] въ домъ свой', *ятырѣгэмъ вераллязы* [jat+rgem veral'l'az+] '[они] болѣе разглашали', *Аслазъ дышетскисыѡсълы* [aslaz d+šetskis'josl+] 'ученикамъ Своимъ' [Еванг. Гл. Марк 55, 56, 57];

шумъпотонъ [šumpoton] 'радостный', *уно калыкълэнъ* [uno kal+klen] 'множества народовъ', *беректэмынъ* [ber+ktem+n] 'переведено' [Азбука Гл. 12, 33, 71]; *лultzэ* [lulze] 'душу [свою]', *юртълы-но* [jurtl+no] 'и дому', *пиняль* [pin'al] 'дитя' [Еванг. Сар. 10, 44, 134]; *ясныкъ* [jasn+k] 'чечевица', *дэраенъ* [derajen] 'плащеницею', *эрыкъмесъ* [er+kmes] '[нашу] волю' [Азбука Сар. 37, 113, 163] и т. д.

4. Наблюдается непоследовательность обозначения удмуртской фонемы э буквой е или т, а также сочетанием ъэ после палатальных согласных и буквой э после велярных: *гуртынъ кылле* [gurt+n k+l'e] 'дома лежитъ', *цилкъитъ дэраенъ* [C+l+k+t deraen] 'чистою плащаницею (полотномъ)', *орцэмъ берэ* [orCem bere] 'по прошествіи' [Еванг. Гл. 47, 228, 230]; *отысьэнъ потыса* [ot+s'en pot+sa] 'вышедши оттуда', *динязъ узъ лезэ* [din'az uz lez'e] 'не приметъ васъ [к себе]' [Еванг. Гл. Марк 37, 39]; *асъ-лэсъ лткъэсъ-іосызь* [asles'l'ekes'jos+z] 'злѣйшихъ его [самого]', *секытъ курадзэ* [s'ek+t kura>ж ~ ? s'ek+t kuradze] 'жестоко бѣснуется', *нянь-эзь* [n'an'ez] 'хлѣбовъ', *перцтмъ луозъ* [perCem luoz] 'будетъ разрѣшено', *шонэръ сюрэсъэнъ* [šon'er s'uresen] 'путемъ правды' [Еванг. Сар. 89, 115, 124, 165]; *шонеръ-судъ-карысь* [šon'er sud kar+s'] 'правосудный', *няньэзь* [n'an'ez] 'хлѣбовъ', *церкы* [Cerkl+] 'церкви' [Азбука Сар. 28, 51, 127].

5. Во всех пяти рассматриваемых письменных памятниках наблюдается непоследовательность в постановке или отсутствии дефиса. Одни и те же формы могут быть написаны и через дефис, и слитно:

а) слова с притяжательными суффиксами, напр.: *кусь кэртонъ-эзь-но* [kuskerttonez no] 'и поясъ его', *эрикъэдъ* [eriked] 'Твое благоизволеніе' [Еванг. Гл. 12, 78]; *со ужъ-зэ* [so u>zze] 'сіе происшествіе', *аслестыдъ кидэ миць шонеръ* [asles't+d kide miC šon'er] 'протяни руку твою' [Еванг. Гл. Марк 9, 16]; *асъ семьяэнызь* [as s'emjajen+z] 'съ своимъ семействомъ' *кыль-зэсъ* [k+lzes] 'языки ихъ', *Инмаръ-эдъ* [intared] 'Богъ твой' [Азбука Гл. 28, 31, 46]; *калыкъ-ме*

[*kal+kme*] 'мой народъ', *вынь-зэ* [*v+nze*] 'своего брата', *атай-эдъ* [*atajed*] 'твой отецъ' [Еванг. Сар. 7, 19, 32]; *мумы-дэ* [*mit+de*] 'твою мать', *асъ кылынызь* [*ask+l+n+z*] 'словомъ Божиимъ [своимъ]' [Азбука Сар. 49, 90]. Как можно заметить по приведенным примерам, в Евангелии, переведенном на сарапульское наречие, дефисное написание в подобных формах систематически выдерживается на протяжении всего текста.

б) конструкции с послелогоми: *кудызь-сярысь* [*kud+z s'ar+s'*] 'о которомъ', *кудызь вылынъ* [*kud+z v+l+n*] 'въ коемъ', *со-доре* [*so dore*] 'къ нему', *гурезь-вылэ* [*gurez' v+le*] 'на гору', *нянь-ласянь* [*n'an' las'an'*] 'о хлѣбѣ', *соось-бордэ* [*soos borde*] 'къ нимъ' [Еванг. Гл. 11, 15, 110, 117, 122, 128]; *калыкъ-тэмъ-азинъ* [*kal+ktem az'+n*] 'въ уединенныхъ мѣстахъ', *Иудея палась-но* [*iud'eja palas' no*] 'и изъ Иудеи' [Еванг. Гл. Марк 9, 17]; *музьемъ пытынь* [*mizjet p+ss+n*] 'подъ землею', *изъ пуль-вылынъ* [*iz pul v+l+n*] 'на доскахъ каменныхъ' [Азбука Гл. 47, 49]; *сюрэсь-вылынъ* [*s'ures v+l+n*] 'на дорогѣ', *югыть азинъ* [*jug+it az'+n*] 'при свѣтѣ', *со-доры* [*so dor+*] 'къ нѣму' [Еванг. Сар. 26, 68, 129]; *Исавэзьно пучкынъ* [*isavez no puSk+n*] 'въ Исавѣ', *Фараонъ азе* [*faraon az'e*] 'къ Фараону', *музьемъ-вылэ* [*mizjet v+le*] 'на землю', *адяміось пэлы* [*ad'amios p2l+*] 'въ мѣрѣ' *бурки-палазь* [*bur ki palaz*] 'по правую руку' [Азбука Сар. 37, 42, 45, 90, 146];

в) формы с падежными окончаниями: *гумыэнъ шудысьіосызь* [*gum+en šud+s'jos+z*] 'свирѣльщиковъ', *эрыкътэкъ* [*er+ktek ~ ? eriktek*] 'безъ воли', *книга тодысьіосъ-лы* [*kn'iga tod+s'josl+*] 'книжникамъ', *Инмаръ-лэнъ* [*inmarlen*] 'Божій' [Еванг. Гл. 59, 69, 153, 172]; *нопъ-лы* [*popl+*] 'священнику', *коркаэ* [*korkae*] 'въ домѣ' [Еванг. Гл. Марк 9, 19]; *пи-лэнъ* [*pilen*] 'у сына', *соось-лы* [*soosl+*] 'имъ', *карііосъысь* [*karjos+s'*] 'изъ городовъ' [Еванг. Сар. 1, 59, 106]. Необходимо отметить, что в евангелии, переведенном на сарапульское наречие, а также в евангелии от Марка (на глазовском наречии) дефисное написание падежных окончаний встречается чаще, а в Азбуках (и по

глазовскому, и по сарапульскому) подобные формы пишутся слитно: *сelyкэ пырыса* [s'2l+ke p+r+sa] 'въ состояніи грѣха', *Инмарълы* [inmarl+] 'Богу', *Каинълэсь* [Kainles'] 'отъ Каина', *калыкълэнъ* [kal+klen] 'міра' [Азбука Гл. 24, 25, 26, 35]; *Инмарэдлы* [inmaredl+] 'Богу твоему', *книгаинъ* [kn'igajin] 'въ книгахъ', *кырынъ* [kar+n] 'въ пустыни', *бускелькалыкълэсь* [buskel' kal+kles'] 'отъ соседнихъ народовъ' [Азбука Сар. 49, 52, 55, 76];

г) глагол с частицей отрицания: *узъ усь* [uz us'] 'не упадетъ', *эдъ оскы* [2d osk+] 'ты усомнился', *эдъ-басътэ* [2d bas'te] '[вы] не взяли', *энъ-ниматскэ* [en n'imatske] 'не называйтесь' [Еванг. Гл. 69, 110, 121, 179]; *эзь-вера* [2z vera] '[он] не говорилъ', *нянь емъ-бастэ ми* [n'an' 2m bas'te mi] 'мы хлѣбовъ не взяли' [Еванг. Гл. Марк 28, 59]; *эзьшетты* [2z ett+] '[он] не находилъ', *энъ лэсты* [en les't+] 'не сотвори', *ціѡціѡро энъ-каръ* [CoCoro en kar] 'не прелюбы сотвори' [Азбука Гл. 26, 47, 48]; *угъ тодъ* [ug tod] 'не знаетъ', *эй курласальды* [2j kurlasald+] '[вы] не стали бы осуждать', *узъ кысь* [uz k+s] 'не погасить', *эзь-ярятэ* [2z jarate] '[они] не любили' [Еванг. Сар. 78, 80, 83, 168]; *энъ лэсты* [en les't+] 'не сотвори', *энъ лучкаськы* [en lu@kas'k+] 'не укради', *эзь-шедътэ* [2z šed'te] '[они] не нашли', *угъ-косы* [ug kos+] '[он] не заставляетъ' и др. [Азбука Сар. 49, 50, 53, 170]. Примечательным является то, что в Азбуке на глазовском наречии данные формы пишутся и через дефис, и слитно, и раздельно.

д) слова с частицами: *ненокинъ-но* [n'epokin no] 'никто', *вицякъ-сэ-икъ* [viCakse ik] 'ихъ всехъ', *кэня бенъ* [k2n'a ben] 'и сколько', *коросъѡсъ-кадъ* [korosjos kad'] 'гробамъ подобно', *тырмытэ-ини* [t+rm+te ini] 'дополняйте' [Еванг. Гл. 78, 82, 121, 183, 184]; *энъ-но-вера нокинъ-лы-но* [en no vera pokinl+no] 'и не рассказывай никому', *тупатыны-но долакъ-икъ* [tupat+n+no dolak ik] 'и устроить все' [Еванг. Гл. Марк 61, 66]; *будзимъзэ кадъ* [bu>imze kad' ~ ? bu>>+mze kad'] 'какъ первенца', *азлонъ-но* [az'lon no] 'и впредь', *Инмарлы кадъ* [inmarl+ kad'] 'какъ Богу' [Азбука Гл. 37, 42, 53]; *неномыръ-но* [n'epom+r no]

'ничего', *шунды кадь* [šund+ kadʹ] 'какъ солнце', *усьтыса бонъ* [us't+sa bon] 'возведши же' [Еванг. Сар. 98, 100, 128] *ассэно* [asse no] 'и себя', *визьтэмъ-кадь луизъ* [viz'tem kad' luiz] '[он] болме помрачился', *соку-икъ* [soku ik] 'въ то же время', *улоссэ-но* [ulosse no] 'и царство свое', *нимазъ-икъ* [n'imaz ik] 'особенно часто' [Азбука Сар. 40, 47, 51, 63, 66] и др.

По приведенным примерам можно заметить, что перебои в написании (дефисном, слитном) в Евангелиях и Азбуках наблюдаются в огромном количестве слов.

2.6.2.5. Обозначение удмуртских звуков в текстовых памятниках первой половины XIX века (таблица 5)

удмуртские звуки	Евангелие от Матфея (Гл.)	Евангелие от Марка (Гл.)	Азбука (Гл.)	Евангелие от Матфея (Сар.)	Азбука (Сар.)
ö (2)	э, е, о	э, е, о	э, е, о	э, е	э, е
ы (+)	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы
– иниц. ы	И, Ы	И	И, Ы	И, Ы	И, Ы
– жы, шы	ЖИ, ШИ	ЖИ, ШИ	ЖИ, ШИ	ЖИ, ШИ	ЖИ, ШИ
– С' + ы	С + И	С + И	С + И	С + И	С + И
г (g)	Г	Г	Г, г	Г	Г, г
йö- (j2-)	э, е	э, е	э	т, э, е	е
йы- (j+)	И, Ю	И	Ю	И	И
жс (ç)	ДЖ	ДЖ	Ж, ДЖ	ДЖ	Ж
з̣ (z)	ДЗ	ДЗ	ДЗ, з	ДЗ	ДЗ, з
ч (C)	Ц, Ч	Ц, Ч	Ц, Ч, С	Ц, Ч	Ц, С, Ч
ч̣ (C̣)	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч
д (°)	УВ	УВ	УВ	УВ	УВ

Из таблицы видно, что наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем, как и в других вышеисследованных памятниках письменности, является звук *ö*. В Евангелиях и Азбуке на глазовском наречии он передается тремя разными буквами, в текстах на сарапульском диалекте – двумя знаками.

Не менее трудным для передачи на письме так и остается специфическое удмуртское звуко сочетание *йö*, для обозначения которого в Евангелиях на глазовском наречии применены две разные буквы, в Азбуках – по одному знаку, а в переводе евангелия на сарапульском диалекте этот звуковой комплекс передается тремя способами.

Нельзя не отметить и то, что инициальная *ы-* в обеих Азбуках обозначается как знаком **и**, так и соответствующей буквой русского алфавита **ы**. В Евангелии от Марка это явление отсутствует, там анлаутный *ы-* систематически передается литерой **и**.

Слова с латинской **g** встречаются только в самом начале Азбук в алфавите и слогах, но ни в текстах Священной истории и кратком катехизисе, а также ни в одном из Евангелий данная графема в удмуртских словах не наблюдается.

3. Особенности языка памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века

Несмотря на то, что исследование ранних письменных памятников удмуртского языка по своей значимости должно было быть одним из центральных вопросов удмуртского языкознания, до настоящего времени издана только одна книга – «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965а], в которой проанализированы графические, диалектные и лексические особенности материалов 10 памятников письменности. Однако упомянутое исследование, изданное более чем четыре десятилетия назад, страдает неточностями, и некоторые положения, изложенные в нем, требуют пересмотра и уточнения, согласно достижениям современной удмуртской лингвистики.

3.1. Становление и развитие удмуртской графики в XVIII – первой половине XIX века

Как мы отметили выше (см. раздел 1.1.), первые удмуртские слова в материалах путешественников-естествоиспытателей фиксировались при помощи латинской (немецкой) графики (Д. Г. Мессершмидт, Ф. Й. Страленберг, Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер). Пытаясь максимально точно передать услышанные ими специфические удмуртские звуки, отсутствующие в их

родном (немецком) языке, эти исследователи использовали буквы с различными диакритическими знаками и различные буквосочетания.

В дневниках Д. Г. Мессершмидта для записи удмуртских слов было использовано 34 буквы (19 гласных, 15 согласных): **a, â, á, ä, b, d, e, é, æ, g, h, i, ï, j, k, l, m, n, o, ò, ó, ô, ö, p, q, r, s, t, u, ú, û, ü, w, y** и 12 буквосочетаний: **yi – ы (+), öe – звук ö (2), ck – звук к (k) в ауслауте, tsch – аффрикаты ӵ (©) и ч (С), dsh и ds – аффриката ӝ (̈), sh – звонкая шипящая ж (ž), sch – глухая шипящая ш (š), hw и wu – анлаутный билабиальный сонант ʷ (°), ng и hn – заднерядный носовой сонант \.**

Лингвистические материалы Ф. Й. Страленберга в количестве 29 удмуртских слов содержат следующие 22 буквы (8 гласных, 14 согласных): **a, ä, b, d, e, ë, g, h, i, k, l, m, n, o, ö, p, r, s, t, u, w, y** и одно буквосочетание **iö**, использованное для обозначения огубленного гласного передне-среднего ряда среднего подъема ö З(ð).

В словаре Г. Ф. Миллера «Sammlung russischer Geschichte» для записи удмуртских слов применено 25 буквенных изображений (10 – для гласных, 15 – для согласных): **a, ä, b, d, e, ê, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, û, ü, w, y, z**, а также 7 буквосочетаний: **ui – для обозначения гласного ы (+), ie – э (e), dsch – аффрикаты ӝс (̈с), dsj и dsch – аффрикаты ӝ (̈), tsch – аффрикаты ӵ (©) и ч (С), sch – шипящих ж (ž) и ш (š).**

В материалах Й. Э. Фишера удмуртские слова записаны при помощи 34 букв (20 гласных, 14 согласных): **a, à, á, ä, b, d, e, è, é, ê, g, h, i, ì, í, î, j, k, l, m, n, o, ò, ó, p, r, s, t, u, ú, û, ü, w, y** и 8 буквосочетаний: **ui – для обозначения фонемы ы (+), ie, iè и ié – э (e), dsch – аффрикаты ӝс (̈с), ds и dsj – аффрикаты ӝ (̈), sch – шипящих ж (ž) и ш (š).**

Как видим из вышеизложенного, в материалах Д. Г. Мессершмидта и Й. Э. Фишера наблюдается большая пестрота графических знаков (46 и 42 соответственно), особенно для обозначения гласных фонем. Это обусловлено, по нашему мнению, стремлением исследователей предельно точно фиксировать

на письме фонетические особенности удмуртских диалектов, а также из-за отсутствия традиций обозначения звуков удмуртского языка.

Первыми письменными памятниками удмуртского языка, написанными с помощью кириллических букв, являются два стихотворения.

Одно состоит из 24 четырех слов. В нем употреблены 23 буквы (8 гласных, 13 согласных): **а, б, в, д, е, з, и, к, л, м, н, о, р, с, т, у, ц, ш, ъ, ы, ь, э, я** и 2 буквосочетания – **ьо** (орф. ё) и **дч** (орф. з).

Во втором стихотворении для обозначения удмуртских звуков, в том числе диалектных, употребляется 25 букв (8 гласных, 15 согласных): **а, в, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, э, я** и 3 буквосочетания **дз** (орф. з), **ье** (орф. ё), **уа** (диал. у). Заметим, что в этом памятнике впервые для передачи в письме удмуртского специфического гласного среднего подъема среднего ряда **õ** использовано буквосочетание **ье**.

Первым печатным памятником, в котором нашли свое отражение почти все удмуртские звуки, а также некоторые диалектные, являются «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года издания. Специально составленного наглядного алфавита там еще нет, буквы почти полностью заимствованы из кириллицы, добавлена лишь одна латинская **g**. Для передачи удмуртского материала в первой грамматике использовано 38 букв (14 гласных, 22 согласных): **а, б, в, г, g, д, е, ê, ж, з, и, û, î, ï, î, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, Ё, ю, я** и 9 буквосочетаний: **дж** (орф. ж), **дз** (орф. з), **io, iô, îo, iõ, iõ, ьо** (орф. ё), **ув** (диал. у), которые послужили основой для удмуртского алфавита.

В рукописном словаре З. Кротова, написанном в 1785 году, использовано 36 букв (13 гласных, 21 согласная) : **а, б, в, г, g, д, е, ê, ε, ж, з, и, û, î, й, j, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, ю, я** и 5 буквосочетаний: **дж** (орф. ж), **дз** (орф. з), **io, iô** (орф. ё), **ув** (диал. у). Как видим, здесь, по сравнению с первой грамматикой удмуртского языка, не употребляются некоторые буквы с диакритическими знаками (**ï, î, Ё**), но по одной букве заимствованы из латиницы (**j**) и греческого алфавита (**ε**).

При написании своей грамматики «Краткой отяцкія Грамматики Опытъ» (1786) М. Могилин для передачи удмуртских звуков использовал 36 букв (13 гласных, 21 согласная) **а, б, в, г, г, д, е, ê, ε, ж, з, и, і, й, ј, к, ξ, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, ю, я** и 7 буквосочетаний: **дж** (орф. **ж**), **дз** (орф. **з**), **іо**, **іô** (орф. **ё**), **ув** (диал. **ў**), **ѣе, ѣê** (орф. **ё**). Количественный состав использованных букв в грамматике М. Могилина хоть и совпадает с численностью букв словаря З. Кротова, качественно несколько отличается: в первой отсутствует буква **и** с каморой сверху (**î**), но заимствована еще одна греческая – **ξ** (кси), встречающаяся в трех словах. Также в грамматике М. Могилина для обозначения специфического удмуртского **ö** используются два буквосочетания – **ѣе** и **ѣê**, правда, не всегда последовательно.

В книге «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», изданной в 1790–91 годах под редакцией П. С. Палласа, для передачи удмуртских слов использована 31 буква (10 гласных, 19 согласных): **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, э, ю, я** и 3 буквосочетания: **дз** (орф. **з**), **іо** (орф. **ё**), **ув** (диал. **ў**). Аффриката **жс** здесь обозначена буквой **ж**.

В русскоязычном издании материалов Г. Ф. Миллера (1791) для записи удмуртских слов использованы 32 буквы (10 гласных, 20 согласных): **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, э, ю, я** и 2 буквосочетания: **уи** – для обозначения фонемы **ы** (+), **дз** и **дж** – для обозначения **жс** (<). В отличие от словаря П. С. Палласа, в удмуртских словах у Г. Ф. Миллера в одной лексеме встречается графема **х** (*Похчъ-арне* 'Четверток'), которая появилась из-за неудачной транслитерации немецкоязычного варианта словаря – в оригинале было *Poch-arnä*. Кроме того, в миллеровских записях отсутствует буквосочетание **ув** (диал. **ў**).

Примечательным является то, что в этих памятниках письменности, напечатанных после издания грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикт вотскаго языка», в удмуртских словах отсутствуют буква кириллицы **т** и латинская **g**.

В лексических материалах П. Фалька для записи удмуртских слов использованы 24 буквы (6 гласных, 16 согласных): **а, б, г, д, е, и, й, j, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ш, ъ, ы, ь, я** и 3 буквосочетания: **ое** (орф. **ö**), **дш** (орф. **ž**), **дз** (орф. **ž** или **ч**).

В рукописном словаре 1816 года для написания удмуртских слов использованы 34 буквы (12 гласных, 20 согласных): **а, б, в, г, g, д, е, ж, з, и, i, ï, й, j, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, ю, я** и 5 буквосочетаний: **io, iö** (орф. **ë**), **дж** (орф. **ž**), **дз** (орф. **ž**) и **ув** (диал. **ÿ**).

Удмуртский материал в рукописном словаре 1820 года написан теми же буквами, которые использованы в словаре 1816 года. Но в использовании буквосочетаний для обозначения удмуртских звуков наблюдается некоторое различие, заключающееся в следующем: в словаре 1820 года для обозначения звуко сочетания *йо* (*jo*) используется диграф **jö** и отсутствует буквосочетание **ув**. Анлаутный билабиальный сонант здесь обозначен буквой **у**.

В рукописном «Своде некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года для записи удмуртских слов использована 31 буква (11 гласных, 19 согласных): **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, i, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, ю, я** (те же, что в предыдущих рукописных словарях, кроме латинских **g** и **j**, а также ижицы **ï**) и одно буквосочетание – **дз** (орф. **ž**).

В Евангелиях от Матфея на сарапульском (1847 года), Матфея и Марка на глазовском (1847 года) наречиях для записи удмуртских слов использовано 36 букв (11 гласных, 23 согласных) **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, i, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ө, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, т, э, ю, я, v** и 5 буквосочетаний: **io** и **iö** (орф. **ë**), **дж** (орф. **ž**), **дз** (орф. **ž**), **ув** (диал. **ÿ**), причем 5 букв (**ф, ө, х, щ** и **v**) в исконно удмуртских словах не встречаются, а имеются лишь в заимствованной из русского или через русский язык лексике.

В Азбуках на сарапульском и глазовском наречиях впервые приводится алфавит, а для записи удмуртских слов употреблено 37 букв (11 гласных, 24 согласных) – те же, что в Евангелиях, и плюс латинская **g**. Но надо заметить, что буква **g**, хотя и указана в алфавите, в словах-примерах, а также в тексте катехизиса не встречается. В Азбуке на глазовском наречии для обозначения

специфических удмуртских звуков употребляются те же 5 буквосочетаний, что в Евангелиях, а в Азбуке на сарапульском наречии отсутствует диграф **дж**.

Отличительной особенностью графики текстовых памятников 1847 года издания является то, что здесь впервые в большом количестве употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис (черточка), знак ударения, точка, запятая, двоеточие, многоточие, тире, скобки.

Таким образом, удмуртская графика зародилась на основе латиницы в 30-е годы XVIII столетия. Однако уже в 1767 году было опубликовано первое удмуртское стихотворение, написанное с помощью кириллических букв, а издание в 1775 году удмуртской грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» окончательно укрепило позицию кириллицы в обозначении удмуртских звуков. В памятниках письменности удмуртского языка, написанных или изданных после выхода грамматики 1775 года, для передачи удмуртской речи использована кириллическая графика с добавлением некоторых латинских графем. Алфавит впервые был напечатан в Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях в 1847 году.

3.2. Становление и развитие удмуртской «орфографии» в XVIII – первой половине XIX века

В ранних памятниках удмуртской письменности орфографии как нормы в прямом смысле слова еще не было (см. раздел 1.4.1.2.). Но была налична определенная система написания слов, а значит, имелись несформулированные правила (элементы) орфографии.

В письменных памятниках, составленных на основе латиницы, при написании удмуртских слов, конечно же, были применены некоторые элементы правописания немецкого языка. В трех из пяти рассмотренных памятников, написанных на основе латиницы (материалы Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера), в словах, оканчивающихся на гласный звук, очень четко обнаруживается буква **h**, которая, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного. Не без влияния немецкого правописания,

возможно, удмуртские щелевые согласные *з* (*z*) и *з'* (*z'*) в позиции перед гласным звуком, а также в интервокальном положении обозначаются буквой *s*.

С появлением письменных памятников, написанных на основе кириллицы (переводные стихотворения 1767 и 1782 года), были заложены основы (элементы) удмуртской орфографии. В ее формировании решающее значение имела книга «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Конечно, орфографические правила в ней не сформулированы, но, тем не менее, предложены образцы (приемы) написания слов и отдельных морфем, основанные на фонетическом принципе (см. примеры в разделе 2.2.2.):

1) обозначение велярности согласных конца слова, а также середины – перед вторым компонентом сложного слова – буквой **ь** (*ep*);

2) передача на письме удмуртских звукосочетаний *жы* и *шы* буквосочетаниями **жи** и **ши**;

3) обозначение палатальности согласных *д* (*d*), *з* (*z*), *э* (*ʒ*), *л* (*l*), *н* (*n*), *с* (*s*), *т* (*t*), *ч* (*ʃ*) последующим мягким знаком (**ь**), буквой **и** или йотированными буквами **е**, **ю**, **я** и диграфом **іѳ**;

4) единообразное написание показателей родительного (**-лэнъ**), дательного (**-лы**) и творительного (**-ын**) падежей;

5) слитное написание частицы и глагола при отрицательном спряжении.

Необходимо отметить, что эти приемы написания сохраняются и в последующих изданиях (материалы Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и П. Фалька) или рукописных работах (русско-удмуртский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина, удмуртско-русский словарь 1816 года, русско-удмуртский словарь 1820 года и пятиязычный словарь 1833 года) на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х годов) XIX века.

Предложенная в грамматике 1775 года «орфография» без исключений была применена и в текстовых памятниках (Евангелиях и Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях) 1847 года издания. Новшество же в приемах правописания заключается в следующем (см. примеры в пункте 2.6.2.4.):

1) буква **ь** (*ep*), обозначающая твердость согласного, применяется в середине слова не только перед вторым компонентом сложного слова, но и

перед различными аффиксами – падежным окончанием, показателем принадлежности, суффиксом компаратива прилагательных и др.;

2) встречаются перебои в обозначении удмуртской фонемы э буквой е или m после палатальных согласных и буквой э после велярных;

3) наблюдается непоследовательность постановки или отсутствия дефиса в словах с притяжательными суффиксами и частицами, конструкциях с послелогоми, формах с падежными окончаниями, глаголах с частицей отрицания и др.

Таким образом, элементы (приемы) удмуртской орфографии были заложены в грамматике 1775 года. Однако эта ненормированная «орфография», полученная от русской письменности XVIII столетия, в дальнейшем развивалась сторону ухудшения. Так, в текстовых памятниках 1847 года издания наблюдается непоследовательное написание одних и тех же форм слов.

3.3. Диалектные особенности письменных памятников

XVIII – первой половины XIX века

Проблема изучения диалектных особенностей ранних памятников удмуртской письменности не совсем нова. Этот вопрос рассматривался попутно при исследовании удмуртской графики и орфографии или изучении письменных памятников в работах ряда удмуртских исследователей, в число которых входят В. И. Алатырев [1956: 62; 1975а: 14]; Т. И. Тепляшина [1965а: 29, 63–64, 70, 113–115, 221–224, 228–229, 233, 289–293; 1971: 131–138; 1973: 224–226; 1995: IX–XIII; 1998: 199–202]; В. М. Вахрушев [1976: 37–38]; Б. И. Каракулов [1987а: 107; 1991: 116]; Л. Л. Карпова [1997: 27–31]; [Тараканов 1998б: 336]; В. К. Кельмаков [2001а: 11–12; 2001б: 18; 2002а: 118; 2002б: 20; 2008: 36]; В. В. Напольских [2001: 9; 2002: 47] и др. Однако с развитием удмуртской диалектологии данные некоторых вышеперечисленных ученых на сегодняшний день устарели. Нельзя не согласиться также с высказыванием Б. И. Каракулова о том, что «Рассмотрение языка отдельных памятников XIX в. (а также некоторых памятников XVIII века. – Л. И.) происходило в несколько иной

плоскости – в выяснении отдельных диалектных черт, не учитывая стремление к общенародности, к нормированности» [Каракулов 1987а: 103].

3.3.1. Диалектная принадлежность письменных памятников

Общей характерной чертой анализируемых памятников письменности является то, что большинство их составлены на основе языковых данных какого-то определенного диалекта, но с широким привлечением лексического материала других наречий удмуртского языка.

Что касается лексикографического наследия Д. Г. Мессершмидта, как отмечает В. В. Напольских [2001: 9], он исследовал северных (верхне- и среднечепецких) удмуртов, а значит зафиксировал северноудмуртские диалектные особенности удмуртского языка первой трети XVIII века.

Удмуртский материал, зафиксированный в труде Ф. Й. Страленберга, очень незначителен. В его книге нет указания на то, с каких мест были записаны удмуртские слова. Тем не менее, Т. И. Тепляшина, проанализировав его лексические данные, предполагает, «что Страленбергом записан материал юго-западных диалектов» [Тепляшина 1965а: 24]. Другой исследователь удмуртских материалов Ф. Й. Страленберга, сопоставляя результаты своего диалектологического анализа, а также исторических и биографических фактов, связанных с обстоятельствами фиксации материала, не соглашается с Т. И. Тепляшиной: «Не подлежит сомнению, что Ф. И. фон Штраленберг не имел представления об удмуртах, живших в Казанской губернии, для него вотяки – жители исключительно Вятского наместничества. Следовательно, его удмуртские лексические материалы (если к тому же принимать во внимание вероятные пути его следования в Сибирь – с колонной А. Пильстрема, из Сибири – по тому же маршруту, что и Д. Г. Мессершмидт) могли быть получены только от чепецких удмуртов, вероятнее всего – ниже- или по крайней мере среднечепецких: ведь не зря рядом с вотяками он называет каринских (чепецких) татар» [Напольских 2002: 47].

Участник Камчатской экспедиции, историк Г. Ф. Миллер в течение 10 лет своего путешествия изъездил всю Сибирь, составляя маршруты пройденного

пути с описанием этнографии местных народов, в том числе удмуртов, образцов их языков. Т. И. Тепляшина, проанализировав рукописи с удмуртскими материалами Г. Ф. Миллера, замечает, что в них отражен один из южных диалектов [Тепляшина 1965а: 31], о чем свидетельствует запись исследователя в собственной книге «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»: «В бытность мою в Казани с помощью данной мне из тамошней губернской канцелярии толмачей черемисского, чувашского и вотяцкого языков, как по близости от Казани оными языками говорят, собрал я несколько слов, к которым совокупил еще знания на мордовском и казанских татар языках» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 63]). Из данного указания ученого мы узнаем, что удмуртский материал Г. Ф. Миллер собирал у удмуртов, проживающих в окрестностях Казани. В этой же работе, наряду с этнографическим описанием жизни и быта удмуртов, есть утверждение, что в удмуртском языке существуют различные диалекты. Г. Ф. Миллер отмечает наличие диалектов «верхних» (т. е. северных) и «нижних» (т. е. южных) удмуртов. Следовательно, при собирании удмуртских материалов, исследователь заметил отличие диалекта удмуртов северных районов от диалекта удмуртов южных районов.

Материалы академика Й. Э. Фишера, как было уже указано выше (см. раздел 1.4.4), приводятся в монографии Т. И. Тепляшиной, посвященной исследованию памятников удмуртской письменности XVIII века [Тепляшина 1965а: 65–70], но не в полном объеме (всего 37 удмуртских слов). В ней рассматривается графика удмуртских записей этого ученого. По поводу диалектной принадлежности лексического материала, зафиксированного Й. Э. Фишером, Т. И. Тепляшина никаких заключений не делает. Удмуртские материалы Й. Э. Фишера в свое время были объектом исследования венгерского ученого-финно-угроведа Ш. Чуча. В одной из своих статей под названием «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63–80], опираясь на словарь Й. Э. Фишера, этот исследователь заключает, что в удмуртском языке XVIII века или, по меньшей мере, в одном диалекте имеются фонемы $\ddot{o}$ и $\ddot{i}$, которые в настоящее время характерны для южноудмуртских диалектов. По

нашим наблюдениям, в материалах Й. Э. Фишера зафиксированы также фонетические явления, встречающиеся в северноудмуртской диалектной зоне. Наличие некоторых южноудмуртских и/или бесермянских слов и форм, скорее всего, говорит о задействовании нескольких информантов, говорящих на южном диалекте удмуртского языка. Возможно и другое – материал был собран из разных мест проживания удмуртов.

В удмуртском переводе молитвы «Отче наш», записанном И. Аделунгом в начале XIX века, по мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 233], присутствует лексика, характерная для южноудмуртских диалектов. Соотнесенность этого памятника письменности с южноудмуртской диалектной зоной доказывает и употребление в тексте аффикса винительного падежа множественного числа существительных *-ыз (-+z)*.

В первых стихотворениях на удмуртском языке, опубликованных во второй половине XVIII века, по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 226], встречаются слова и морфологические явления, характерные для южноудмуртских диалектов.

В лингвистических материалах П. С. Палласа, как отмечает Т. И. Тепляшина [1965а: 113–114], представлена лексика из разных диалектов удмуртского языка. Этот ученый-путешественник подробно описал свой маршрут, проделанный им в 1773 году на обратном пути из Сибири. «Паллас проезжал по следующим местам, населенным удмуртами: по Каме, реке Таньп <...> останавливался в удмуртской деревне Качак <...> Переночевав в Камбарке, <...> он прибыл в село Сарапул. <...> Далее он ехал через дер. Омга, Чудшая...» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 71]). Таким образом, П. С. Паллас проезжал, главным образом, по территории проживания южных и срединных удмуртов. Наличие же в его словаре лексики северных диалектов, по нашему мнению, можно легко объяснить тем, что при создании сравнительных словарей всех языков мира П. С. Палласу были присланы материалы и по северному диалекту удмуртского языка.

Что касается лексических материалов по удмуртскому языку, собранных П. Фальком, Т. И. Тепляшина [1965а: 120] пишет буквально следующее:

«Относительно диалектной принадлежности приведенных Фальком слов не приходится сомневаться в том, что они южноудмуртские».

Письменный памятник под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 224], «создан на основе материалов южных диалектов». В. М. Вахрушев [1976: 37–38] тоже считает, что в лексическом материале грамматики преобладают слова южного диалекта. По мнению другого ученого, первая грамматика удмуртского языка отражает все наречия и говоры удмуртского языка – южное и северное наречия и срединные говоры [Алатырев 1975а: 14]. Последней точки зрения придерживаются Б. И. Каракулов [1991: 116]: «трудно согласиться с выводами некоторых лингвистов, в качестве основы лексического материала грамматики 1775 года выдвигающих какой-либо конкретный диалект» и В. К. Кельмаков [2001а: 11–12; 2001б: 18; 2002а: 118; 2002б: 20; 2008: 36]: «удмуртский язык первой грамматики примечателен тем, что невозможно определить его точную диалектную основу, хотя при аналитическом исследовании можно обнаружить наличие в его ткани различных диалектных стихий». Мы также считаем, что «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» содержат в себе как южноудмуртские диалектные черты, так и северноудмуртские.

О диалектной принадлежности удмуртско-русского словаря З. Кротова, написанного в 1785 году, казалось бы, говорит само название: села Еловского, то есть он составлен в населенном пункте, расположенном в северноудмуртской диалектной зоне. Т. И. Тепляшина [1971: 131; 1995: IX], проанализировав данный лексикографический труд, отмечает, что в зафиксированных материалах Захария Кротова отражены характерные особенности говора, на базе которого составлен словарь – село Елово, находящееся в северноудмуртской диалектной зоне. Однако здесь же она отмечает о наличии в рукописи некоторых южноудмуртских слов, что объясняет осведомленностью составителя данными разных удмуртских диалектов. Такого же мнения придерживается Л. Л. Карпова [1997: 29]. О наличии в словаре различных диалектных явлений весьма определенно пишет сам З. Кротов: «Что въ семь словарѣ найдутся реченія въ началахъ своихъ съ

положенными въ Грамматикѣ мало или совсемъ несходны, тому причиною не что другое, какъ въ разности мѣсть разное вотяковъ нарѣчїе; однакъ не такое чтобъ современемъ исправлено и въ порядокъ приведено быть не могло» [Кротовъ 1785: 1а]. Таким образом, словарь З. Кротова, как и первую удмуртскую грамматику, нельзя соотнести с каким-либо конкретным диалектом, так как в нем наличны фонетические явления и лексические данные различных диалектов.

Удмуртская грамматика под названием «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» была составлена в 1786 году М. Могилиным, о чем указывается на первой странице рукописи: «Принадлежитъ къ числу книгъ библіотеки Семинаріи Вятской яко истинный плодь семинаріи воспитанника вотяцескимъ новокрещенным Се(?) села Укану священника Михаила Могилина Ч: 21 октября 1786 года» [Могилинъ 1998: 14]. По мнению Т. И. Тепляшиной, которая проанализировала данный письменный памятник удмуртского языка [Тепляшина 1965а: 234–293; 1998: 193–202], в этой грамматике представлен языковой материал северноудмуртских говоров и бесермянского диалекта. Исследователь северных говоров, в частности, среднечепецкого диалекта удмуртского языка Л. Л. Карпова придерживается той же точки зрения: «Кроме характерных северноудмуртских черт, в грамматике М. Могилина отражается и своеобразие бесермянского диалекта» [Карпова 1997: 30]. Мы соглашаемся с этим мнением. Таким образом, рукописная грамматика М. Могилина, помимо диалектных особенностей северноудмуртского характера, также включает в себя языковые явления бесермянского наречия удмуртского языка.

Что касается рукописного словаря 1816 года, судя по его названию, словарный материал был собран попом (священником) Степаном Сидоровым в деревне Елово бывшего Глазовского уезда Вятской губернии. Значит, можно предположить, что в нем зафиксированы особенности северного диалекта удмуртского языка. Однако, как уже отметили выше (см. раздел 2.6.1.1.), лексический материал данного словаря очень близок лексике, изданной в 1775 году в Казани удмуртской грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Таким образом, мы можем заключить, что в этом

лексикографическом труде отражены особенности различных диалектов, как и в первой грамматике удмуртского языка.

Рукописный словарь под названием «Словарь языка вотского», написанный неизвестным автором в 1820 году, по словам И. В. Тараканова, составлен на одном из северных диалектов удмуртского языка: «Употребление звука (у) в позиции (перед – Л. И.) а вместо начального (в) (*уамыштысько, уаськысько, уалисько*), аффрикаты (ц) вместо *тс* и *ч* (*катанци, кытсы*), а также употребление звука (ы) (*пызь, пурьсьмысько*) взамен *и* других южных диалектов и ряд других языковых особенностей дают нам основание предположить, что словарь был составлен на глазовском диалекте удмуртского языка» (цитируется по: [Тараканов 1998б: 336]). Однако, по нашим наблюдениям, некоторые лексемы в словаре представлены двумя удмуртскими словами, например: *ведынь, пеллясь* [*ved+n, pel'l'as'*] 'волшебникъ' [Словарь 1820: 7]; *му, цеце* [*ми, СеСе*] 'медь' [там же: 26]. Причем в большинстве таких случаев составитель приводит различные диалектные варианты одного и того же слова. Также встречается большое количество лексики, встречающейся в зоне распространения южноудмуртских говоров. Таким образом, мы можем заключить, что и в этом лексикографическом труде, как и в предыдущем, отражены особенности различных диалектов удмуртского языка.

Следующий рукописный пятиязычный словарь «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года составлен, как отметили выше (см. раздел 2.6.1.3), служащим имени графов Строгановых Ф. А. Волеговым. Ученые до сегодняшнего времени лишь констатируют факт существования данного памятника удмуртской письменности, а на анализе его особенностей не останавливаются [Алексеев 1977: 133; Баталова 1975: 9; Каракулов 2006: 129; Тепляшина 1965б: 61]. По нашим наблюдениям, в этом словаре фигурирует общенародная лексика. Однако формы удмуртских числительных, обозначающих десятки, образованы с добавлением к числам до десяти слова *дась* 'десять': *кыкъ-дась* 'двадцать', *кватъ-дась* '60', *сизимъ-дась* '70' и др. [Свод 1833: 15]. Подобные формы в свое время были отмечены исследователями в нижнечепецких говорах северного наречия удмуртского

языка [Тепляшина 1970: 171]. О диалектной основе рассматриваемого письменного памятника с большой уверенностью говорить трудно, так как удмуртский материал словаря очень незначителен. Однако, опираясь на формы числительных, можно предположить, что словарь составлен на базе северных говоров удмуртского языка, в частности, нижнечепецких.

Кроме рукописных удмуртско-русских и русско-удмуртских словарей в XIX веке появляется печатная литература, главным образом, переводная. Эти издания были в основном религиозного содержания и выходили на разных наречиях удмуртского языка. Как видно из названий Азбук и Евангелий, изданных в 1847 году в Казани («Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Мат\ея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарччія»), «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Мат\ея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарччія»), «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотских дпттей чтенію на ихъ нарччіи (По Глазовскому)»), «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотских дпттей чтенію на ихъ нарччіи (По Сарапульскому)»), они вышли на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка, причем на глазовском наречии было издано два евангелия – от Матфея и от Марка. Как отмечает Б. И. Каракулов [2006: 131], евангелия от Матфея и Марка также были выпущены отдельными изданиями. С точки зрения многих ученых, язык этих переводных изданий не соотносится с определенным (указанным в книгах) диалектом (подробнее см. пункт 3.2.2.3.) – в них отражены особенности как южноудмуртских, так и северноудмуртских говоров.

3.3.2. Некоторые диалектные явления, зафиксированные в письменных памятниках

Как уже отметили выше, большинство исследуемых письменных памятников составлены с привлечением данных различных диалектов удмуртского языка.

3.3.2.1. Некоторые фонетические особенности

3.3.2.1.1. В области вокализма

1. Выпадение гласного звука:

а) в анлауте, напр.: *ргонь* [rgon] 'красная мндь', *ске* [ske] 'либо' [Кротовъ 1995: 190, 202] (далее в данной главе – Крот.); *робо* [robo] 'телмга', *жгонь* [žgon] 'шерсть' [Могилинь 1998: 40, 43] (далее в данной главе – Мог.); *Робоцерьс* [roboCers] 'ось' [Словарь 1816: 16];

б) в середине слова: *Аськшетъ* [as'kšet] 'запонъ', *Глобурдо* [tloburdo] 'птица', *Крыжъ* [kr+ž] 'кривой, не прямой' [Сочиненія 1775: 7, 26, 35] (далее в данной главе – Соч.); *котракъ* [kotrak] 'вкругъ, кругомъ, круглый, окружность', *крыжъ* [kr+ž] 'не прямой, кривой', *плешь* [pl'eš] 'лысина у человтка, лысый', *слаль* [slal] 'соль' [Крот. 94, 96, 171, 202]; *кучранъ* [kuCran] 'сычь', *слаль* [slal] 'соль', *кшетъ* [kšet] 'платъе (точнее: платок – Л. И.)' [Мог. 21, 22, 27] и т. д.;

в) в конце слова: *Кызь пуй* [k+z' pui] 'пузырь', *Шашъ* [šaš] 'осока', *Дзіозъ* [χoz] 'сверчокъ', *Пезъ* [pZz'] 'рукавицы' [Соч. 20, 21, 26, 33]; *джюй* [ɟij] 'мохъ', *мый* [m+j] 'въ лмтахъ', *озьтазь* [oz'taz'] 'всячески', *пэзь* [pZz'] 'верхніе рукавицы', *тазь* [taz'] 'такъ', *уксіонуй* [uks'o pui] 'денежной мшокъ' [Крот. 49, 140, 156, 189, 214, 230]; *кыжъ* [kZž] 'горохъ', *пуй* [pui] 'мешокъ' [Мог. 31, 32].

Выпадение этимологических гласных начала слова отмечается в верхнечепецких, например, *далтыны* 'уродиться' [Жаракулов 1982: 106], среднечепецких: *dalt(n(* 'уродиться', *sukt(n(* 'угореть' [Карпова 1987: 59], нижнечепецких: *röd* 'плохо, плохой', *далтыны* 'уродиться' [Тепляшина 1970а: 163] говорах северноудмуртского наречия, а также в языке бесермян: *робо* 'телега', *rakman* 'репей' [Тепляшина 1970б: 85] и в говорах периферийно-южного диалекта. По свидетельствам лингвистов, в этой позиции слова чаще всего отпадает гласный у (u), стоящий перед согласными *д* (d), *р* (r) и *с* (s).

Явление апокопы (выпадения ауслаутного гласного) *-ы* находит отражение в статье В. К. Кельмакова «Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке I. Варьирование гласных непервых слогов». Автор связывает это явление

с особенностями развития конечного гласного основы финно-угорского праязыка в пермских языках: «Дублиеты с конечным *-ы* и без него в удмуртском языке междиалектно корреспондируют. Формы *pöзь, жэуи* имеют большей частью северноудмуртский характер, а соотносительные им формы с финальным *-ы* распространены преимущественно (но не исключительно!) в южноудмуртской диалектной зоне...» [Кельмаков 1983: 59].

Выпадение этимологического гласного *ы* (+) отмечается также в средневосточных и некоторых срединных говорах: *poz(+)*res** 'витой, свилеватый', *t2d'man* 'побелка, процесс отбеливания' [Бушмакин 1970: 103].

Случаи выпадения фонемы *ы* (+) исследованы в статье П. И. Воронцова «Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах», в которой автор отмечает несколько условий, при которых в именах и наречных формах наблюдается данное фонетическое явление: «1) рядом с гласным *ы* должны находиться сонорные (*р, л, л', н, н', м*), щелевые (*с, ш, ж*) или взрывные (*д, т, к*); 2) безударное положение гласного; 3) отсутствие рядом сочетания согласных» (цитируется по: [Воронцов 1997: 12]).

2. Прогрессивная ассимиляция гласных по огубленности: *Guduriah* [*gudur-ja*] 'гром', *Punni* [*puni*] 'собака', *Sussui-pu* [*susupu*] 'можжевельник', *Turun* [*turun*] 'трава' [Messerschmidt 175, 191, 199, 202] (далее в этой главе Mes.; примеры приводятся по [Напольских 2002]); *Puni* [*puni*] 'Собака', *Schunut* [*šunut*] 'Тепло, теплый', *Ukur-tschukna* [*ukur Cukna*] 'Ранним утром, очень рано утром' [Miller 49, 58, 59] (примеры приводятся по [Тепляшина 1965a]); *juggut* [*jugut*] 'dies, lucidus [свет, светлый]', *puni* [*puni*] 'canis [собака]', *schunut* [*šunut*] 'calidus [теплый]', *ukur tschukna* [*ukur Cukna*] 'mane [рано]' [Fischer 315, 317, 318, 319] (примеры приводятся по [Csúcs 1984]); *Югум* [*jugut*] 'свет' [Паллас 104] (далее в этой главе Пал.; примеры приводятся по [Тепляшина 1965a]); *Гудури* [*guduri*] 'громь', *Тулус* [*tulus*] 'весна', *Турун* [*turun*] 'трава и стно', *Сусуну* [*susupu*] 'можжевельник', *Бубули* [*bubul'i*] 'бубурка летающая' [Соч. 13, 14, 21, 25, 27]; *гуму* [*gumi*] 'стволь, дудка', *куду* [*kudu*] 'коробь, коробок, лукошко, плетенка, корзина', *пуну* [*puni*] 'песь', *сусуну* [*susupu*] 'стростник,

можжевельникъ', *тулус* [tulus] 'весна', *учу* [uCu] 'соловей', *шуку* [šuku] 'пена'
 [Крот. 43, 97, 182, 206, 222, 247, 268]; *дурунци* [durun'Ci] 'оса', *бургу* [burgu]
 'труба', *пуну* [pɪnu] 'собака', *уйшурь* [ujšur] 'полночь', *муру скаль* [muru skal]
 'яловая корова' [Мог. 30, 44, 45, 47, 57]; *Лумшурь* [lumšur] 'полдни', *Турунь*
 [turun] 'стно', *Кулю* [kul'u] 'шишка', *Пуну* [pɪnu] 'песь' [Словарь 1816: 2, 7, 10,
 13]; *бубули* [bubul'i] 'бабочка', *сукуру* [sukuri] 'коврига', *сусуну* [susupu]
 'можжевельникъ', *песьтурунь* [p2s'turun] 'перець', *лумшур* [lumšur] 'полдни',
шуку [šuku] 'пена', *сюру* [s'uru] 'слега', *кудумули* [kudumul'+] 'черника'
 [Словарь 1820: 1, 22, 25, 32, 35, 37, 40, 46]; *Гудуртэмь* [gudurtem] 'Гроза,
 громь' [Свод 1833: 10]; *турумэзь* [turumez] 'растения', *чукундурись*
 [Čukunduris'] 'креститель', *турумь* [turum] 'трава' [Еванг. Сар. 17, 122, 182].

Данное явление отмечается лингвистами в верхнечепецких: *пуну* 'собака',
пужум 'сосна' [Алашеева 1982: 92; 1990: 9] и среднечепецких: *turum* 'трава,
 сено', *šišu* 'синица' [Карпова 1997: 61; 2005: 48] говорах удмуртского языка, а
 также в речи бесермян: *pižum* 'сосна', *butulka* 'бутылка' [Тепляшина 1970б: 70].
 «Употребление в непервых слогах сильноогубленного гласного *u* (< + под
 влиянием *u* первого слога) характерно в настоящее время для некоторых
 северноудмуртских говоров» (цитируется по: [Кельмаков 1975: 86]).

3. В некоторых словах в первом слоге в позиции перед палатальными сог-
 ласными находим *u* (*i*), напр.: *izi* [iz'+] 'mitra [шапка]', *muis* [miz'] 'ova sturionis
 [икра]', *puis* [piz'] 'farina [мука]' [Fischer 314, 316, 317]; *Ниль* [n'il'] 'четыре'
 [Пал. 113]; *Жили* [žil'+] 'желтзы, кандалы', *Ниль* [n'il'] 'четыре' [Соч. 34, 40];
бизиско [biz'is'ko] 'замужь выхожу, втекаю, посягаю', *киедь* [kijed] 'навозь',
пизь [piz'] 'мука', *кизяско* [kiz'as'ko] 'мочусь', *кизь* [kiz'] 'моча' [Мог. 12, 29, 37,
 76, 88]; *Виль* [vil'] 'новый', *Нильдонь* [n'il'don] 'сорокъ', *Ниль* [n'il'] 'четыре'
 [Словарь 1820: 30, 41, 46]; *дась ниль* [das n'il'] 'четырнадцать', *бизь* [biz']
 'бтги', *нилет-иязь* [n'il'etijaz] 'въ четвертый', *виль* [vil'] 'новый' [Еванг. Сар. 4, 8,
 17, 57].

Данное явление наблюдается в южноудмуртской диалектной зоне (в
 южном наречии и части срединных говоров). В удмуртском литературном

языке и в северных диалектах, а также в части срединных говоров в этой позиции употребляется первичный гласный *ы* [Кельмаков 1977: 29; 1987: 31; 1992б: 76; 1998: 65–66]: южн., пю., бес. *биз'э* 'бежит, выходит замуж' // сев. *быз'э* (*бъз'э*) 'выходит замуж', сред. *быз'э* 'бежит, выходит замуж' (примеры приводятся по: [Кельмаков 1992б: 163]). Согласно Л. Л. Карповой, в отдельных населенных пунктах юкаменского и ярского говоров, относящихся к среднечепецкому диалекту, на месте ожидаемого + спорадически употребляется *i*: *piz'* 'мука', *biz'e* 'бежит; течет; выходит замуж', что возникло, по ее словам, под влиянием бесермянского диалекта [Карпова 1997: 57]. По материалам Т. И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах севернoudмуртского наречия также отмечаются слова с *и* в позиции перед палатальными согласными: *бичи* 'почка, росток', *бизыны* 'выйти замуж' [Тепляшина 1970а: 165]. Данное явление, по нашему мнению, также может быть связано с влиянием языка бесермян.

3.3.2.1.2. В области консонантизма

В области консонантизма можно остановиться на следующих явлениях, отраженных в исследуемых письменных памятниках:

1. Наличие губно-губного согласного *ɥ* (⁰), встречающегося в начале слова перед гласным *a*, напр.: *Hwar* [⁰*ar*] 'раб', *Wuad* [⁰*ad*] 'выдра' [Mes. 177, 207]; *Уатыны* [⁰*at+n+*] 'скрыть', *Уань* [⁰*an*] 'есть', *Уадлянь* [⁰*adl'an*] 'прежде' [Пал. 110, 112]; *Уарь* [⁰*ar*] 'слуга', *Уалесь* [⁰*al'es*] 'перина, постель', *увалиськисько* [⁰*al'is'kis'ko*] 'стелю', *уарасько* [⁰*aras'ko*] 'служу, прислуживаю', *уватысько* [⁰*at+s'ko*] 'храню' [Соч. 15, 33, 103, 106, 104]; *уарь* ~ *уварь* [⁰*ar*] 'слуга', *уадь* [⁰*ad*] 'выдра звтрь', *увалесь* [⁰*al'es*] 'постель', *уваменесь* [⁰*atenes*] 'упорный, упорно, упрямый, упрямо', *уваньбурь* [⁰*an'bur*] 'имтніе, казна, пожитки', *уватонь* [⁰*aton*] 'похороны, погребеніе, укрываніе, утаеніе', *уватцынь* [⁰*ats+n* ~ ? ⁰*acc+n*] 'напротивь, противь' [Крот. 229, 230, 232, 233, 234, 235]; *уадь* [⁰*ad*] 'выдра', *увалесь* [⁰*al'es*] 'постель', *увармай* [⁰*artaj*] 'тесть', *увамень* [⁰*aten*]

’чрезь’ [Мог. 23, 28, 32, 106]; *уазерь* [^oaz'er] ’клыкь’, *уатысько* [^oat+s'ko] ’крою’, *уалесь* [^oal'es] ’перина, постеля’, *уамень* [^oamen] ’поперегь’, *уарасько* [^oaras'ko] ’прислуживаю’ [Словарь 1820: 22, 23, 33, 35, 36]; *увань* [^oan] ’есть, имеется’, *увацт* [^oaCe] ’вдвоём, вместе’, *уvasькы-* [^oas'k+-] ’спускаться, опускаться’ [Еванг Гл. 4, 143, 189]; *увачкала-тырысь* [^oa@kala-t+r+s'] ’издревле’, *уватэмзэ* [^oatemze] ’спрятанное’, *уванумь* [^oarum] ’времена’ [Азбука Гл. 62, 67, 70]; *уватцынь* [^oats+n ~ ? ^oacc+n] ’противь’, *увацткэмь* [^oatskem ~ ? ^oasket] ’укрытие’, *увачкалаось-лы* [^oa@kalaosl+] ’древнимь’, *уватыны* [^oat+n+] ’похоронить’, *уvasькытызь* [^oas'k+tz] ’[он] сняль’ [Еванг. Сар. 14, 23, 26, 113].

По мнению многих исследователей [Uotila 1933: 63–70; Itkonen 1953–1954: 280–281; Лыткин 1964: 24], анлаутный неслоговой ^o в сочетании *ўa-* (^oa-) восходит к общепермскому *^o, который впоследствии в удмуртских и коми диалектах претерпел различные изменения и реализовался в различные звуки. В большинстве удмуртских диалектов этот архаичный звук заместился согласным *в* (*v*), в некоторых же остался без изменения [Кельмаков 1993: 35–36; 2003: 110–111; 2004б: 315–325]. В настоящее время анлаутный ^o употребляется в среднечепецких (*al'es* ’постель’, *amenes* ’упрямый, непослушный’, *armaj* ’тесть’ и др. [Карпова 1997: 68]); нижнечепецких (*ваньбур* ’богатство, состояние’, *ваньмыны* ’быть в дороге, иметь свободное время’ [Тепляшина 1970а: 161]) и закамских (*ўаз'эрпин'* ’клыкь’, *ўайыж* ’оглобля, оглобли’ [Кельмаков 1997: 63; 2004б: 317]) говорах удмуртского языка, а также в бесермянском наречии (*wamen* ’поперек’, *watəš* ’шаг’, *waškala* ’древний, превобытный’ [Тепляшина 1970б: 120]) и среднечепецких говорах (*уадес* ’время, период’, *уаньбуоро* ’зажиточный’, *уаче* ’вдвоем’ [Лыткин, Тепляшина 1959: 220]).

2. Употребление согласного *в* (*v*) в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *а* или *и* (*ква-* // *кви-*), напр.: *Qvaaka* [*kvaka*] ’ворона’, *Kvamen* [*kvam "n*] ’тридцать’, *Qvyn* [*kvyn*] ’три’ [Mes. 194]; *Gidkwa* [*gidkva*] ’Надворные постройки’, *Kwar* [*kvar*] ’Лист’, *Kwat* [*kvat*] ’Шесть’, *Kwamün* [*kvam +n*] ’Трид-

цать' [Miller 49, 53, 60, 61]; *doss-kwin* [*das kvin'*] 'tredecim [тринадцать]', *kwat-don* [*kvat'don*] 'sexaginta [шестьдесят]', *suckwasmen* [*s'ukvas'mon*] 'sitiens [жажда]' (Fischer 313, 316, 318); *Квара* [*kvara*] ~ *Кувара* [*k'ara*] 'голос' (87), *Кварь* [*kvar*] ~ *Куарь* [*k'ar*] 'листь' (95), *Квинь* [*kvin'*] 'три' [Пал. 87, 95, 113]; *Квинь* [*kvin'*] 'три' [Соч. 40] *гидьква* [*gidkva*] 'дворецъ, строение', *кваци* [*kvaži*] 'коростель', *кваретонь* [*kvareton*] 'воплъ, шумъ, крикъ', *квась* [*kvās*] 'лыжи', *квачкас-ко* [*kvačkas'ko*] 'разстаюся, обваливаюся', *сю квасме* [*s'u kvas'me*] 'пить хочется' [Крот. 40, 78, 79, 80, 81, 210]; *квাকা* [*kvaka*] 'ворона', *квалекянъ* [*kval'ekjan*] 'горячка', *кварь* [*kvar*] 'листь', *квинь* [*kvin'*] 'три', *квасаско* [*kvāsas'ko*] 'гну, загибаю' [Мог. 19, 21, 23, 59, 77]; *Квака* [*kvaka*] 'Ворона', *Кватъ* [*kvat'*] 'Шесть' [Свод 1833: 6, 14]; *квара* [*kvara*] 'гласъ', *квиньмети* [*kvin'meti*] 'третія', *кватэти* [*kvat'eti*] 'шестой', *кварьіосъ* [*kvarjos*] 'листья' [Еванг. Сар. 10, 11, 31, 162]; *квазинь* [*kvaz'+n*] 'въ воздухъ', *квара* [*kvara*] 'звукъ', *квачказъ* [*kvačkaz*] 'обвалился' [Азбука Сар. 20, 48, 56]; *квинь* [*kvin'*] 'три', *кванерь* [*kvān'er*] 'бедный', *квара* [*kvara*] 'голосъ' [Еванг Гл. 11, 73, 90]; *квиньметязъ* [*kvin'metijaz*] 'въ третіихъ', *квалектызъ* [*kval'ekt+z*] 'потряслась' [Азбука Гл. 17, 104].

Относительно возникновения *в* (*v*) или *ў* (^o) после *к* перед гласными *а* (*a*) или *и* (*i*) в вышеприведенных словах мы придерживаемся мнения Д. В. Бубриха, который развитие *в* (или неслоговое *ў* в северноудмуртских диалектах) объяснял следующим образом: *к* перед *о* в прошлом имел некоторую степень огубленности. Когда *о* в каких-то условиях перешло в *а*, предшествующий *к* не утратил огубленности, а выделил огубленный «пазвук», который дальше развился в *в* [Бубрих 1948: 79]. С подобным мнением соглашаются И. В. Тараканов [1964: 78; 1998д: 141] и Л. Л. Карпова [1997: 69]

Это явление в свое время было отмечено лингвистами в нижнечепецких (*ква* 'древний шалаш из бревен или досок', *квাকা* 'ворона', *квинь* 'три' [Тепляшина 1970а: 163]) и некоторых северноудмуртских (*квинь* 'три' [Вахрушев 1959: 231]) говорах.

Согласно В. К. Кельмакову [1998: 84–85; 2004б: 250–251], диалектные зоны анлаутных $^o a-$ ($\sim va-$) и $k^o a-$ ($\sim kva$) не совпадают: $k^o a-$ распространено на значительно большей территории, нежели $^o a-$, то есть звукосочетание $k^o a-$ возможно и в тех диалектах, где уже утрачен анлаутный ^{o} ($\sim v$). Употребление же $kva-$ ($kvi-$) при наличии инициального $^o a-$ характерно в настоящее время для нижнечепецких говоров северного наречия: *вазьыны* 'откликнуться, ответить', *валэс ю* 'яровые хлеба' и *квар* 'лист (дерева)', *кватъ* 'шесть' (примеры даются по: [Тепляшина 1970а: 61, 63]).

3. Упрощение инлаутной (корневой) консонантной группы $-pCC-$ в $-pC-$, например: *Кускертон* [*kuskerton*] 'пояс', *Вортыны* [*vort+n+*] 'возить' [Пал. 101, 107]; *Мертеть ну* [*mertem pu*] 'сад', *Кускертонъ* [*kuskerton*] 'опояска', *Циркемъ* [*C+rket*] 'быстрый', *курцисько* [*kurCis'ko*] 'кусаю' [Соч. 24, 32, 39, 100]; *бурцинъ* [*burCin*] 'шолк, шолковый', *орциско* [*orCis'ko*] 'перетжжаю, прохожу', *перциско* [*perCis'ko*] 'развязываю, распутываю, решу, отрешаю', *сертыско* [*sert+s'ko*] 'распростираю, отвиваю', *тыртемъ* [*t+rtem*] 'порожній, пустой' [Крот. 15, 158, 168, 196, 227]; *кертыско* [*kert+s'ko*] 'вяжу, связываю', *курцилыско* [*kurC+lis'ko*] 'кусаю, грызу', *орциско* [*orCis'ko*] 'продолжаю' [Мог. 82, 84, 88]; *Мертеть ну* [*mertem pu*] 'садъ', *Циркемъ* [*C+rket*] 'быстрый', *Вертасько* [*vertas'ko*] 'шатаю', *Курцисько* [*kurCis'ko*] 'кусаю', *Куэме кертысько* [*kueme kert+s'ko*] 'подвязываюсь' [Словарь 1816: 12, 19, 21, 22, 23]; *курцилысь* [*kurCil+s'*] 'кусака' (24), *сярци* [*s'arC+*] 'рппа' (30); *юртысь* [*jurt+s'*] 'вспомогатель' (8), *кертысько* [*kert+s'ko*] 'вяжу' (9), *кускертонъ* [*kuskerton*] 'поясь' [Словарь 1820: 36]; *Керты* [*kert+*] 'Вязаль', *Вортимъ* [*vortim*] 'Возиль (точнее: мы возили – Л. И.)' [Свод 1833: 7]; *туртэ валь* [*turte val*] '[он] хотелъ было', *кертыло* [*kert+lo*] 'связывають', *луозъ сэртэмэ* [*luoz serteme*] 'смогу разрушить' [Еванг. Сар. 7, 178, 215]; *юртэтсэ* [*jurtetse*] '[его] помощь', *туртэ валь* [*turte val*] '[он] хотелъ было' (Азбука Сар. 58, 79); *орци* [*orCi*] '[я] прошел', *керты-* [*kert+-*] 'вязать', *серты-* [*sert+-*] 'распутать' [Еванг Гл. 24, 85, 215];

мертэмынь [mertem+n] 'посажень', *орцемья* [orCetja] 'через' [Азбука Гл. 20, 79].

Как отмечает В. К. Кельмаков [1998: 108–110], данное явление свойственно кукморскому, шошминскому и красноуфимскому говорам периферийно-южного наречия и бесермянскому наречию удмуртского языка, а также отдельным населенным пунктам Ярского района Удмуртской Республики: *вэртань* Е 'качать (в колыбели)' // лит. *веттаны*; кукм. *вэртань*, сев. *верттаны*; круф. (?) *вэртань* 'качать люльку'; *мэрчан* Е Ш, *мерчам* Е ~ *мерччан* УЛ 'посконь' // лит. *мертчан*; кукм. *мерчан*; южнК. *мэрччан* (примеры приводятся по: [Кельмаков 2004б: 158]).

Большинству удмуртских диалектов – северному наречию, срединным говорам, южному диалекту, некоторым периферийно-южным говорам (балтасинскому, татышлинскому, бавлинскому и канлинскому) – упрощение данной корневой консонантной группы не характерно [Кельмаков 1998: 110].

4. Использование в определенных словах носового согласного *η*: *Ваη* [baη] 'Щеки' [Miller 44]; *Пельпунгь* [pel'puiη] 'шея', *Гырпунгь* [g+ruiη] 'локоть' [Пал. 85]; *Ужьпунь* [už'puiη] 'дтло', *Бань* [baη] 'щека, лицо', *Чангь* [Caη] 'чань' [Соч. 14, 18, 32]; *Сэрегь пунь* [sereg'puiη] 'головня', *Пуртлень банызь* [purtlen baη+z] 'вострие' [Словарь 1816: 14, 15]; *серекпунь* [serek'puiη] 'головня', *гырпунь* [g+ruiη] 'локоть', *пунызь* [puiη+z] 'начало', *пельпунь* [pel'puiη] 'плечо' [Словарь 1820: 10, 25, 29, 34].

Носовой согласный *η* – это наследие финно-угорского языка-основы [Renttilä: 108]. Как отмечают ученые, фонема *η* употребляется в фонетической структуре слова в трех позициях (в инлауте между гласными, в инлауте после гласного звука перед согласным и в ауслауте) и встречается в настоящее время в южном наречии – кукморском, буйско-таныпском, татышлинском, бавлинском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта и южном диалекте [Кельмаков 1968: 188; 1998: 82–83; Насибуллин 1978: 93; Тараканов 1998в: 13–14], а также в качестве комбинаторного или позиционного варианта согласного *н* в среднезападных (увинско-вавожских): *баη* 'лицо', *доηгыны*

'толкнуть, впихнуть', *aŋa* 'полоса земли', *čaŋa* 'галка' и др. [Зверева 1982: 62; Тараканов 1998г: 100]; среднеюжных: *aŋ* 'челюсть', *čaŋa* 'галка', *сиŋыс* 'нитка' [Архипов 1978: 9] и граховских: *диŋ* 'комель', *с'иŋкыл'и* 'слеза', *диŋсыз* 'упрямый' [Атаманов 1981: 50; 2005: 170] говорах, а также в бесермянском наречии: *tunŋon* 'висячий замок', *aŋgeslə* 'нижняя челюсть', *kuŋgan* 'железный или самодельный умывальник' [Тепляшина 1970б: 126]. В говорах северного наречия и части срединного диалекта, как отмечает И. В. Тараканов [1998г: 100], а именно глазовских, игринских, бalezинских, шарканских, якшур-бодьинских и старозятцинских удмуртов, велярный *ŋ* совсем исчез, заменившись другими носовыми согласными (*m, n, n'*). Процесс постепенного вытеснения фонемы *ŋ* в удмуртских диалектах другими носовыми согласными, по утверждению В. К. Кельмакова [1998: 83], продолжается и в настоящее время, о чем свидетельствует варьирование частотности употребления этого звука в речи представителей различных возрастных групп.

5. Употребление глухой велярной аффрикаты *č* (©) в инлауте перед согласным *к*: *Вычки* [*v+©k+*] 'кадка' [Пал. 101]; *Пучказь* [*pu©kaz*] 'внутри' [Соч. 110]; *дучесь* [*du©es*] 'ястребь', *лучкаско* [*lu©kas'ko*] 'краду, вору, расхищаю', *чатча* [*©a©©a*] 'лтссь', *чочкыть* [*©o©k+t*] 'гладкий, ровный' [Крот. 56, 123, 254, 257]; *Нянь пучкезь* [*n'an' pu©kez*] 'мякишь', *Вычки* [*v+©k+*] 'кадка', *Лучкаско* [*lu©kas'ko*] 'ворую', *Чочкыт карысько* [*©o©k+t kar+s'ko*] 'ровняю' [Словарь 1816: 9, 14, 22, 23]; *вучкетонь* [*vu©keton*] 'бормотание', *пучказь* [*pu©kaz*] 'внутри', *вычки* [*v+©k+*] 'кадка' [Словарь 1820: 2, 6, 20].

Подобное явление отмечается исследователями в верхнечепецких (*бычкатыны* 'уколоть, воткнуть, вонзить', *мучко* 'лукошко' *чоцаны* 'оказаться, очутиться вместе' [Тепляшина 1957: 127]; *чоц* 'вместе', *чуцкон* 'полотенце', *луцкэм* 'втихаря' [Алашеева 1982: 92]), среднечепецких (*бьчкны* 'колоть, уколоть', *ицкны* 'рвать', *Си©кон* 'полотенце', *v(©k(* 'кадка' [Карпова 1987: 100; 1997: 79]; *бьчкнь* 'колоть, уколоть', *нуць* 'колотушка' [Лыткин,

Тепляшина 1959: 221]) говорах северноудмуртского наречия, а также в прикильмезских (*i*Ск+n+ 'теребить (лен), рвать цветы' [Загуляева 1980а: 8]) и граховских (*čüčün* 'стереть, подтереть, зачеркнуть', *čöčatis'kyны* 'соревноваться' [Атаманов 1981: 50; 2005: 171]) говорах, причем употребление аффрикаты *č* в середине слова в северной диалектной зоне возможно перед согласным *к*.

6. Параллельное употребление *й* (*j*) и *л'* (*l'*) в анлауте перед *-Vк(-)*: *люкыско* [*l'uk+s'ko*] 'разнимаю' ~ *юкыско* [*jukis'ko*] 'раздтляю, отдтляю, удтляю' [Крот. 129, 279], *люкетъ* [*l'uket*] 'участіе, часть' ~ *юкетъ* [*juket*] 'часть, частица, доля, отделение' [там же: 129, 279]; *Югытъ* [*jug+t*] 'свттъ', *Юкетъ* [*juket*] 'часть', *Люкъ* [*luk*] 'куча', *Люкасыко* [*lukas'ko*] 'збираю (точнее: собираю – Л. И.)' [Словарь 1816: 2, 6, 7, 20]; *юкысыко* [*juk+s'ko*] 'дтлю', *югытъ* [*jug+t*] 'свттъ; свттло', *люкасыко* [*lukas'ko*] 'собираю', *юкетъ* [*juket*] 'часть' [Словарь 1820: 15, 39, 41, 46].

Подобная корреспонденция в удмуртском языке, согласно В. К. Кельмакову [1998: 94], возникла в результате перехода *й-* > *л'-* в позиции перед гласный + *г* / гласный + *к*. В отдельных диалектах северного наречия и срединных говорах первичный *й-* сохранился, в других же, в частности, некоторых южных и бесермянском наречии анлаутный *й-* заменился *л'-*: сев., сред. *йугыт* // южн. *л'угыт* ~ *л'угът*; кукм. *л'угът*; бес. *l'ugət* 'светлый; светло; свет'.

Форма с первичным *j-* отмечается в одном слове в нижнечепецких говорах северноудмуртского наречия: *юкет* 'часть, доля, пай' [Тепляшина 1970а: 165]. В бесермянском наречии (*l'ag* 'бор' [Тепляшина 1970б: 145–146]), прикильмезских (*l'ag* 'бор', *l'ug+t* 'светлый, светло' [Загуляева 1980а: 9]) и граховских (*л'укмэс* 'прорубь', *л'укыт* 'тесно; теснота', *л'угыт* 'светлый; свет; светло' [Атаманов 2005: 171–172]) говорах анлаутный *j-* заменился согласным *л'*.

3.3.2.2. Фонетические явления на морфологическом уровне

В памятниках удмуртской письменности исследуемого периода можно выделить следующие фонетические явления на уровне морфологии:

1. Употребление с *ы*-овой огласовкой:

а) суффикса причастий «настоящего времени», образованных от глаголов I спряжения *-+s'(-)* (*-ыс'(-)*): *Цурдысь* [*C+rd+s'* ~ *Cird+s'*] 'чтець', *Возматысь*, *косысь* [*voz'mat+s'*, *kos+s'*] 'указчик', *Дурысь* [*dur+s'*] 'кузнец' [Соч. 17]; *воштысь* [*vošt+s'*] 'искупитель', *дурысь* [*dur+s'*] 'кузнец' *тодысь* [*tod+s'*] 'знающий' [Крот. 32, 56, 218]; *дурысь* [*dur+s'*] 'кузнец' [Мог. 35]; *Доды вандысь* [*gog+ vand+s'*] 'баба повивальная' [Словарь 1820: 1]; *крашинэ-пыртысь* [*krašine p+rt+s'*] 'креститель', *лыктысьиодсызь* [*l+kt+s'jos+z*] 'приходящихъ (акк.)', *пукысьиодсь* [*puk+s'jos*] 'сидящие', *кутысь* [*kut+s'*] 'ловець', *вордысь* [*vord+s'*] 'хранящий', *дышетысьиодсызь* [*d+š+s'jos+z*] 'учителей (акк.)' [Еванг. Сар. 11, 12, 18, 19, 160, 179].

б) показателя формы настоящего времени I лица единственного числа глаголов I спряжения *-+s'k-* (*-ыс'k-*): *утысько* [*ut+s'ko*] 'лаю', *дзигыртысько* [*g+rt+s'ko*] 'обнимаю', *куатаськысько* [*k^oatas'k+s'ko*] 'гнтваюсь, сержусь' [Соч. 98, 99, 100]; *кельтысько* [*kel't+s'ko*] 'оставляю, покидаю, отъучаю', *потысько* [*pot+s'ko*] 'происхожу, выхожу, вытжжаю, истекаю', *султысько* [*sult+s'ko*] 'востаю', *шудысько* [*šud+s'ko*] 'играю' [Крот. 83, 175, 205, 268]; *вьелдысько* [*v²ld+s'ko*] 'стелю, растягаю', *мертысько* [*mert+s'ko*] 'сажу' [Мог. 82, 87]; *Сылысько* [*s+l+s'ko*] 'стою', *Тодысько* [*tod+s'ko*] 'знаю', *Нылысько* [*n'+l+s'ko*] 'глотаю', *Кылысько* [*k+l'is'ko*] 'остаюсь' [Словарь 1816: 20]; *шудысько* [*šud+s'ko*] 'балую', *ораськысько* [*oras'k+s'ko*] 'браню', *ошилысько* [*oš+l+s'ko*] 'втшаю что', *мостысько* [*most+s'ko*] 'освобождаю' [Словарь 1820: 1, 2, 9, 31]; *карыськозь* [*kar+s'koz*] 'сдтлается', *пырыськомь* [*p+r+s'kom*] '[мы] входимь, заходимь', *тодыськоды* [*tod+s'kod+*] '[вы] знаете' [Еванг Гл. 131, 153, 155]; *султысько* [*sult+s'ko*] 'встаю', *люкыськызь* [*l'uk+s'k+z*] 'раздтмилось' [Азбука Гл. 12, 61].

Согласно В. К. Кельмакову, *ы*-овая огласовка причастного суффикса распространена в говорах северного наречия, в бесермянском наречии и во

многих срединных говорах, а в южном наречии конечный $-+-$ ($-ы-$) основы глагола перед палатальной инициальной последующих морфем перешел в $-i-$ ($-и-$) [Кельмаков 1998: 149–150; 155–156; 166; Kel'makov, Saarinen 1994: 137]: нч. *бӧрдысь* 'плачущий', *сюлмаськысь* 'заботящийся' [Тепляшина 1970а: 182]; дѣб. *вис'ьс'* 'больной', *бэртъс'* 'возвращающийся' [Карпова 1990: 72]; сч. *s(l(s'* 'стоящий', *tub(s'* 'поднимающийся' [Карпова 1997: 153]; севЮ. *бӧрд-ыс'* 'плачущий', *мын-ыс'* 'идуший' [Каракулов 1982: 107]; бес. *кульс'* 'умирающий' [Федотов 1982: 120]; клм. *m+n-+s'* 'идуший', *bud-+s'* 'растущий' [Загуляева 1980б: 108] // кукм. *мън-ис'* 'идуший', *кут-ис'* 'ловящий'; кркм. *сьлис'* 'стоящий' [Кельмаков 1977: 51]. Что касается суффикса настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа $-ыс'к-$, он употребляется в подобном виде в нижнечепецких говорах северного наречия. Во многих других удмуртских диалектах этот суффикс претерпел фонетические изменения различного рода [Кельмаков 1998: 147–150].

2. Употребление суффикса множественного числа $-йос$ ($-jos$) после основы на гласную: *coiосъ* [*sojos*] 'они', *maiосъ* [*tajos*] 'тм' [Мог. 64, 65]; *coiо́сьлэсь* [*sojosles*] 'у них', *куiо́сь* [*kijos*] 'руки' [Еванг Гл. 6, 145]; *лулоiо́сьызь* [*lulojos+z*] 'живыхъ (акк.)', *адямuiо́с-лэнь* [*ad'amijoslen*] 'у людей' [Азбука Гл. 18, 19].

Данное явление характерно в основном для южноудмуртской диалектной зоны: бт. *кыно-йос*, татш. *күно-йос* 'гости', бт., татш. *бакча-йос* 'огороды', южМ. *корка-йос* 'дома', *бэкчэ-йос* 'бочки', *кусо-йос* 'косы' [Кельмаков 1998: 116]; татш. *әс'мийос* 'мы сами' [Гильмаев 1981: 98]; грах. *пынийос* 'собаки', *турийос* 'журавли', *мачийос* 'кошки' [Атаманов 1981: 52; 2005: 175]. Однако следует отметить, что данный суффикс после гласной основы ($-и$, $-ы$ ($-ь$)) спорадически встречается также в некоторых говорах северного наречия удмуртского языка, например в среднечепецком диалекте: *ад'амийос* 'люди', *дъдъйос* 'девочки', *к(š)ноjos* 'женщины' [Карпова 1990: 66–67; 1997: 81], что, по всей вероятности, является бесермянским влиянием.

3. Деепричастие временного значения образуется с помощью суффикса $-кы$ ($-k+$): *визякыдъ* [*viz'ak+d*] 'во время твоего поста', *лыктыкызь* [*l+kt+k+z*] 'во

время его прихода', *мыныкызы* [*m+n+k+z+*] 'во время ихъ движенія' [Еванг. Сар. 35, 195, 223]; *потыкызь* [*pot+k+z*] 'во время [его] восхожденія', *вуйкыдъ* [*vu+k+d*] 'во время твоего прихода', *вэсяськыкы* [*v2s'as'k+k+*] 'во время моленія' [Азбука Сар. 97, 112, 162]; *восяськыкызь* [*vos'as'k+k+z*] 'во время его моленія', *визыкыдъ* [*viz'ak+d*] 'во время твоего поста', *сіукызы* [*s'ijik+z+ ~ s'ij+k+z+*] 'во время [их] тды', *юикызы* [*ju+k+z+*] 'во время [их] питья' [Еванг. Гл. 32, 35, 178]; *потыкызь* [*pot+k+z*] 'во время [его] выхода', *лэзьгакы* [*lez'gak+*] 'посылавши' [Азбука Сар. 41, 173].

Этот вариант деепричастного суффикса в основном распространен в южном наречии и части срединных говоров: шошм., бт. *ужа-кы-м*, кукм. *ужа-къ-м* 'когда я работал, во время моей работы'; кркм. *мънь-къ-м ~ мыны-кы-м* 'когда я шел'; южМ. *лъкть-къ-д*, южБУ. *лыкты-кы-д* 'когда ты (при)шел' [Кельмаков 1998: 159]; клм. *bert+k+m* 'когда я возвращался' [Загуляева 1980а: 15]; св. *d+šetsk+k+* 'учась, во время учебы' [Бушмакин 1969: 69]; ув. *жіузіакызы* 'при входе' [Зверева 1982: 64–65]. Также он употребляется в бесермянском наречии: *zorə-kə* 'во время дождя' [Тепляшина 1970б: 212] и нижнечепецком диалекте северного наречия: *ужакы* 'во время работы, в процессе работы', *пыласькыкы* 'во время купанья' [Тепляшина 1970а: 182].

В большинстве северных диалектов распространен вариант *-ку (-ки)*: глаз. *вераку* 'разговаривая', *сиыку* 'во время еды' [Лыткин, Тепляшина 1959: 223]; сев. *ужаку* 'во время работы, когда работают', *ветльку* 'во время ходьбы, когда ходишь' [Вахрушев 1959: 234]. В некоторых населенных пунктах Кезского района иногда (в речи пожилых людей) данный суффикс деепричастия употребляется в двух вариантах: *-ку* и *-кы*: севЮ. *мыныку ~ мыныкы* 'когда идешь', *ужаку ~ ужакы* 'во время работы' [Каракулов 1982: 107].

4. Винительный падеж множественного числа имен существительных и некоторых местоимений образован с помощью суффикса *-ыз (-+z)*: *соосызь* [*soos+z*] 'ихъ' [Еванг. Сар. 7]; *тиледызь* [*til'ed+z*] 'вась'; *Еврейіосызь* [*jevrejjos+z*] 'Евреевъ', *милемызь* [*mil'em+z*] 'насъ', *адяміосызь* [*ad'amios+z*]

'человтковъ' [Азбука Сар. 12, 43, 94, 170]; *юртъюсызь* [jurtjos +z] 'дома', *выньюсызь* [v +njjos +z] 'братъевъ', *сузеръюсызь* [suzerjos +z] 'сестръ' [Еванг Гл. 149]; *чорыгъюсызь* [Cor +gjos +z] 'рыбъ', *лулоюсызь* [lulojos +z] 'духовъ' [Азбука Гл. 18, 22] и др.

Данный вариант суффикса в основном распространен в южном наречии и южной части срединных говоров: южн. *коркаос-ыз* ~ *коркаос-ъз*, кукм. *коркаос-ъз*, шошм. *коркаос-ыз*, бт. *коркаюс-ыз*, татш. *коркаюс-ъс* 'дома' [Кельмаков 1998: 119];

В северном и бесермянском наречиях, а также в части срединных говоров употребляется показатель *-ты*: глаз. *ъжъёсть* 'овецъ', *нльёсть* 'девушек' [Лыткин, Тепляшина 1959: 224]; сев. *коркаос-ты* ~ *коркаос-тъ*, бес. *коркаос-тъ*, св. *корка-ас-ты* ~ *корко-ос-ты* 'дома' [Кельмаков 1998: 119].

5. В некоторых исследуемых памятниках удмуртской письменности находят отражение особые формы пространственных (приблизительноместных) падежей с компонентом *-н'* (*-н'-*): *улонънэ* [ulon'-n'-e] 'в жизнь', *кинъ-нинъ* [kin'-n] 'въ которомъ, у кого'; *улонъ-нинъ* [ulon'-n'-+n] 'въ жизни' [Еванг Гл. 42, 95, 148]; *аснязь* [as-n'-az] 'къ себт', *Инмарнэ* [inmar-n'-e] 'къ Богу', *соне* [so-n'-e] 'къ тому' [Азбука Гл. 34, 156, 159] и др.

Эта особенность является характерной чертой северноудмуртских диалектов, например, нижнечепецких: *адямине* 'к человеку', *калыкне* 'к людям', *школане* 'к школе' [Тепляшина 1970а: 167; 1981: 285–286] и среднечепецких: *эшэн'ъс'* 'от [моего] друга', *эшэн'ън* 'у [моего] друга', *эшэн'э* 'к [моему] другу', *эшэн'ъс'эн* 'от [моего] друга' [Карпова 1990: 67–68; 1996: 36–39; 1997: 85–89] говоров и глазовского диалекта: *староверньын* 'у старовера', *моньям* 'к себе', *миньямы* 'у нас' [Вахрушев 1959: 236]. В других диалектах и удмуртском литературном языке, где отсутствуют падежи с формантом *-н'*, обозначаемые ими отношения выражаются с помощью послеложных конструкций, например: *соос дорын* 'у них, при них', *эше доры* 'к моему другу'.

Хотя и в некоторых из памятников письменности об определенном месте фиксации материала сообщается в названии, при аналитическом исследовании выявляется присутствие в них различных диалектных стихий. Таким образом, сочетание в их структуре северноудмуртских и южноудмуртских диалектных явлений имплицитно указывает на развитие удмуртского книжно-письменного (литературного) языка.

3.3.2.3. Наддиалектность в текстовых памятниках 1847 года

Как известно, первые переводы Евангелий были изданы на двух диалектах удмуртского языка – «сарапульском» и «глазовском». Хоть Евангелия и Азбука написаны на глазовском наречии, тем не менее, содержат в себе как северноудмуртские, так и южноудмуртские и бесермянские диалектные явления. И, наоборот, в Евангелии и Азбуке сарапульского наречия содержатся фонетические, морфологические и лексические особенности как срединных говоров и южного наречия, так и северноудмуртских говоров удмуртского языка.

По мнению многих исследователей, язык этих переводных изданий не соотносится с определенным (указанным в книгах) диалектом, он наддиалектен [Каракулов 1987а: 107; 1997: 6; Карпова 1997: 31; Кельмаков 2008: 41–42].

На наддиалектность Евангелий и Азбук на «сарапульском» наречии указывают следующие явления:

1. Опрошение группы согласных *-pCC-* в *-pC-*: *узъ-кэ орци* [uz ke orci] 'ежели не превзойдет', *кертыло* [kert+lo] 'связывают', *луозь сэртэмэ* [luoz serteme] 'могу разрушить' [Еванг. Сар. 24, 178, 215]; *юртэмсэ* [jurtetse] 'свое милосердие', *оскытэкъ туртэ-валь* [osk+tek turte val] '[он] усомнился' [Азбука Сар. 58, 79]. Данное фонетическое явление в настоящее время свойственно кукморскому, шошминскому и красноуфимскому говорам периферийно-южного наречия и бесермянскому наречию удмуртского языка.

2. Употребление инициального *ÿ-* (°-) перед *a*: *увацткэмъ-эзь угло* [°ackemez uglo] '[он] не может укрыться', *увачкалаосъ-лы* [°a@kalaosl+] 'древнимъ' [Еванг. Сар. 23, 26], *увань* [°an] 'суть', *уваськытызь* [°as'k+t+z] '[он]

сняль', *уватонь дырья* [^o*aton d+rja*] 'при погребеніи' [Азбука Сар. 36, 113, 115] и т. д. И это явление в наши дни распространено во многих диалектах удмуртского языка: в нижнечепецких говорах северного наречия, бесермянском наречии, а также в некоторых говорах периферийно-южного диалекта.

3. Дистантная прогрессивная ассимиляция по огубленности: *Іоаннь чукундрысь* [*ioan Cukundr+s'*] 'креститель Іоаннь' [Еванг. Сар. 122]; *турумэзьно* [*turumez no*] 'растения (акк.)' [Азбука Сар. 17]. Данное явление отмечается лингвистами в верхнечепецких и среднечепецких говорах северноудмуртского наречия, а также в речи бесермян.

4. В тексте евангелия на «сарапульском» наречии наиболее яркая, с точки зрения переводчиков и издателей, лексема сарапульского диалекта в корпусе текста в скобках объяснялась лексическим дублетом глазовского диалекта: *мыскыльязы* (Глаз. *серекъяльязы*) '[они] смтылись', *сокэмь* (Глаз. *уката*), *эй курласальды* (Глаз. *лекатысал*) 'не стали бы осуждать', *бусы-азь* (Глаз. *лудазь*) 'на полт своемь', *тумошо адзіонь* (Глаз. *пэртмаськонь*) 'призракь', *мыскыль карызы* (Глаз. *таргазы*) '[они] надругались' [Еванг. Сар. 59, 77, 80, 95, 109, 170]. И др.

Использование разнодиалектных материалов в Евангелиях и Азбуке на «глазовском» наречии подтверждают такие примеры:

1. Употребление анлаутного *ў-* (^o-) перед *a*: *увань* [^o*an*] 'есть, имеется', *увацт* [^o*aCe*] 'вдвоем, вместе', *уваськы-* [^o*as'k+-*] 'спускаться, опускаться' [Еванг Гл. 4, 143, 189]; *увачкала-тырысь* [^o*a@kala-t+r+s'*] 'издревле', *уватэмзэ* [^o*atemze*] 'спрятанное', *уванумь* [^o*arum*] 'времена' [Азбука Гл. 62, 67, 70]. Как отмечено выше, данное фонетическое явление встречается не только в северноудмуртской диалектной зоне, но и в бесермянском наречии и говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка.

2. Употребление суффикса множественного числа *-йос* (*-jos*) после основы на гласную: *сойдсьлэсь* [*sojosles'*] 'у них', *куидсьсэ* [*kijosse*] '[свои] руки' [Еванг. Гл. 6, 145]; *лулойдсызь* [*lulojos+z*] 'животныхъ земныхъ (акк.)', *адямидс-лэнь*

[*ad'amijoslen*] '[y] человтковъ' [Азбука Гл. 18, 19]. Данное явление в основном характерно для южноудмуртской диалектной зоны.

3. Винительный падеж множественного числа имен существительных и некоторых местоимений образован с помощью суффикса *-ыз* (*-tz*): *юртъосызь* [*jurtjos +z*] 'дома', *выньи́осызь* [*v+njos +z*] 'братьевъ', *сузеръи́осызь* [*suzerjos +z*] 'сестрь' [Еванг Гл. 149]; *чорыгъи́осызь* [*Cor+gjos +z*] 'рыбъ', *лулои́осызь* [*lulojos +z*] 'духовъ' [Азбука Гл. 18, 22] и др. Данный вариант суффикса в основном распространен в южном наречии и южной части срединных говоров, а в северном и бесермянском наречиях, а также в части срединных говоров на его месте употребляется показатель *-ты*.

Все вышеперечисленные явления говорят о том, что в ходе многолетнего перевода и издания Евангелий и Азбук на глазовском и сарапульском наречиях шла серьезная работа по созданию наддиалектности в их языке, выражающейся в «объединении разнодиалектных признаков с единичными случаями отказа от узкорегionalных форм, влиянием языка фольклора и иноязычным воздействием» [Каракулов 2004: 530].

3.4. Характеристика лексического состава памятников

удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века

3.4.1. Общая характеристика лексики письменных памятников

Анализ письменных памятников любого языка представляет собой один из важнейших видов языковедческой деятельности. Без подробного, детального исследования начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы истории современного литературного языка. С точки зрения лексикологии изучение ранних текстов, словарей и т. д. является важным источником для выяснения путей и способов обогащения словарного состава языка, изучения пластов слов, перешедших в разряд устаревших и неизвестных современному литературному языку.

Наблюдения над лексическим составом исследуемых письменных памятников позволяют сделать вывод о том, что он неоднороден. Анализиру-

емые источники содержат главным образом наиболее существенные слова из основного словарного фонда, которые функционировали в указанный период. Они являются своеобразным ключом для «проникновения» в материальную и духовную культуру удмуртского народа, подчеркивают особенности общественной жизни, хозяйства, быта, характерные для удмуртов в XVIII–XIX вв. В памятниках письменности отражены передающиеся из поколения в поколение и развивающиеся в ходе исторического процесса названия предметов, орудий, действий, способов, разных приемов, относящихся к основным видам хозяйства, явлений природы и т. д.

Слова, содержащиеся в памятниках исследуемого периода, можно классифицировать по следующим тематическим группам:

1) общественно-политические, административные: *Juxé* [eksej] 'государь', *Chusoi* [kuz'o] 'хозяин' [Mes. 208, 211]; *kusò* [kuz'o] 'dominus [хозяин]' [Fischer 316]; *Кунь* [kun] 'царь', *Эксе́й* [eksej] 'государь' [Соч. 16]; *кать* [kat] 'право', *кунь возем палъ* [kun voz'em pal] 'царство, империя', *тэрэужь* [t2reuž ~ ? tereuž] 'судейская должность' [Крот. 77, 100, 229]; *тепе* [t2re ~ ? tere] 'воевода, судья', *косемъ* [kosem] 'указь', *гаштисъ-муртъ* [goštis' murt] 'писарь' [Мог. 25, 26, 49]; *Кунь* [kun] 'царь', *Эксе́й* [eksej] 'государь', *Тепе* [t2ro ~ ? tere] 'судья' [Словарь 1816: 4]; *тепе* [t2re ~ ? tere] 'власть', *улось* [ulos] 'волость', *кунь* [kun] 'государь' [Словарь 1820: 6, 7, 11]; *медолы* [medol+] 'для раба', *зэкъіосъ* [z2kjos ~ ? zekjos] 'вельможи' [Еванг. Гл. 68, 155]; *Эксе́й* [eksej] 'Царь', *Утисъ-дорэ* [ut'is' dore] 'къ Правителю' [Азбука Гл. 39, 102]; *эрыкъ* [er+k ~ ? erik] 'власть', *кунъіосъ* [kunjos] 'князи' [Еванг. Сар. 45, 209]; *Эксэйулослэсь* [eksejulosles] 'царства' [Азбука Сар. 68];

2) военные: *Кортпасъ* [kortpas'] 'латы', *Ожъ* [ož] 'война' [Пал. 102, 103]; *Ожмасъконъ* [ožmas'kon] 'баталія, война', *Жугыскисъ* [žug+s'kis'] 'боець' [Соч. 15, 16]; *ожме* [ožme] 'армія', *салдатъ дисъ кутъ* [saldat dis'kut] 'военное платье', *тышкаскисъ* [t+škas'kis'] 'воинь' [Крот. 155, 190, 227]; *санапалъ* [sanapal] 'оружіе', *тышкатсконъ* [t+škas'kon] 'драка, война' [Мог. 22, 44]; *Ожмасъ-*

конь [oʒmas'kon] 'баталія, война', Жудыскись [ʒug+s'kis'] 'боець', Тупь [tur] 'пушка' [Словарь 1816: 3, 4, 15]; жудыськонь [ʒug+s'kon] 'бой', ожь [oʒ] 'война' [Словарь 1820: 2, 6]; палашъіосынь [palašjs+n] 'съ мечами' [Еванг. Гл. 212]; ожмаськонь [oʒmas'kon] 'война', палашъіосынь [palašjs+n] 'съ оружіемъ' [Азбука Гл. 12, 101]; синяськыль-дэ [s'in'as'k+l'de] 'врага твоего', сотникъ [sotn'ik] 'сотникъ' [Еванг. Сар. 30, 47]; пычалтэкъ нелтэкъ [p+Caltek-n'2ltek] 'безоружныхъ' ожмынь [oʒm+n] 'на войнѣ' [Азбука Сар. 59, 61];

3) названия, характеризующие домашнее хозяйство, жилище и постройки: Carr [kar] 'город', Péen [pen'] 'зола', Ruuss [ruz] 'яйцо' [Mes. 207, 208, 211]; Korkah [korka] 'Изда', Muntschoh [munCo] 'баня', Dsjuss [ɯs] 'Скамья' [Miller 46]; gítkwa [gidkva] 'domus [хозяйство]', muntschò [munCo] 'balneum [баня]' [Fischer 314, 316]; Учокъ [uCok] 'Очаг', Вычки [v+©k+] 'Кад' [Пал. 101]; Мертемъ ну [mertem ru] 'садъ', Ижгонъ [+ʒgon] 'шерсть', Корка [korka] 'изба', Куиськонь [kuis'kon] 'станъ, коимъ ткуть' [Соч. 24, 29, 30, 33]; карь [kar] 'городъ', кваберка [kvaberka] 'чуланъ', кенось [kenos] 'анбаръ, житница' [Крот. 76, 77, 85]; гидь [gid] 'дворъ скотской', гурь [gur] 'печь', пужь [puž] 'решето' [Мог. 36, 46, 47]; Кордидь [korgid] 'конюшня', Баця [bakCa] 'огородъ', Корказь [korkaz'] 'передызбье' [Словарь 1816: 13]; иниурь [inš+r] 'гумно', пудоду [rud2d'+ ~ ? rudod'+] 'дровни' [Словарь 1820: 12, 14]; кенэръ-энъ [ken'eren] 'оградою', тусьты-эзъ [tus't+ez] 'чашу' [Еванг. Гл. 166, 208]; пуни [pun'+] 'ложка', тэркы [terk+] 'блюдо' [Азбука Гл. 11, 12]; юртъ [jurt] 'домъ', тусьты-эзъ [tus't+ez] 'чашу' [Еванг. Сар. 160, 208]; корка [korka] 'изба', мунціо [munCo] 'баня' [Азбука Сар. 12];

4) ремесленная и земледельческая лексика: Jáck-куікај [jakk+jkaj] 'дичь', Wáshe [vaz'] 'полба', Туһр [tir] 'топор' [Mes. 208, 210, 211]; Sesi [s'ez'+] 'Овес', Му [mu] 'Мед' [Miller 52, 53]; dschabè [Cabej] 'triticum [пшеница]', kisèт [kiz'em] 'satur [посевы]' [Fischer 313, 315]; Усы [us+] 'Борона', Гыронъ [g+ron]

'Пашня' [Пал. 100, 104]; *Дурысь* [*dur+s'*] 'кузнецъ', *Кусо* [*kuso*] 'коса', *Геру* [*ger+*] 'плугъ и соха', *Уморто* [*umorto*] 'улей' [Соч. 17, 21, 22, 28]; *гыртырь* [*g+rtir*] 'тесла', *кутцасконъ* [*kuccas'kon*] 'молотьба', *усы* [*us+*] 'борона' [Крот. 45, 105, 245]; *аранъ* [*aran*] 'жатва', *кутесъ* [*kutes*] 'молотило', *сюрло* [*s'urlo*] 'серпъ' [Мог. 21, 29, 41]; *Дурысь* [*dur+s'*] 'кузнецъ', *Дыронъ* [*g+ron*] 'пашня', *Кутесъ* [*kutes*] 'цепь и молотило' [Словарь 1816: 4, 7, 8]; *бекце лестысь* [*bekCel'es't+s'*] 'бочаръ', *мажесъ* [*mažes*] 'грабли', *аран* [*aran*] 'жатва' [Словарь 1820: 2, 11, 16]; *кизись-ласянь* [*kiz'is' las'an*] 'о сеятелм', *шепаны* [*šerap+*] 'колоситься' [Еванг. Гл. 94, 96]; *сюрло* [*s'urlo*] 'серпъ' [Азбука Гл. 11]; *арась-іосъ-лы* [*aras'josl+*] 'жнецамъ', *пукро-ласянь* [*pukro las'an*] 'о плевелахъ' [Еванг. Сар. 97, 99]; *культо* [*kul'to*] 'снопъ', *азвесясько* [*azves'as'ko*] 'серебряу' [Азбука Сар. 11];

5) названия одежды, кушаний, домашней утвари, посуды: *Dugkes* [*dukes*] 'верхний распашной зипун', *Kuschét* [*k+šet*] 'платок' [Mes. 207, 210]; *Pass* [*pas*] 'Шуба', *Izi* [*iz'+*] 'Шапка' [Miller 45]; *njän* [*n'an*] 'panis [хлеб]', *püni* [*pun'+*] 'sochlear [ложка]' [Fischer 316, 317]; *Сылаль* [*s+lal*] 'Соль', *Нянь* [*n'an*] 'Хлеб' [Пал. 94, 101]; *Тусты* [*tus't+*] 'чаша', *Дукэсь* [*dukes*] 'кавтанъ' *Кышетъ* [*k+šet*] 'платокъ' [Соч. 31, 32, 33]; *курекъ нузь пуштемъ* [*kurekruz puštem*] 'селянка, яишница', *кутъ* [*kut*] 'лапотъ', *сезьнызь* [*s'es'p+z*] 'толокно' [Крот. 103, 105, 193]; *табанъ* [*taban*] 'блинь', *деремъ* [*derem*] 'рубашка', *пуни* [*pun'+*] 'лошка' [Мог. 23, 25, 32]; *Мылимъ* [*m+l'+m*] 'блинь', *Дзюсь* [*jus*] 'лавка', *Дуры* [*dur+*] 'шабала' [Словарь 1816: 9, 13, 14]; *дукесъ* [*dukes*] 'кавтанъ', *кышетъ* [*k+šet*] 'платокъ', *деремъ* [*derem*] 'рубашка' [Словарь 1820]; *посудаэ* [*posudae*] 'въ сосуды', *тэркы-вылынъ* [*terk+v+l+n*] 'на блюдм' [Еванг. Гл. 101, 105]; *винаэнь* [*vinapen*] 'виномъ', *дэраэн* [*deraen*] 'плащаницею' [Азбука Гл. 100, 105]; *няньэзь* [*n'an'ez*] 'хлѣбъ (акк.)' [Еванг. Сар. 208]; *кобы* [*kob+*] 'ковшъ' [Азбука Сар. 12];

б) названия, связанные с материальной культурой и духовной жизнью: *Pûûrth* [*purt*] 'нож', *Kátschi* [*kaC+ ~ ? kaCi*] 'ножницы' [Mes. 209]; *katschi* [*kaC+*

~ ? *kaCi*] 'forfex [ножницы]', *purt* [*purt*] 'culter [нож]', *tungon* [*tu)gon*] 'clavic [замок]' [Fischer 315, 317, 319]; *Крезь* [*krez'*] 'музыка', *Узенги* [*uzeQgi*] 'стремя' [Соч. 15, 34]; *подэмь* [*podem*] 'улей', *полысь* [*pol+s*] 'весло', *тунгонь* [*tuQgon* ~ ? *tungon*] 'висячий замок' [Крот. 172, 173, 222]; *великътемь* [*vel'iktem*] 'праздникъ древле у отяковъ празднованный въ самыя дни нашея С. Пасхи', *сиесь* [*s'ijes*] 'хомуть', *деди* [*d2d'+ ~ ded'+*] 'сани' [Мог. 25, 28, 31]; *Джокъцконь ну* [*okskopri*] 'мотовило', *Питрань пыдь* [*pitran p+d*] 'спица колесная' [Словарь 1816: 15, 16]; *домбыро* [*domb+ro*] 'балалайка', *церьсь* [*Cers*] 'веретено', *аракы* [*arak+*] 'вино хлѣбное', *бызь* [*b+z*] 'волынка' [Словарь 1820: 1, 5, 6, 7]; *Бекче* [*bekCe*] 'Бочка', *Сарва* [*sarva*] 'Буракъ' [Свод 1833: 2, 3]; *визнань-зэ* [*viznanze*] 'уду [его]' [Еванг. Гл. 133–134]; *зундэсь* [*zundes*] 'перстень', *культо* [*kul'to*] 'снопь' [Азбука Гл. 11]; *усьтэтъиодсызь* [*us'tetjos+z*] 'ключи (акк.)' [Еванг. Сар. 123]; *сынъ* [*s+n*] 'гребень', *дурысько* [*dur+s'ko*] 'кую' [Азбука Сар. 10, 13];

7) названия частей тела и внутренних органов: *Tuhsch* [*tuš*] 'борода', *Syhn* [*s'in*] 'глаз' [Mes. 207]; *Tusch* [*tuš*] 'Борода', *Piel* [*pel'*] 'Ухо', *Ümdor* [*+mdor*] 'Губы' [Miller 44]; *jir* [*j+r*] 'caput [голова]', *küt* [*k2t ~ kët*] 'venter [живот]', *püt* [*p+d*] 'pedes [нога]' [Fischer 314, 315, 317]; *Имнырь* [*+mn+r*] 'Лицо', *Нырь* [*n+r*] 'Нось', *Нырпелесь* [*n+rpel'es*] 'Ноздри' [Пал. 83]; *Иурь* [*j+r*] 'голова', *Пельдынъ* [*pel'd+n'*] 'високъ', *Пель* [*pel'*] 'ухо' [Соч. 18]; *gogy* [*gog+*] 'пупъ', *мусъ* [*mus*] 'печень, печенка', *сюль* [*s'ul*] 'кишка' [Крот. 40, 140, 211]; *кымъезъ* [*k+mes*] 'лобъ', *сюлемъ* [*s'ulem*] 'сердце', *ты* [*t+*] 'легкое' [Мог. 27, 28, 33]; *Ситянь* [*sit'an*] 'седалище', *Мусъ* [*mus*] 'печенка', *Пыдтышь* [*p+tt+š*] 'пята' [Словарь 1816: 5]; *синдоръ* [*s'indor*] 'бровь', *пыдкетъ* [*p+tk2t*] 'голень', *сень* [*s2n ~ ? sen*] 'жила' [Словарь 1820: 4, 10, 16]; *Тушь* [*tuš*] 'Борода', *Кытъ* [*k2t*] 'Брюхо', *Синъ* [*s'in*] 'Глазь' [Свод 1833: 2, 3, 8]; *иръзэ* [*j+rze*] 'голову его', *кизэзь* [*kizes*] 'рукъ своихъ (акк.)' [Еванг. Гл. 105]; *бамъ* [*bat*] 'лице', *синъ* [*s'in*] 'глазь' [Азбука Гл. 10]; *пельзэ* [*pel'ze*] 'ухо [у него]', *виръ Солэнь* [*vir solen*]

'кровь Его' [Еванг. Сар. 213, 222]; *туш* [tuš] 'борода', *бурдь* [burd] 'крыло' [Азбука Сар. 10];

8) флористическая лексика: *Kisch-pu* [k+s'pu] 'береза', *Iáck-muly* [jagmul'+] 'брусника', *Köshu* [kZž+] 'горох' [Mes. 207]; *Sugon* [sugon] 'Лук', *Bori* [bor+] 'Земляника', *Küss* [k+z] 'Ель' [Miller 52]; *küss* [k+z] 'pinus [ель]', *kumis* [kum+z'] 'alium [чеснок]', *sési* [s'ez'+] 'avena [овес]' [Fischer 315, 316, 318]; *Тыны* [t+p+] 'Дуб', *Зекъ* [z'ek ~ xek] 'Рожь' [Пал. 96, 97]; *Пушьнеръ* [pušn'er] 'крапива, полынь', *Сугонъ* [sugon] 'лукъ', *Батьпу* [bat'pu] 'ива' [Соч. 21, 23, 25]; *кузь турынь* [kuz'tur+n] 'щавель', *кумызь* [kum+z'] 'чеснокъ', *пашьпу* [pašpu] 'орешникъ' [Крот. 99, 101, 164]; *дзегъ* [xeg] 'рожь', *сутерь* [suter] 'смородина', *ены* [jep+ ~ jZn+] 'осоть' [Мог. 25, 29, 31]; *Кушманъ* [kušman] 'редька', *Намэръ* [namer] 'костяника', *Палэзь* [palez'] 'рябина' [Словарь 1816: 8]; *уипу* [ujpu] 'вптла', *кежи* [kZž+] 'горохъ', *тыны* [t+p+] 'дубъ', *узы* [uz+] 'земляника' [Словарь 1820: 9, 11, 14, 18]; *Кыдзь-пу* [k+xpu] 'Береза', *Сиръ-пу* [s'irpu] 'Вязь-дерево' [Свод 1833: 1, 7]; *ние* [n'ije] 'в терние', *цябейэзь* [Cabejez] 'пшеницу (акк.)' [Еванг. Гл. 91, 97]; *пужимъ* [puž+m] 'сосна', *бадяръ* [bad'ar] 'кленъ' [Азбука Гл. 11]; *люгы-лэсь* [l'ug+les'] 'съ репейника' [Еванг. Сар. 42]; *эмезъ* [emez'] 'малина', *сутэръ* [suter] 'смородина' [Азбука Сар. 11];

9) орнитологическая лексика и слова, обозначающие понятия из фауны: *Cónne* [kon'+] 'белка', *Pulòh* [pul'o] 'белка-летяга', *Uhrda* [urdo] 'бурундук' [Mes. 207]; *Parss* [pars'] 'Свинья', *Koni* [kon'+] 'Белка', *Gondir* [gond+r] 'Медведь' [Miller 49]; *tschipè* [Cipej] 'lucius [щука]', *kótschisch* [ko©+š ~ ? koC+š] 'felis [кошка]', *dsjäsèk* [xaz'eg] 'anser [гусь]' [Fischer 313, 315, 320]; *Нумырь* [num+r] 'Червь', *Пуны* [pun+] 'Собака' [Пал. 98, 99]; *Чогокый* [©ogok+j] 'ужь', *Пычь* [p+©] 'блоха', *Сяла* [s'ala] 'рябчик малой' [Соч. 26]; *зури* [zuri] 'шершень, трутень', *лакша* [lakša] 'росомаха', *седькыръ* [s'Zdk+r ~ ? s'edk+r] 'жолна, дятель черный' [Крот. 64, 119, 192]; *дучесь* [du©es] 'соколя и

ястребъ', *кванемъ* [kvan'em] 'аистъ', *дзици* [ʃiC+] 'лисица' [Мог. 26, 31]; *Эбекъ* [ebek] 'лягушка', *Лакша* [lakša] 'россомаха', *Куцяти* [kuCapi] 'щенокъ' [Словарь 1816: 11, 12, 13]; *ланси* [laps'i] 'барсукъ', *вудоръ* [vudor] 'бобръ', *куака* [k^oaka] 'ворона' [Словарь 1820: 1, 2, 7]; *Урь-бо* [urbo] 'Блоха', *Ошь* [oš] 'Быкъ', *Кырнышь* [k+rп+ž] 'Воронъ' [Свод 1833: 1, 3, 6]; *кыкъ цібрыгъ-эзь* [k+k Cor+gez] 'двѣ рыбы', *тыло-бурдо-пана* [t+loburdo-papa] 'птица' [Еванг. Гл. 107, 186]; *юсь* [jus'] 'лебедь', *беризъ* [beriz'] 'липа' [Азбука Гл. 10, 11]; *кузь кукъ-эзь* [kuz'kukez] 'комара (акк.)' *кый-іоць* [k+jjos] 'зміи' [Еванг. Сар. 182, 184]; *кырныжъ* [k+rп+ž] 'воронъ', *лудкець* [ludkeC] 'заяцъ' [Азбука Сар.];

10) ландшафтная и гидронимическая лексика: *Tui* [t+] 'озеро', *Sarysch* [zarez' ~ ? zar(z')] 'море', *Niúless* [n'ules] 'лесъ' [Mes. 209]; *Gurês* [gurez'] 'Гора', *Lud* [lud] 'Степь', *Kam* [kam] 'Река большая' [Miller 39]; *budschim-kam* [bu>>+m kam] 'Кама', *lúd* [lud] 'campus [луг]', *oschmés* [ošmes] 'fons [родник]' [Fischer 313, 316, 317]; *Шуръ* [šur] 'Река', *Возъ* [voz'] 'Луг' [Пал. 92, 97]; *Гурезъ* [gurez'] 'холмъ, гора', *Ошмесъ* [ošmes] 'источникъ' [Соч. 21, 35]; *заризъ* [zariz'] 'море', *гонъ* [gor] 'ровъ, яма', *кудъ* [kud] 'болото' [Мог. 37, 42, 47]; *вырь* [v+r] 'мысь', *лудъ* [lud] 'поле', *ты* [t+] 'озеро' [Крот. 38, 122, 225]; *Лудъ* [lud] 'поле', *Мертемъ ну* [mertem ru] 'садъ', *Шуръ* [šur] 'Рткка' [Словарь 1816: 7, 9, 16]; *нюрь* [n'ur] 'болото', *дзјоць* [ʃoz] 'берегъ', *гурезъ* [gurez'] 'гора', *сурдъ* [surd] 'дубрава' [Словарь 1820: 2, 3, 11, 14]; *Ягъ* [jag] 'Боръ', *Гурезъ* [gurez'] 'Гора' [Свод 1833: 2, 9]; *джужитъ гурезъ-вылэ* [už+t gurez' v+le] 'на высокую гору', *заридъ-вылти* [zari> v+lti] 'по морю' [Еванг. Гл. 16, 109]; *шурјоць* [šurjos] 'рткки', *кырь-интинь* [k+rinti+n] 'въ пустынь' [Азбука Гл. 28, 75]; *заридъ* [zari>] 'море', *бусы-эзь* [bus+ez] 'поле (акк.)' [Еванг. Сар. 53, 100]; *ву* [vu] 'вода', *кырынъ* [k+r+n] 'въ пустынь' [Азбука Сар. 10, 90];

11) названия предметов и явлений природы: *Gudúriah* [gudurja] 'громъ', *Toulisch* [tolis' ~ ? tol+s'] 'луна' [Mes. 208, 209]; *Pillem* [pil'em] 'Облако', *Lümü* [l+m+] 'Снегъ', *Jessoram* [jZzorem ~ ? jezorem] 'Градъ' [Miller 36]; *schúndi* [šund+]

'sol [солнце]', *tolês* [tolez'] 'luna [месяц]' [Fischer 318]; *Шунды* [šund+] 'Солнце', *Сильнуемъ* [s'il'nuet] 'Буря', *Цилекьянь* [Cil'ekjan] 'Молния' [Пал. 90]; *Пилемъ* [pil'em] 'облакъ', *Шунды* [šund+] 'солнце', *Цилекьянь* [Cil'ekjan] 'молнія' [Соч. 13]; *бусъ* [bus] 'мгла, мракъ, туманъ', *зоръ* [zor] 'дождь', *толызь* [tol+z'] 'луна' [Крот. 15, 64, 220]; *ié* [j2 ~ ? je] 'градъ изъ тучи, ледь', *пужнеръ* [pužmer] 'иней', *уй* [uj] 'ночь' [Мог. 24, 27, 35]; *Толезь* [tolez'] 'луна', *Кизили* [kiz'il'i] 'звѣзда', *Пери* [peri] 'вихоръ' [Словарь 1816: 2]; *день* [g2p] 'вьюга', *воледъ* [vol'eg] 'гололедица', *зоръ* [zor] 'дождь' [Словарь 1820: 9, 10, 13]; *Тулысь* [tul+s] 'Весна', *Тыль* [t2l] 'Вѣтръ', *Гудуртэмъ* [gudurtem] 'Гроза, громъ' [Свод 1833: 4, 7, 10]; *музьемъ квалекьянь-эзь* [muzjet kval'ekjan] 'землетрясение (акк.)', *квазь дзяръ потыкызь* [kvaz' xarpot+k+z] 'на разсвѣтѣ' [Еванг. Гл. 227, 230]; *гужемъ* [gužet] 'лѣто', *цилекьянь* [Cil'ekjan] 'молнія' [Азбука Гл. 11, 12]; *зоръ* [zor] 'дождь', *тэлыѡсь* [t2ljjos ~ ? teljos] 'вѣтры' [Еванг. Св. 44, 45]; *толэзь* [tolez'] 'мѣсяць', *гудури* [guduri] 'громъ' [Азбука Св. 11, 12];

12) названия действий и состояний: *Wysháischkinu* [v2s'as'k+n(~ ? v(s'as'-k+n(] 'молиться' [Mes. 209]; *Isene* [iz'(n(] 'Спать', *Sini* [s'in+] 'Есть', *Gosti* [gošt+] 'Писать' [Miller 54]; *isene* [iz'(n(] 'dormire [спать]', *monsko* [m(nsko] 'vehor [иду]', *pukskò* [puksko] 'sedeo [сидю]' [Fischer 314, 316, 317]; *Будемъ* [budem] 'Рост', *Кырзянь* [k+rhan] 'Петь', *Выдыны* [v+d+n+] 'Лечь, ложиться' [Пал. 89, 108, 109]; *золтысько* [zolt+s'ko] 'натягаю', *келясько* [kel'as'ko] 'провожаю', *вожяськысько* [vožjas'k+s'ko] 'завидую' [Соч. 98, 99, 101]; *бурмыско* [burt+s'ko] 'здоровь становлюся', *квалекьяско* [kval'ekjas'ko] 'дрожу, колебаюся, колеблюся', *тодмаско* [todmas'ko] 'узнаваю, познаваю' [Крот. 14, 78, 217]; *пуктыско* [pukt+s'ko] 'становлю, сажу', *донгиско* [dongis'ko ~ doŋgis'ko] 'пихаю, низвергаю', *шонертско* [šon'ertsko] 'правлю' [Мог. 83, 84]; *Цютыско* [Cut+s'ko] 'хромаю', *Лятысько* [lijat+s'ko] 'ласкаю', *Ибылысько* [+b+l+s'ko] 'стрѣляю' [Словарь 1816: 20, 21, 23]; *утисько* [ut'is'ko] 'берегу',

куясько [kujas'ko] 'бросаю', веднасько [vednas'ko] 'волхвую' [Словарь 1820: 3, 4, 7]; *Vuce* [vis'e] 'Болишь', *Бастемь* [bas'tem] 'Взяль [он]' [Свод 1833: 2, 5]; *султызь* [sult+z] 'онь всталь', *вожъзэ ваизы* [vožze vajiz+] '[они] огорчились' [Еванг. Гл. 10, 141]; *дуньясько* [dunjās'ko] 'ощниваю', *вордскыны* [vordsk+n+] 'родиться', *кошкыны* [košk+n+] 'удалиться' [Азбука Гл. 13, 35, 83]; *поқіаськозь* [pokCijas'koz] 'умалится', *цякланы* [Caklan+] 'посмотреть', *пустамыськоды* [pustam+s'kod+] 'помдаете' [Еванг. Сар. 133, 171]; *лыкт-изь* [l+ktiz] 'явился [он]', *зурэжъзъ* [zurekjaz] 'потряслась [земля]' [Азбука Сар. 83, 112];

13) названия признаков, качеств и свойств: *Kuryd* [kur+t] 'горький', *Tschush* [Cuiž] 'желтый', *Kohth* [kot] 'мокрый' [Mes. 207, 208, 209]; *Sutem* [s'utem] 'Голодной', *Kudsem* [kudz'em ~ kudzem] 'Пьяной' [Miller 54]; *budschim* [bu>>im] 'magnus [большой]', *gord* [gord] 'ruber [красный]', *kesit* [kez'+t] 'frigidus [соленый]' [Fischer 313, 314, 315]; *Пиналь* [pinal] 'Молод', *Жужитъ* [žuiž+t ~ ? uiž+t] 'Высоко' [Пал. 104, 105]; *Пересь* [peres'] 'старый', *Востэмь* [vostem] 'смирный' [Соч. 15, 37]; *капци* [kapCi] 'легкий, легко', *лэцитъ* [leC+t] 'остро, востро, острый', *сисьмемь* [s'is'tem] 'гнилой' [Крот. 76, 128, 200]; *поқци* [pokCi] 'малой', *кварайо* [kvarajo] 'голосистый', *егыть* [jegit] 'молодой' [Мог. 55, 56, 57]; *Востэмь* [vostem] 'смирный', *Музьэмесь* [muzjemes'] 'земляной', *Шудо* [šudo] 'счастливый' [Словарь 1816: 17, 18, 19]; *лемлетъ* [l'eml'et] 'вишневый', *волитъ* [vol'+t] 'гладкий' [Словарь 1820: 6, 9]; *Батсымь* [badz+m] 'большой', *Уродъ* [urod] 'ветхий', *Сисьмэмь* [s'is'tem] 'гнилой' [Свод 1833: 2, 4, 8]; *дзець* [xeC] 'доброе', *дуно* [duno] 'дорогія' [Еванг. Гл. 42, 74]; *виль* [vil'] 'Нового' [Азбука Гл. 100]; *бадзимъ* [ba>>+m] 'великія', *небытэсь-уни* [n'eb+tes' in'i] 'уже мягкие' [Еванг. Сар. 190, 192]; *адзіён-тэмь* [a>>ontem] 'невидимую', *лекъ* [l'ek] 'злые' [Азбука Сар. 22, 30];

14) названия, обозначающие родственные отношения: *Kyschna* [k+šno] 'жена, супруга', *Mumi* [mum+] 'мать', *Ssosér* [suzer] 'сестра' [Mes. 208, 209,

210]; *Annai* [anaj] 'Мать', *Pi* [pi] 'Сын', *Nüll* [n+l] 'Дочь' [Miller 41]; *ai* [aj] 'pater [отец]', *aunàì* [anaj] 'mater [мать]' [Fischer 312]; *Мумы* [mum+] 'Мать', *Вынъ* [v+n] 'Брат', *Ныль* [n+l] 'Дочь' [Пал. 81]; *Муми* [mimi] 'мать [моя]', *Анай* [araj] 'большая сестра', *Кышно* [k+šno] 'жена' [Соч. 16]; *кенакъ* [kenak] 'сноха старшая', *пересьмуми* [peres'tumi] 'бабушка [моя]', *увармай* [°artaj] 'тесть' [Крот. 84, 167, 234]; *пиезь* [pijez] 'сынъ [его]', *сюзеръ* [suzer] 'меньшая сестра', *ai* [aj+] 'отець' [Мог. 27, 28, 30]; *Анай* [araj] 'большая сестра', *Акы* [ak+] 'меньшая сестра', *Кенъ* [ken] 'сноха' [Словарь 1816: 3]; *сюр-ай* [s'uraj] 'вотчимъ', *шиднаръ* [š+dnar] 'деверъ', *уармумы* [°artum+] 'теща' [Словарь 1820: 7, 13, 44]; *асъ бэцээзылы* [as beCeezl+] 'брату своему', *кышноэнызь* [k+šnoen+z] 'съ женою своею' [Еванг. Гл. 142, 144]; *пи* [pi] 'сынъ', *ныль* [n+l] 'дтвица' [Азбука Гл. 10]; *картъ-эзь* [kartez] 'мужъ ея', *ai мумы-зэ* [aj-mum+z] 'отца и мать [его]' [Еванг. Сар. 4, 143]; *пиезь Адамлэнъ* [pijez adamlen] 'сынъ Адама', *вынзэ* [v+nze] 'брата своего' [Азбука Сар. 25, 26].

3.4.2. Диалектная лексика

Письменные памятники, кроме общеупотребительных слов удмуртского языка, отразили богатый пласт локальной (диалектной) лексики, например: *Curéll* [kurel] 'рысь' [Mes. 210]; *Ziseck* [z'iz'eg ~ ɣiz'eg] 'Рожь', *Ulmo* [ulmo] 'Яблоко' [Miller 51, 53]; *Нюню* [n'un'u] 'Брат', *Усьто* [us'to] 'Дира [точнее: дыра – Л. И.]' [Пал. 81, 94]; *Уно* [uno] или *Ятырь* [jat+r] 'довольство, множество'; *Цеберъ*, *Испай* [Seber, israj] 'красота'; *Тель* [tel'] или *Нюлэсь* [n'ules] 'лмсъ' [Соч. 16, 25]; *курдаско* [kurdas'ko] 'боюся, страшуся', *кышкаско* [k+škas'ko] 'ужасаюся, устрашаюся' [Крот. 102, 116]; *кема*, *далаикъ* [kema, dalaj ik] 'долго' [Мог. 98]; *Беляк* и *Бускель* [b2l'ak, buskel'] 'сосудъ', *Кабанъ* и *Зуродъ* [kaban, zurod] 'стогъ', *Нерь* и *Шуціо* [n'2r, šuCo] 'пруть, лоза' [Словарь 1816: 4, 7, 10]; *дерисюръ* и *анабуръ* [ger+s'ur, anabur] 'борозда', *одазинъ* и *урце* [ogaz'+n, urCe] 'вмтстм', *ляця* и *дзюсь* [lapCa, ɣis] 'лавка' [Словарь 1820: 2, 6, 24]; *возманы*

(*витины*) [voz'tan + (vit'+n+)] 'ожидать', *медолы-но* (*варьлы-но*) [medol + no (varl + no)] 'и для раба' [Еванг. Гл. 30, 68]; *золты* [zolt+] 'распни', *атась дзюрзиднълэсь изи* [atas'ur'xonles' iz'+] 'терновый венец' [Азбука Гл. 102–103]; *бурьчъ-сэ* (глаз. *тыронъ-зэ*) [bur+Cse (t+ronze)] 'долгъ [его]', *дзюрыны* (Глаз. *зулины*) [ur+n+ (zul'+n+)] 'роптать' [Еванг. Сар. 139, 151]; *уноезь* [uноjez] 'многие', *уця-* [uCCa-] 'осязать' [Азбука Сар. 113, 116].

Включение диалектизмов в письменные памятники наиболее характерно в первой половине XIX века, когда переводчики и редакторы Евангелий и Азбук на удмуртском языке стремились придать текстам общепонятность и вводили лексику различных диалектов.

3.4.3. Этнографическая лексика

В памятниках письменности представлена также разнообразная этнографическая лексика, отражающая различные стороны жизни удмуртского народа двухсотлетней давности: быт, обычаи, различные кушанья, одежду, инструменты и т. д.: *Aschkon* [aškon] 'высокий женский головной убор', *Tackjá* [takja] 'девичий головной убор, шапочка' [Mes. 207, 208]; *Кэй тыль* [k2jt+l ~ ? kejt+l] 'свѣча сальная', *Сарба* [sarba] 'буракъ' [Соч. 31, 32]; *кертымъ* [kert+m] 'оброкъ', *ношленци* [noš'en'Ci] 'носилки', *сарва* [sarva] 'буракъ' [Крот. 86, 148, 192]; *кукли* [kukl'i] 'пирогъ', *туслу* [tuslu] 'порядок, убор в дому' [Мог. 32, 46]; *Мусуръ* [musur] 'медъ (точнее: медовуха – Л. И.)', *Ожонъ* [ožon] 'долото', *Пежъянь* [pežjan] 'шило' [Словарь 1816: 9, 15, 16]; *кись* [kis'] 'бердо', *керцяль* [k2r@al ~ ? ker@al] 'кисель', *кубо* [kubo] 'пряслица' [Словарь 1820: 3, 22, 36]; *сынъ* [s+n] 'гребень', *кобы* [kob+] 'ковшъ' [Азбука Гл. 10, 12]; *сюрло* [s'urlo] 'серпъ' [Азбука Сар. 11]. Безусловно, этнографические понятия, связанные с жизнью народа, представляют большую ценность не только для специалистов по удмуртскому языку, но и для исследователей истории и культуры удмуртского народа.

3.4.4. Редкие и устаревшие (забытые) слова

При анализе памятников ранней удмуртской письменности выясняется, что многие зарегистрированные в XVIII веке слова, в современном удмуртском языке вышли из употребления или встречаются в небольшом ареале. Например: *Ning-goron* [ni)goron] 'женщина', *Tschiúntschi* [Cun'Ci] 'крот' [Mes. 208, 209]; *Вуджь* [vuɟ] 'лучок' [Соч. 34]; *пужо* [pužo] 'пестрый', *шукысь* [šuk+s] 'память' [Крот. 178, 269]; *кигирь* [? kig+r ~ kij+r] 'кулак', *дзюозь* [ɔoz] 'берег', *пыдліогонь* [p+dl'ogon] 'стремя въ седлѣ и ступени въ лѣсницѣ' [Мог. 37, 42, 44]; *Уарлень кышно* [ʰarlen k+šno] 'служанка', *Издиськекъ* [izdis'kem] 'верста', [Словарь 1816: 4, 7]; *буржо* [burjo] 'зазубринка', *кутонкыль* [kutonk+l'] 'лихорадка' [Словарь 1820: 17, 24]; *пальсаны* [pal'san+] 'распятъ', *цюкындырыськыны* [Cuk+nd+r+s'k+n+] 'креститься' [Еванг. Сар. 153, 154]. Причины, обусловившие вытеснение отдельных слов из активного употребления, могут быть самыми различными. Одной из них является заимствование лексем с идентичной семантикой из контактирующих языков, при котором заимствования в течение некоторого времени употребляются параллельно с исконными словами и со временем вытесняют из обихода собственно удмуртские лексемы, превращая их тем самым в архаизмы. Важной причиной перехода слов из активного фонда в пассивный является то, что предметы, вещи и явления, называемые ими, выходят из живого обихода – переходят в разряд историзмов.

3.4.5. Религиозная лексика

В памятниках удмуртской письменности наряду с другими пластами лексики встречаются слова, связанные с религиозными воззрениями удмуртского народа, например: *Iinmar* [inmar] 'бог' [Mes. 207]; *Schaitan* [šajtan] 'Дьявол' [Miller 36]; *сиземь нянь* [siz'em n'an'] 'жертвенный хлѣбъ' [Крот. 197]; *Имаинбер* [imainber] 'ангелъ', *Визь* [viz'] 'постъ' [Словарь 1816: 2, 3]; *сельктемь* [s'ɟl+ktem ~ ? s'el+ktem] 'безгрѣшный', *восяськысь* [vos'as'k+s']

'богомольный', *курбонъ* [kurbon] 'жертва' [Словарь 1820: 1, 2, 16]; *Инь-маръ* [inmar] 'Богъ', *Мыдоръ* [m+dor] 'Божія мать' [Свод 1833: 2]; *пыртыськыны* [p+rt+s'k+n+] 'креститься', *визьса* [viz'asa] 'постившись' [Еванг. Гл. 14, 15]; *сelyкыіôсэ* [s'2l+kjosse ~ ? s'el+kjosse] '[он] свои грѣхи', *пэськонънэ* [p2jas'kon'n'e ~ ? pejas'kon'n'e] 'въ искушение' [Еванг. Гл. Марк 2, 116]; *козмань* [kozman+] 'благословить', *причасья юонъ* [priCas'ja juon] 'причащение' [Азбука Гл. 37, 142]; *цюкындырыськыны* [Cuk+nd+r+s'k+n+] 'креститься', *восятонъ инты* [vos'aton int+] 'жертвенникъ' [Еванг. Сав. 14, 181]; *Остэ Кылцинъ-Инмармы* [oste k+lCin inmarm+] 'Господь нашъ', *церкт* [Cerke] 'въ храмъ' [Азбука Сав. 83, 85]. Слова из области религии дают представление о верованиях удмуртов, о существовании по их представлениям в природе злых и добрых сил, о былых религиозных праздниках, обычаях и т. д.

Безусловно, лексические материалы рассмотренных письменных памятников – ценнейший материал для исторической диалектологии и современной лексикографии. Хочется надеяться, что отдельные слова памятников двухвековой давности, не попавшие в нормативные словари удмуртского языка, не будут обделены вниманием в будущем, потому что устаревшие, местные (диалектные), простонародные (разговорные) и введенные писателями лексемы должны быть одинаково важными для составителей лексикографических трудов.

Заключение

В настоящей работе исследован 21 памятник удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века, содержащий лексические данные удмуртского языка. Из этих источников 16 написано средствами кириллической графики, а пять – буквами латинского алфавита. Лексические материалы трех рукописных словарей первой трети XIX века вводятся в науку впервые.

На основе анализа письменных памятников указанного периода, можно сформулировать следующие выводы:

1. Удмуртская письменность возникла (зародилась) в первой трети XVIII столетия на основе латиницы: в 1726 году немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом был составлен рукописный дневник, содержащий солидный список удмуртских слов (около 350); в 1730 году в г. Стокгольме вышла в свет книга Ф. Й. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...», в которой впервые увидели свет в печатном виде 29 удмуртских слов. Чуть позже, в 30-е годы XVIII столетия, наряду с собиранием исторических, этнографических и географических данных, интенсивно занимались фиксацией словарного материала разных народов Сибири и Поволжья, в том числе у удмуртов, ученые-путешественники Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер. Материалы первого были изданы в 1758 году (среди них 250 удмуртских слов)

в книге «Sammlung russischer Geschichte», а лексические данные Й. Э. Фишера по удмуртскому языку увидели свет лишь в конце прошлого столетия.

Для максимально точной передачи специфических звуков «чуждого» им удмуртского языка эти исследователи использовали различные способы для фиксации удмуртского лексического материала – диакритические знаки над буквами (**â, é, ô, û**), сочетания букв (**öe, iö – ö; yi, ui – ы; sch – ш, sh – ж; dsh, ds, dsj – з; tsch – ч** и **ч**) в соответствии с латинской (точнее немецкой) орфографической нормой.

Кириллица впервые была использована для записи удмуртского стихотворения в четыре строки 39 лет спустя после опубликования первых удмуртских слов Ф. Й. Страленберга на латинице – в 1769 году. В 1775 году в Санкт-Петербурге была опубликована первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка», которая, будучи в свое время самым крупным и авторитетным изданием, включающим удмуртские языковые материалы, положила конец колебаниям в выборе между латинской и кириллической графическими системами в пользу последней. Эта грамматика является первым большим печатным памятником, где слова (около 1400 единиц) и некоторые грамматические правила удмуртского языка были написаны при помощи кириллицы. Графика, алфавит, а также некоторые элементы орфографии, заимствованные из русского правописания того времени, послужили основой при составлении рукописных и печатных работ конца XVIII (удмуртско-русского словаря З. Кротова и грамматики М. Могилина) и первой половины XIX века (рукописных словарей и текстовых памятников – переводов Евангелий и Азбук).

2. Алфавиты письменных памятников удмуртского языка, составленных на основе кириллической графики, состоят из 36–41 буквы. По своей конфигурации и строению буквы всех этих алфавитов подразделяются на следующие группы: 1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя; 2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы и латиницы (с

диакритическими знаками или без таковых) или греческого алфавита: Gg, ê, ε, Ii, ξ, Mm; 3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, iô (iо, jô, iо, iô), нг (нг), Ув/ув, ъе (ъê). Использование составителями письменных памятников некоторых буквосочетаний третьей группы можно объяснить стремлением точной фиксации на письме своеобразных удмуртских фонем, отсутствовавших в русском языке (ö, ð, ç, жс), а также передачи фонетических особенностей удмуртских диалектов, к которым относятся, например, фонемы ° (= **ув**) и) (= **нг**).

Графические особенности памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века, написанных (составленных) на основе кириллицы, в основном повторяются. Зачастую разница состоит лишь в количестве букв алфавитов письменных памятников и способах обозначения звуков удмуртского языка. Так, например, в рукописном словаре З. Кротова и грамматике М. Могилына для написания удмуртских слов используются буквы латинского (**j**) и греческого (**ε**) алфавита, которые отсутствуют в грамматике 1775 года издания. Греческая буква **ε** уже не встречается в памятниках письменности первой половины XIX века, а латинская **j** выпадает из алфавитов рукописного словаря 1833 года и текстовых памятников 1847 года.

Латинская буква **g** (наряду с русской **г**) используется для обозначения удмуртского **г** в памятниках последней четверти XVIII – первой трети XIX века. Исключением являются русскоязычное издание материалов Г. Ф. Миллера (1791 год) и пятиязычный словарь Ф. А. Волегова 1833 года, в которых удмуртский **г** обозначается только русской буквой **г**. В текстовых памятниках **g** встречается только в самом начале Азбук (в алфавите и слогах), а в примерах, текстах Священной истории и кратком катехизисе, а также ни в одном из Евангелий, данная графема в удмуртских словах не наблюдается. Поэтому можно заключить, что с 30-х годов XIX века звук **г** в памятниках удмуртской письменности уже начинает обозначаться только русской буквой **г**.

Интересным является также развитие обозначения звуко сочетания *йо* (совр. орф. **ё**). В памятниках, написанных на кириллице, оно впервые встречается в стихотворении 1769 года в виде буквосочетания **ьо**. В грамматике 1775 года это звуко сочетание обозначается шестью способами – **io, iô, îo, iо, iö**

и **ю**. В последующих памятниках письменности для передачи *йо* применяются два диграфа – **іо** и **іѳ**, за исключением рукописного словаря 1820 года, в котором это звуко сочетание обозначено посредством буквосочетания **јѳ**.

Особенностью графики текстовых памятников 1847 года издания является то, что здесь впервые в большом количестве употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис, точка, запятая, двоеточие и проч.

3. В ранних памятниках удмуртской письменности орфографии как нормы еще не было. Однако была налична определенная система написания слов.

В письменных памятниках, составленных на латинице, при написании удмуртских слов были применены некоторые элементы правописания немецкого языка. В частности, в трех (материалах Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера) из пяти исследованных в словах, оканчивающихся на гласный звук, последовательно встречается буква **h**, обозначающая в немецком языке долготу предшествующего гласного. Долгих гласных в удмуртском языке нет, но вышеупомянутые исследователи, возможно, обычную гласную конца слова, находящуюся под ударением, приняли за долгую гласную.

Элементы удмуртской орфографии, заложенные в первых стихотворениях, написанных кириллической графикой, были «утверждены» в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года. В ней орфографические правила не были сформулированы, но были предложены образцы написания слов и некоторых морфем: 1) обозначение велярности согласных конца или середины слова последующей буквой **ъ**; 2) письменная передача удмуртских звуко сочетаний *жы* и *шы* через букву **и**; 3) обозначение палатальности согласных последующим мягким знаком, **и** или йотированными гласными **е**, **ю**, **я** и диграфом **іо** и др. Эти элементы во всех словарях, грамматиках и текстовых памятниках повторяются. Однако принципы написания некоторых слов в памятниках второй половины XIX столетия начинают меняться в двух направлениях.

С одной стороны, система написания приближается к современной удмуртской орфографии. В частности, лексемы с инициальной *ы-* во всех памятниках XVIII века, а также в рукописных лексикографических работах

первой трети XIX века, за исключением словаря 1833 года, написаны через букву **и**. Уже в текстовых памятниках 1847 года издания подобные слова пишутся как через **и**, так и соответствующей буквой русского алфавита – **ы**.

С другой стороны, «орфография», предложенная в грамматике 1775 года, ухудшается, о чем свидетельствуют следующее: 1) в обозначении фонемы э буквой **е** или **т** после палатальных согласных и буквой **э** после велярных встречаются заметные перебои; 2) одно и то же слово, очень часто даже на одной странице, имеет несколько вариантов написания; 3) наблюдаются перебои в дефисном, слитном или раздельном написании в конструкциях с послелогоми, формах с притяжательными суффиксами и/или падежными морфемами, глаголом и частицей отрицания и др.

4. В большинстве исследованных нами письменных памятниках (лексических материалах Й. Э. Фишера, П. С. Палласа, грамматике 1775 года, удмуртско-русском словаре З. Кротова, грамматике М. Могилина, удмуртско-русском словаре 1816 года, русско-удмуртском словаре 1820 года и текстовых памятниках 1847 года) отражены фонетические, морфологические и лексические особенности разных диалектов удмуртского языка. Общей характерной чертой письменных памятников XVIII – первой половины XIX века является то, что все они составлены на основе языковых данных какого-то определенного диалекта, но с широким привлечением лексического материала других диалектов удмуртского языка.

В ходе многолетней работы над переводом и изданием Евангелий и Азбук переводчиками и издателями была проведена серьезная работа по созданию наддиалектности в их языке, которая выразилась в объединении в текстах разнодиалектных форм. Таким образом, был взят правильный курс на обогащение лексики литературного языка за счет диалектной речи всех регионов проживания удмуртского населения.

5. Исследованные нами источники содержат главным образом самые необходимые, общеупотребительные слова, функционировавшие в указанный период. Эти лексемы можно классифицировать на следующие тематические группы: общественно-политические, административные, военные, ремесленные

и др. В письменных памятниках отражены слова, обозначающие предметы, орудия, действия, способы, разные приемы, относящиеся к основным видам хозяйства и т. д.

Кроме общеупотребительной лексики, письменные памятники удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века отразили диалектные, религиозные, а также устаревшие и неупотребляющиеся в современном языке слова. Все они могут быть использованы для пополнения лексической системы удмуртского литературного языка.

Сокращения

І. Условные сокращения языков и диалектов

бес. – бесермянское наречие

бт. – буйско-таныпский говор (пю. диалект)

глаз. – глазовский диалект (сев. наречие)

грах. – граховские говоры (южн. диалект)

дѣб. – дебинский говор (сев. наречие)

кз. – коми-зырянский язык

клм. – прикильмезские говоры (сред.)

кп. – коми-пермяцкий язык

кркм. – кырыкмасские говоры (южн. диалект)

круф. – красноуфимский говор пю.

кукм. – кукморский говор пю.

лит. – литературный (удмуртский) язык

мал. – малягуртский говор (сред.)

мар. – марийский язык

нен. – ненецкий язык

нч. – нижнечепецкие говоры (сев. наречие)

пю. – периферийно-южный диалект удмуртского языка

св. – средневосточные говоры (сред.)

сев. – северное наречие (северные говоры) удмуртского языка

севЮ. – северный говор д. Юски (Кезский район УР)
сред. – срединные говоры удмуртского языка
сч. – среднечепецкий диалект (сев. наречие)
тати. – татышлинский говор (пю. диалект)
ув. – увинско-вавожские говоры (сред.)
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
шошм. – шошминский говор (пю. диалект)
южБУ. – южный говор д. Бобья-Уча (Малопургинский район УР)
южК. – говор д. Кузебаево Алнашского района
южМ. – южный говор д. Муважи (Алнашский район УР)
южн. – южный диалект удмуртского языка

II. Условные сокращения населенных пунктов

Е – село Ежево Юкаменского района
УЛ – деревня Усть-Лем Юкаменского района
Ш – деревня Шамардан Юкаменского района

III. Прочие сокращения

акк. – аккузатив
ГПБ – Государственная Публичная библиотека
д. – дело
инв. – инвентарный номер
напр. – например
оп. – опись
орф. – орфографический, орфографически, орфография
РО – Рукописный отдел
РФ – Рукописный фонд
см. – смотри
собр. – собрание
совр. – современный

Источники

Азбука Гл. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дптѣй чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). – Казань, 1847. – 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречіе / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 3). – С. 387–558].

Азбука Сар. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дптѣй чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). – Казань, 1847. – 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречіе / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 4). – С. 249–439].

Еванг. Гл. – Господа нашего Іисуса Христа Евангелїя отъ св. евангелистовъ Матѣя и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчїя. Казань, напечатанъ въ типографїи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 234 + 135 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречіе / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и

литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 13–386].

Еванг. Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѣя на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 11–248].

Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. – (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой, Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Перв. кн. Гл. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – 560 с.

Перв. кн. Сар. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ив-

шин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – 441 с.

Свод 1833 – Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских. Национальный Архив Республики Татарстан. Казань (ф. 10, оп. 5, единица хранения 886).

Словарь 1816 – Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани. Научно-отраслевой архив. РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Ижевск (ф. РФ, оп. 2-Н, единица хранения 659).

Словарь 1820 – Словарь языка вотского. Научно-отраслевой архив. РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Ижевск (ф. РФ, оп. 2-Н, единица хранения 624).

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербургт при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

Messerschmidt 1726 – Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с., илл.

Библиография

Аксенова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 15–19.*

Алатырев В. И. Когда возникла удмуртская письменность? // *Молот. – 1956. – № 6. – С. 58–62.*

Алатырев В. И. Введение // *Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975а. – С. 3–15.*

Алатырев В. И. Примечания // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975б. – С. 1–17.

Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1976. – С. 15–36.

Алатырев В. И. Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик // СФУ. – 1977. – № 3 (XIII). – С. 208–215.

Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 91–105.

Алашеева А. А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого говора удмуртского языка // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. – С. 8–10.

Алексеев А. А. Ф. А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 г. // Вопросы истории и грамматики чувашского языка / НИИ языка, лит., ист. и экон. – Чебоксары, 1977. – С. 133–145.

Архинов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 3–46.

Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск:, 1981. – С. 45–96.

Атаманов М. Г. Удмурт кыл удысысь нырысетй синпельмет // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. трудов / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – 78–86-тй б.

Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.: вкл.

Атаманов М. Г. Роль православной церкви в формировании удмуртской печати // Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати: Материалы Региональной межвузовской научно-практической конференции (15 февраля 2006 г., Ижевск) / Отв. ред. А. А. Вахрушев. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 272 с.

Бабинцев А. С. Удмуртская орфография: Тезисы (в порядке обсуждения) // К первой удмуртской языковой конференции. – Ижевск, 1937. – 11 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. К. Е. Майтинская. – М. Изд-во «Наука», 1975. – 252 с.

Белова Е. Б. Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении): Дис. ... канд. филол. наук / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2000. – 149 с.

Белова Е. Б. Эволюция обозначения удмуртских аффрикат латиницей // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. – С. 53–59.

Белова Е. Б. Развитие кириллического изображения аффрикат // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 2002. – С. 98–105.

Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М. Изд-во «Наука», 1984. – 256 с.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 112 с.

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1904. – Ч. LXXV. – С. 149–1248.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. – 1969. – № 1 (V). – С. 59–69.

Бушмакин С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка // СФУ. – 1970. – № 2 (VI). – С. 101–111.

Ванюшев В. М. Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск, 1993. – С. 295–301.

Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. – С. 228–241.

Вахрушев В. М. Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лигвистики // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей; Вып. 3 / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1975. – С. 3–23.

Вахрушев В. М. Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. – С. 37–43.

Вахрушев В. М. Удмуртская лексикография. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 73 с.

Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 7–22.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и повтрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 190 с.

Гильмаев А. В. Татышлинский диалект I // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1981. – С. 97–102.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Домокош П. История удмуртской литературы / Перевод с венг. В. Власович. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

Егоров В. Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник I. – М.-Л., 1951. – С. 85–92.

Ермаков Ф. К. Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. – С. 83–87.

- Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1980а. – 16 с.
- Загуляева Б. Ш.* Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению / Тартуский ун-т. – Тарту, 1980б. Вып. 6: Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. – С. 103–108.
- Зверева Л. Е.* Говоры Увинского и Вавожского районов: Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 60–72.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов. – М., Л.: «Просвещение», 1965. – 192 с.
- Иванова В. Ф.* Принципы русской орфографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 230 с.
- История Удмуртии I* – История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; Под. ред. К. И. Куликова; введение М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. – Ижевск, 2004. – 552 с.
- Кайдалова А. И., Калинина И. К.* Современная русская орфография. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 239 с.
- Каракулов Б. И.* Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 106–115.
- Каракулов Б. И.* О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX века // *Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. гос. ун-т.* – Ижевск, 1987а. – С. 103–107.
- Каракулов Б. И.* Типы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. научн. тр. / АН СССР. Ин-т языкозн. Совет ученых и специалистов. – М., 1987б. – С. 184–191.
- Каракулов Б. И.* Диалектная основа удмуртского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1987в. – 201 с.
- Каракулов Б. И.* К истории создания письменных памятников марийского и удмуртского языка // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. статей / АН СССР. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 1991. – С. 115–123.

Каракулов Б. И. Словари удмуртского языка в Кировском архиве // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. Кировское отд., 1994. – С. 313–315.

Каракулов Б. И. Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы международной научной конференции (Глазов, 19–21 ноября 1997 года). Часть 1. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. – Глазов, 1997. – С. 3–8.

Каракулов Б. И. Из истории обозначения удмуртского взрывного заднерядного /г/ латинской графемой g // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы региональной научной конференции, посвященной Д. К. Зеленину. – Глазов, 1999. – С. 71–74.

Каракулов Б. И. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Материалы научной конференции / УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). – Сыктывкар, 2000. – С. 467–469.

Каракулов Б. И. Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая страница истории удмуртской лингвистики // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára (= Uralisztikai Tanulmányok 14). – Budapest, 2004. – С. 528–536.

Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI даурьёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с. (На удм. и рус. яз.).

Карпова Л. Л. Некоторые фонетические особенности дёбинского и чурашурского говоров // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории

пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 109–111.

Карнова Л. Л. О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. статей / АН СССР. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 1990. – С. 66–84.

Карнова Л. [Л.] Особенности употребления падежных форм в среднечепецком диалекте удмуртского языка // LU. – 1996. – № 1 (XXXII). – С. 36–42.

Карнова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка (= Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2). – Тарту, 1997. – 224 с.

Карнова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Кельмаков В. К. О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка // СФУ. – 1968. – № 3 (IV). – С. 187–196.

Кельмаков В. К. Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1975. Вып. 3. – С. 65–89.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 26–61.

Кельмаков В. К. Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке. I: Варьирование гласных непервых слогов // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1983. – С. 50–61.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 26–51.

Кельмаков В. К. У истоков удмуртской филологии // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: Сб. статей / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1992а. – С. 55–60.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992б. – 176 с.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 58 с.

Кельмаков В. К. Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 52–75.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков В. К. Неизвестная страница истории удмуртского языкознания. Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу / МОПО РФ; Удм. гос. ун-т; Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – 58 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001а. – 140 с.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001б. – 232 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. – 445 с.

Кельмаков В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 2002б. – С. 17–53.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 276 с.

Кельмаков В. К. О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапупльском наречии» удмуртского языка I // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára (= Uralisztikai Tanulmányok 14). – Budapest, 2004a. – С. 537–546.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004б. – 395 с.

Кельмаков В. К. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапупльском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета: Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 17–24.

Кельмаков В. К. Об истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Факультет удм. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – 420 с.

Кондратьева Н. В., Зверева Т. Р. О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // Формирование и развитие литературных языков Поволжья: Материалы V Междунар. симп. / Удм. гос. ун-т. Факультет удм. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 322–326.

Кузнецова А. Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7. – 13.8. 2000. Tartu. – Tartu, 2000. Pars I: Orationes plenariae & Orationes publicae. – С. 93–108.

Куликов К. И. Удмуртъёслэн югдытӥсьсы: нырысетӥ удмурт грамматикалы – 225 ар // Кенеш. – 2000. – 4-тӥ №. – 22–28-тӥ б.

Лаврентьев Г. И. Удмурт кылын гоҗъяськонын куд-ог ужпумъёс // Молот. – 1971. – № 9. – 50–53-тй б.

Лупповъ П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. – Вятка: Губернская типографія, 1911. – XXII + XVI + 568 с. + XXXIV.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М. Изд-во «Наука», 1964. – 271 с.

Майер В. Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой удмуртской грамматики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. Статей / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1975. Вып. 3. – С. 24–34.

Миллеръ Г. Ф. Описание живущихъ в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ <...>; съ приложеніемъ многочисленныхъ словъ на семи разныхъ языкахъ, какъ то Казанско-Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ, и приобщеннымъ переводомъ Господней молитвы *Отче нашъ* на Черемисскомъ и Чувашскомъ языкахъ, сочиненное *Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ*, Императорской Академіи Наукъ Профессоромъ, по возвращеніи его въ 1743 году изъ Камчатской Экспедиціи. – СПб., 1791. – 101 с.

Напольских В. В. Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. – 1998. – № 4. – С. 146–156.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с., илл.

Напольских В. В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // LU. – 2002. – № 1. – С. 33–49.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.

Осинов Б. И. Учителю об истории русского письма: Учебное пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 127 с.

Поздеев П. [К]. Удмуртъёслэн Кириллзы но Мефодийзы // Кенеш. – 1991. – 5-тй №. – 25–26-тй б.

Пономарев К. А. Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск, 1976. – С. 5–14.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.

Сахарных Д. М. Возникновение удмуртской письменности: предварительный опыт датировки // XXVI итоговая студенческая научная конференция: Тезисы докладов. – Ижевск. Изд-во Удм. ун-та, 1998. – С. 11–13.

Сергеев О. А. Краткая лингвистико-палеографическая интерпретация пермских памятников письменности: По материалам Центрального государственного архива Республики Татарстан // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. – С. 149–155.

Сергеев О. А. Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII – XIX веков. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2002. – 192 с.

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

СУЯ 1992 = Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 144с.

Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1967. Вып. IV. – С. 294–309.

Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, – 1959. Вып. 19. С. 149–166.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *ǰ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн. Петрозавод. ин-т ЯИЛ. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 75–82.

Тараканов И. В. Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // СФУ. – 1965. – № 3 (I). – С. 229–230.

Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 69 б.

Тараканов И. В. Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 85–100.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 140 с.

Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998а. – 484 с.

Тараканов И. В. О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998б. – С. 330–338.

Тараканов И. В. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998в. – С. 8–27.

Тараканов И. В. Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998г. – С. 95–136.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *ǰ* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998д. С. 137–146.

Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2000. – С. 539–540.

Тараканов И. В. История удмуртской графики // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III.* – Tartu, 2001. – С. 297–301.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // *Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* – Ижевск, 1957. Вып. 18. – С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. И. Лыткин. – М., 1965а. Вып. 1. – 324 с.

Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // *СФУ.* – 1965б. – № 1 (I). – С. 60–61.

Тепляшина Т. И. Из истории удмуртской графики // *Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965в. – С. 111–114.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // *Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* – Ижевск, 1970а. Вып. 21: Филология. – С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // *АН СССР. Ин-т языкозн.* – М.: Изд-во «Наука», 1970б. – 288 с.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // *СФУ.* 1971. № 2 (VII). С. 129–139.

Тепляшина Т. И. Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова // *Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* – Ижевск, 1973. Вып. 2: Сб. статей и материалов. – С. 224–226.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // *Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн.* – М. Изд-во «Наука», 1976. – С. 97–228.

Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980.* – Turku, 1981. Pars VI: *Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica.* – С. 285–292.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре З. Кротова // Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 1995 (= Краткий Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I). – С. VII–XX.

Терентьев В. Т. Еще раз о первой грамматике чувашского языка // Вопросы языкознания. – М., 1959. № 3. – С. 139.

Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период) / АН СССР. Ин-т этнограф.; Отв. ред. Э. В. Померанцева. – М., 1966. – 456 с.

Уваров А. Н. К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода // Об истоках удмуртской литературы: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 5–51.

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 121 с.

Федотов М. И. Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 116–130.

Шкляев А. Г. К вопросу о влиянии книжных жанров на развитие удмуртского литературного языка (первые письменные памятники): Материалы Всероссийской научной конференции по теме «Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов» (7–8 апр. 1993 г.). – Ижевск, 1993. – С. 43.

Шутов А. Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет // LU. – 1997. – № 3 (XXXIII). – С. 215–217.

Adelung I. H. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde, t. I. – Berlin, 1806. – S. 547–548.

Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. – 1883. – № 2 (85). – 311–320. old.

Csúcs S. A votják nyelv a 18. században // NyK. – 1984. – № 1 (86). – 63–80. old.

Gulya J. Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von János Gulya. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia; Bd. 7). – 252 S.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremisschen und in den permischen Sprachen // FUF. (Helsinki) – 1953–1954. – № 3 (XXXI). – S. 149–345.

Karjalainen K. F. Suomalais-ugrilaisia käsikirjoituksia Pietarin kirjastoissa // SUSA. – Helsinki, 1906. – S. 1–12.

Kel'makov V. K. Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // Laponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium 20.–23 April 1994. – Uppsala, 1996. – S. 211–224.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47) / Удмурт диалектъёс (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. «Удмурт вераськетъёс» 2). – Turku; Iževsk / Турку; Ижевск, 1994. – 368 s.

Messerschmidt I–V – Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. – Berlin, 1962–1977.

Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. Bd. III. – SPb, 1758.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XV + 758 l.

Penttilä A. Die Vertretung des urpermischen inlautenden *η im heutigen Syrjänischen und Wotjakischen // FUF. (Helsinki) – 1927. – XVIII. – S. 108–115.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet... – Stokholm, 1730. – 431 S.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1933. – XVIII + 446 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg. – St.-Péterbourg, 1858. – S. 240–256.

Факсимиле страницы рукописного «Словаря языка вотяков...» 1816 года

Вуккож — серновъ.	Сурьсозы — поперешиникъ.
Мушъ — кимъ.	Сершетъ — эзда
Пеконъ — оселка.	Нукто — обротъ
Тыцки — тила.	Сершетъ гдзъ — паводъ
Тосъ — Евоздъ.	Мертетъ — штра
Кортъ Тосъ — авибъкъви Евоздъ.	Шкъ — подлокъ.
Пици сурезъ — трона.	Сяханъ — рочома
Уробо — тилъга.	Шейепъ — щена.
Питранъ — колесо.	Муня,ю — баня.
Тусъ — нахмиска	Пенъ ву — шелохъ.

Уробозу, робозеръ — осв.

Вупуньветъ — Хока.

Телева 16^{ав}Питранъ пвцъ — шки, колеска. ^О Востъ и рыветъ.

Сюшветъ — ремень.

Биксозы — вофери.

Букю — дуга

Досю — сани

Екаръ — сьдло.

Узеней шило — стреля.

Перьянъ — шило

Валъ пвхоритъ — подкова.

Валъ сюсронтъ — яси.

Уреъ — тметъ.

Сюло — сичъ.

Днерцяхъ — сьделка.

Шуръ — рька

Ву — вода

Шурментъ пвидеть — дно водное!

Пыцъ — судко.

Выцъ — мостъ.

Осийетъ — источникъ.

Аръ дуръ — серезъ.

Дэри — ерязъ.

Калтонтъ — среденъ.

Лодэтъ — лейка.

Лемъ — клей.

Торыхъ — рыба

Ципей — шуха

Факсимиле страницы рукописного «Словаря языка вотского» 1820 года

видной адцкэмъ	внутренний Пужкынъ
визу адзискѣ	внутри Пужкыъ
визжу цирекъяскѣ	везде Бодескымъ
визжкѣ цирекъясъ	вода вѣ
визъ цирекъямъ	водоворотъ вунортэмъ
вилы Саникъ	вошки Биледозы
вика, виммаса	вожу дитя Нуллыскѣ
Алдошъ	возвращаго Бериктоскѣ
вико кѣблес. аракомъ	возвращеніе Бериктѣмъ
виковатамъ Ялдошмъ	возвращаго вилоттисъ
викожу Позиртоскѣ	возри ^{кѣ} Зырымъ
Вилмица ошамъ	возеривый Зотровишъ
Вилыткѣ ошамъ	воздухъ Бусъ
Вилкѣ Мелвоотъ	воздушной Бусиелъ
Вилъе Пучеотъ	воздохго музискѣ
Вилоръ Пери	возлѣ арми
Вилмивой Лемлесъ	возмущаго Сураскѣ
Вилу амискѣскѣ	возмущеніе Сураскѣмъ
Вкось Кроткало	возобновленго вилдыскѣ
Вкружъ Котиръ	возрастѣ Судотъ
Вкусной шемъ	войлокъ Двѣмъ
Вкуръ шемъ	войлочной Дотилсѣмъ
Влага мучкѣтв	войска ожъ
Влаганище тырокъ	войскѣ Ожмаскѣскѣ
Владого Утискѣ	войско Ожмаскѣскѣ
Владомей мучкѣтв	войсмой Илзѣмъ
Власаи тере	войсму Илзискѣ
Витъсато Итатѣ	Валдыреваатамъ Нулласамъ
Витъсате одазімъ или	Валдопръ. Пузопръ Пушѣ
Црицѣ	Валокима Коттаскѣскѣ
Вичжу Улотъ	Волкъ Кіотъ
Вмижъ Улѣ	
Вновъ Вилмисъ	

Факсимиле страницы рукописного «Свода...» 1833 года

По Русски: По Перси: По Франки: По Венгрии: По Чубан:

Анкара	Чина	Анкара	Конско
Бата (женщина)	Коран-ано	Бата	Шно
Батто (наша)	Туго	Богидо	
Бале	Маман-хур	Маман	Монго
Бурани (овина)	Бале ай-но	Бло	Маа
Бурза	Корго	Корго-ну	Корно
Бурмо	Самон	Мун	
Бурю	Варго	Шубо-хур	
Бумба, Франк	Маман-хур	Мун-хур	Бурю
Бурма	Алло	Мун-со	Бурю
Бурю	Ано-хур	Маман-хур	
Бораман	Ано-хур	Бурю	Бурю

